Графоман № 4(16)-2013

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Янис Грантс — Человек и другие стихи.....5

Людмила Карнаухова — Захромал мой стишок, не идёт.....7

Галина Черепанова — С белых гор.....9

Анатолий Михайленко — Над тобой и надо мной.....10

Владимир Царев — Нам есть ещё куда хужеть… 18

Александр Поповский — Пусто на западном склоне.....26

Лев Молчанов — Сказка о шахе Аббасе 33

Виктор Калугин — И уральские зори полощат.....35

Нелля Красикова — Волшебство вечернего общенья.....36

Лидия Маркова — Всё той, но — новой песней.....39

Галина Коханая — Там на горке черника растёт.....41

Михаил Авдейчик — Ныне, как во время оно.....43

Валерий Дивянин — Жизнь короткая длится и длится.....46

Любовь Дубкова — Привет из детства 50

Анатолий Кухтурский — Журавлиная песнь.....58

Каринэ Гаспарян — Успеть, пока длится танец 59

Владимир Дырин — Мы с тобою чуть-чуть другие 60

Елена Черданцева — Лето не обманет 66

Надежда Старостина — «Вгрызается мука в сердце моё…» 67

Валентина Китаева — Здесь теплое море без края 67

Светлана Богомолова — В день седьмой конца недели 68

Ирина Воротовова — Взгляд избегает взгляда..... 71

Дина Горошилова — Ты, голубушка, не первая 71
Марина Лукашенко — Года мои стремительно бежали 73
Нина Белых — Мой гость ночной, мой дождь в июле 74
Тулеген Наурзбаев — В уральском вырос я посёлке 76
Евгений Кривоносов — Цветет калина юности моей 76
Феликс Андреев — Мне остается Ночь и моё Будущее 79
Любовь Хабарова — Огляжу с высоты я красивые дали 85
Надежда Гаджиева — Но тебе там хорошо, наверное 92
Людмила Владимирова — Стихи детям 96
Галина Савельева — В туманной дымке тает осень 101
Татьяна Аверкина — Вдруг понимаю — здесь мое начало 103
Анна Белобородова — Все в жизни так запутанно порой 104
Татьяна Рубцова — Наш дом родной от счастья светится 105
Ахмет Нуретдинов — Четверостишия 106
Светлана Шитлина — И от воспоминаний я пьяна 108
Александр Кульпин — Мы друг друга простим благодушно 111
Ирина Аникина — Дорог моих пересеченье 112
Сергей Калашников — Ни кем ни в чем не повториться 118
Светлана Медведева — Перестало быть тревожно 121
Анатолий Омельчук — Пограничник и другие стихи 122
Денис Рахманкулов — Ты идешь босиком по песку 123
Вера Белая — Тебя себе я подарю 129
Юлия Габдракитова — Забытое в песочнице ведро 130
Галина Крестникова — Капитаном стать хочу 132
Людмила Бычкова — Поговорим глазами 139
Ольга Фомичева — Знать бы, откуда приходят стихи 142

ПРОЗА. ПУБЛИЦИСТИКА. КУЛЬТУРА

Марина Шалыгина
Короткие рассказы 6
Валерий Мякушко
Фамилия Гуров 13

Михаил Рудковский
За Полярным кругом 27
Валентина Сиволапова
Живет на Руси Елена 37
Валентина Арапова
Капсула 44
Вячеслав Тюнькин
Меченый 52
Павел Хрипко
Вовка — Ленин 61
Ольга Шрейнер
Лирические миниатюры 69
Галина Енюшкина
Великая тайна была 80
Горы Уральские 81
Сказы дедушки Матвея 81
Наша речка Юрюзань 82
Замок «Тик-так» 84
Татьяна Киселева
Майский жук 87
Илья Весенин
Под сенью ангелов 98
Валентина Харько
Лучший день детства 107
Павел Волченко
Плешивые крылья 114
Александр Горицвет
Пресвятая дева 120
Валентина Григорьева
Курочка Рябушка 124
Кошка Солнышко 125
Андрей Смолюк
Червячок по имени Федя 126
Виктор Фатеев
Нить бытия, или Вокруг себя любимого 133
Хакима
Вот пришёл Человек 136
Александр Блинов
Пограничные рассказы 140
Владимир Иванов
Про дедушек и бабушек 148
Виктор Ружин
Сталинизм без маски 149

Евгений Федяков
Внушительный 159

Маргарита Кельвер
«Мы с тобой одной крови — ты и я» 168

Татьяна Воеводина
В чём нам каяться? 170

Пётр Минеев
Нагайбаки (Крешеннер) 172

Александр Сухин
Два метода объяснения истории 177

Владимир Черноземцев и иже с ним
Корабли вышли из берегов, или извлечения из архивов идейного отца репунсизма и его сподвижников (фрагмент)
«Как Исус создал Адама…» 183

Рецензии. Отзывы

Виктор Чигинцев
Исповедь Дон Кихота 145

Гостевая

Глеб Горбовский — Фонарики 146
Вразрез 146
Безглагольное 146

Опыты

Рашида Тимакова — Поеду на край света 95

Фестиваль частушек

Людмила Владимирова
Частушки об Урале 147

Учеба

Александр Квятковский
Поэтический словарь 152

Мемориал

Нина Волкова
Будто я навсегда не с вами 155

Янис Грантс

Человек и другие стихи

Троллейбус

дышит одышкой. цветёт как самшит.
села в троллейбус. шуршит и шуршит.

шепчет. невнятно. и шарит ковшом.
в маленьком. среднем. побольше. большом.

с пола поднимет. уронит с колен.
свой бесконечный полиэтилен.

что ты там ищешь, смешная душа?

на «станкомаше» выходит, шурша.

Надежда

надежда умирает
последней-распоследней.
и в сумраке сарая
(у сеялок и бредней)
разучивает сцену:
верёвка или вены?

верёвка или вены?
пожар или отрава?
надёжно (непременно),
легко и не кроваво.
(ещё река под боком.
глубокая. с востока).

глубокая, с востока —
стоядерная осень.
надежда одинока.
безлюдья не выносит.
четвёртый год в сарае,
рыдает, умирая,
поскольку жить не может.

но и решиться — тоже.

Корабли

корабли повернули на юг.
(самый первый похож на утюг,

а последний — на лапоть).
корабли повернули на запад.

дан сигнал: поворот на восток.
(серединный похож на пирог).

корабли повернули на север.
адмирал уцепился за леер:
не сдаваться! искать!
не нашли.
лишь обломок от мачты нашли.

Человек

человек ходил конём
ржал наперебой
и смеялся днём с огнём
и трубил трубой

пел «по-ра-по-ра-по-ра» —
дуя на предмет
и хмелел как из ведра
и сходил на нет

человек дождём косым
проливал слова
«у меня родился сын.
или.
целых.
два».

Ничего не случится

одинокие птицы,
пролетая над бездной че,
разбиваются о края.

ничего не случится
(с нами), пока на моём плече
засыпает рука твоя.

и пока по утру
у меня во рту —
клубок из волос твоих,
я нисколько даже и не умру.
и никто из нас.
из двоих.

другое — не важно (включая эти стишки).
ничего не случится, пока,
пока
дворник утрамбовывает в мешки
мёртвых птиц
(граблями за бока).

Элегия

о, как никого не сбивает с пути целлофан! —
меня одного за собою влачёт к остановке:
по ветру сверкает, как жаба и левиафан,
по солнцу полощется, словно бельё на верёвке.

чертя очертания полых предметов, как есть,
но только живых очертаний предельней и строже,
подобный усталой мечте, превратившейся в месть
себе и другим за печаль и терпение — тоже.

дыряво порхает, как бабочка — неразрешим —
о, мой целлофан — опалённого сердца заплата.

то гибнет всерьёз под колёсами долгих машин,
то вдруг воскресает, зовёт и кружится куда-то.

г. Челябинск

Марина Шалыгина

Короткие рассказы

Рыбка

Жара. Приятно заходить по колено в воду, пугать плавунцов, черпать легкими ведерками, рысью бегать и с полными, и с пустыми.

Нет, все же запыхалась. Уж не до синевы, не до стрекоз и незабудок. Ну, еще вон ту капусту и…

Едва дотащила. Вижу — а в ведерке-то рыбка! Малюсенькая, серебряная. Сейчас верну тебя в пруд, в родную стихию, сейчас. И мгновенно уплываю сама в свою родную стихию: бродят во мне неясные звуки, слова о солнце и лете. Выливаю одно (без рыбки), выливаю с размаха другое. Ах-ти, беда! — Там же рыбка моя серебряная! Лезу коленками на гряду, шарю руками, вглядываюсь в узорные тени: нету нигде рыбки, нет маленькой, серебристой, умилительной, нету.

— Мамка, ты что тут?

— Рыбку я вылила нечаянно!

И вдвоём ищем, ищем.

— Может, её и не было?

— Нет, была! — И рот мой кривится, проклинаю рассеянность дурацкую.

И неделю (всего-то!) помню о рыбке. Надо мной посмеиваются. Я и сама над собой шучу.

А сейчас вышла во двор, глянула вокруг, на синее небо глубокое — а в солнечных волнах моя рыбка плавает. Серебряная, живая, улыбается:

— Мне хорошо, — говорит, — здесь, просторно! Чего и тебе желаю.

Сон

В еще необжитой квартире и запах — не строительный, а не пойми какой… Татьяна Владимировна принюхалась: пахло будто морем, рыбой и чем-то мужицким, табачным, как в её детстве от братьев, рыбаков в рыбсовхозе.

Простучала каблуками, кинула портфель и сумку на диван, открыла форточки. Сбегала вниз, в булочную. Запах не выветривался. К ночи совершенно определенно воняло морской рыбой.

Юбку длинную всю обнюхала — посидела на чем? Или задела? Постирала. Легла спать.

Во сне красивая женщина, но с внешностью Татьяны Владимировны, била большеголового мужчину по рукам, которыми тянулся за печеньем. Заставляла мыть эти красные лапищи, смеялась, брызгала водой, шутя душила полотенцем. Кормила, и хорошо, смирно и старательно ел. Потом толстыми пальцами достал папиросы. «Беломорканал» — с ужасом прочитала Татьяна Владимировна, смотревшая сон, а она же — действующее лицо — хохоча, открыла нараспашку окно и для баловства жгла спички и бросала вниз в журчащую протоку. Дымил, рассуждал о чем-то с горячностью и неприлично ругал начальство. Поглядывал вострыми глазами и наконец раскочегарился, раздавил в большой пепельнице с неведомым зверем папиросу, обнял.

Раздвоение кончилось. В ухо шептал жаркий голос, ее нос, хлюпая от слез нестерпимого счастья был прижат к трикотажу застиранной футболки, под которой грохотало сердце героя сна.

Татьяна Владимировна проснулась среди ночи в слезах, это ее сердце колотилось как сумасшедшее, носом она лежала в подушке, дышать было нечем. Все было обман. Как всегда.

Утром встала, как обычно. Рыбой не пахло. Господи! Совсем дошла с этими отчетами! Рыба… мужики какие-то… Надела теплые носки, сделала зарядку, живым маршем убралась. «Глупости, дурь, чепуха», — ворчала на себя. Раздвинула шторы посмотреть погоду.

На подоконнике стояла неслыханно-невиданная пепельница со зверьем, и торчал вдавленный окурок.

г. Кыштым

Людмила Карнаухова

Захромал мой стишок, не идёт

* * *

2008, о себе

В дом пришёл сплошной раздрай!
Перееду в другой рай —
Он! Есть там минус: газ в баллонах,
Но квартира-то с балконом!
Воздух там: озон и прана,
Птиц надземное сопрано…
— Царствуй, баушка Ассоль,
Ешь сермяжный правды соль.

* * *

Был туман вдоль всей трассы велик,
любовались мы долго туманом,
но пейзаж оказался обманом:
торфяного пожарища лик.
И сказали нам: — Тлеет давно,
задыхаемся мы среди гари…
Каково же лесной разной твари!
Сообщите, иль всем всё равно?
…Гнали технику в помощь дождям,
и брансбойты в цене, как «салями»,
и в село возвращались селяне,
и пейзаж новый дорог был нам.

* * *

Дневник мой, моё убежище,
(ржавчиной скрипнет дверь)
к тебе поползу на лежбище
я, травоядный зверь.
Так ищет нору поближе
подранок от хриплых псов,
где долгие ночи лижет
кровь с молодых боков.
Раны мои покроются
бинтами твоих страниц,
боли все успокоятся,
скроются тучи птиц.
И от тебя — оживший!
Живучий, живущий, живой —
уйду я: подранок бывший,
должник благодарный твой.
А на твоих страницах,
принявших меня под кров,
как на бинтах больничных,
проступит пятнами кровь.

* * *

Ночью надо бы спать,
Но никак не уснуть!
Так не лучше ли встать
И отправиться в путь —

Ну, хотя б до стола
Что-нибудь начеркать,
В лоне стула-седла
скачек план начертать.
Да, уснуть не могу,
Но могу рифмовать,
В постижении гун
Эту ночь пролистать,
Посвятила б тебе,
Да не знаю — где ты…
Мой фонарь на столе
В пустоте пустоты.

* * *

«Как тупая, молчит у зеркала…»
Всё ты верно подметил, сын:
там, в комочек свернувшись, зыркала
жизнь моя из последних сил.
Нет обид на тебя, мой младшенький,
не нарушится наш союз.
ахи-охоньки, охи-ашеньки,
вот и вырос ты, малый юс,
Мне ж — предстать гениальной дурочкой
(всем ли хватит ума на то?) —
и корячусь под ваши дудочки —
конь крылатый в чужом пальто.
Докорячусь, дабы из кокона
закружить на своих крылах;
зри исконную-то — искомую
уже в Вечности зеркалах.

Новый год

Снует и подарками дразнит
Вспотевший и пьяненький Дед…
Я не люблю этот праздник:
Ничего в нём весёлого нет.
Открытки, которым полвека…
(Меня поздравляли друзья)
Там кони, Снегурки, полёвки,
Гербы, космонавты, князья —
Средь зелени зимнего леса,
Средь звёзд городов и небес,
Но все пожелания, Люся,
Слизнул с них неузнанный бес.
Я чую его приближенье,
Затянут опять в хоровод, —
И вот я пляшу в окруженьи
Иллюзий, фантазий, забот.

* * *

Быть не женой твоей, не гостьей милой,
являясь в ваш, почти как в свой же дом,
быть малым детям нянькой неумелой,
склоняться прачкой над чужим бельём;
и не сестрой жены, и не подругой
поддерживать конфорочный огонь,
но, без надежды повышенья рангов,
быть просто другом дома твоего —
незаменимым, но и незаметным…
молчать с тобой среди камней и мхов,
бруснику брать… И неизменно:
писать стихи, но не читать стихов.
Устать однажды!
Сесть на дальний поезд!
Обрести себя и свой устроить дом —
и вдруг понять, что никогда не поздно
своих стихов прочесть весёлый том!

* * *

Захромал мой стишок, не идёт,
Хромота срамоты немой:
То ли лунный денёк — не тот,
То ли солнечный час не мой?
А пойду-ка посплю чуток,
Не просплю — чуток Ангел мой,
Буду штопать потом чулок —
Искромсала чулочек моль.

* * *

Душа облеклась в астральное тело,
Мне подмигнула — и полетела,
И растворилась… А тело томилось,
Тело не верило! И назревало
Меж ними что-то вроде скандала,
А, самое главное — не понимала я:
Кто из нас — к Богу заглавие малое?

Сноб на вокзале

Электрички, в которых мама с папой,
Поляничко, Година, Юра Русских…
Сколь достойных моей Родины малой
на платформах декабрьских, июльских.
Поколенья студентов, доцентов,
грибников и врачей и всех прочих,
а цыгане — небольшим процентом —
ну за что ты нас БЫДЛОМ порочишь?!
В 8-ом классе на оперетту
мы в Челябу в каникулы мчались,
наших судеб прекрасных либретто
с электричек тех начинались.
…Много тайн, но одну-то открою:
когда зван был в Машгород Высоцкий
(с самолёта — в вагончик) — то кроме
ему близких по духу (не крови!)
не пустили, нарушив условье
для меня… Почему?
до сих пор не пойму:
я, студентка, на уровне высоком.

И сегодня, как и много лет назад,
через год и даже через сто
земляки и приезжие спешат
на «железку», — ярлычок твой за что?

* * *

За трапезою бабушки,
палёные войной.
— Счастье- то какое: белый хлеб — горой!
И пироги, и сахар, и пенсия-то в срок!
Всё пережили… Выжили! А сколь тех, кто не смог…
И с глазами влажными, смиренными и добрыми
Каждая расскажет нечто бесподобное!
Без громких слов всю жизнь они
Во славу Божью трудятся —
И потому-то шарик
Земной наш ещё крутится!
Боевые, скромные, похожие, но разные…
Спасибо вам за радости, за свет такого Праздника!

г. Челябинск

Галина Черепанова

С белых гор

С Белых гор

Это чья вереница обозная —
В полдолины златой караван,
На коне существо лученосное
Разверзают дремучий туман?

И кинжал у ребенка за поясом,
И венец антрацитовых кос.
То взойдёт из тумана, то скроется
Удивительный ходкий обоз.

Чует сердце страну-светозарницу,
Ее голос безмолвно святой:
Конь везет эту юную всадницу
С Белых гор, что цветут красотой.

С Белых гор, что зубцами злачёными
Прорастают в небесную твердь.
Бог несет существо несмышлёное
Вниз — в страну, где разруха и смерть.

Путь незрим, нам Судьбой предуказанный,
И другого не будет пути.
Человек, тьмой и светом помазанный,
В черный храм не преминет зайти.

Тяжки, тяжки мечи испытания
Унижением, страхом и злом.
Подвиг сердца и радость дерзания
В белом храме Христу вознесем!

Всё есть благо

Ах, душа ты моя, паче чаянья,
Тёмноликой звездой обручаема,
Облачённая в плоть — обречённая
Жить во мне, как дитя несмышлёное.
Под покров родового проклятия
Ты дарована мне в дни зачатия,
Чтоб расти и томиться, и маяться —
Властью рабства закон управляется.
Что за тайна сия в мироздании —
Дух в плену у стихий и желания?
И душа вопрошает осмысленно:
Милосердна ли сущая истина?
Вспыхнет гнев огнеструйною молнией,
Тих и благостен голос безмолвия.
Воля Божья не жаждет отмщения,
Но живет в каждом нашем стремлении.
Повергает наш дух в испытания,
Чтоб явить Ей во всем послушание.
Все есть благо — на сердце написано.
Милость Божья — бессмертная истина.

Перед богом Судьбы

Пичуга за окнами свищет,
диковинно сладко поет.
А сердце мое тебя ищет,
а сердце мое тебя ждет!

Волшебствуй, залётная птица,
волхвуя на зависть врагам.
Теперь я смогу покориться
и все ему бросить к ногам.

А в храме души моей волглой
у речки непролитых слез
я буду молиться подолгу:
«Спаси наши души, Христос!»

Прости за несбыточность встречи!
Прости, если смог не забыть!
Зажжём пред иконами свечи.
Замрём перед богом Судьбы.

Сергею М. — с нежностью и любовью

Я рада помнить только лучшее,
Что пережито было мной,
Но падают снега заблудшие
На землю талую весной.

И тени яростней сгущаются,
И в мыслях беспокойный звон:
Без правды жить — не жить, а маяться,
И с правдой — что ни выдох — стон.

Тех воскрешая, с кем разрознила
Меня дорога бытия,
Подкатит вдруг тревога поздняя
За всех, кого любила я.

И за того, кого обидела
Случайно, да и не со зла.
За тех, кого возненавидела
И в одночасье прокляла.

Они простят мой нрав воинственный,
Боль от чужого не храня.
Но не простит один-единственный
Лишь тот, кто так любил меня!

г. В. Уфалей

Анатолий Михайленко

Над тобой и надо мной

* * *

Тихий вечер. Белый снег,
Как на ниточках, подвешен.
Хлопья падают на всех:
Тех, кто чист, и тех, кто грешен.

Снежной белой пеленой
Снег круглит всё и ровняет,
Над тобой и надо мной
За звездой звезду роняет.

Звёзды белые, кружа,
На твои ложатся плечи
И сверкают, чуть дрожа,
В этот чудный тихий вечер.

Ну, чего ещё нам ждать
В этом снежном хороводе?
Принимаем благодать
С благодарностью к природе.

Дай ещё раз посмотрю
Я под длинные ресницы,
Где ты спрятала зарю
И две быстрых колесницы.

Пусть умчат они меня
В не придуманную сказку,
Воскресив сиянье дня
И любовь твою, и ласку.

Тихий вечер. Снег идёт.
Звёзды падают, не тая.
Что же нас с тобою ждёт?
Жизнь такая не простая.

* * *

Чудная погода,
Чудные места.
Оправданье жизни —
Это красота!

И мужчин, и женщин,
И зверей, и птиц,

Или просто взгляда,
Что из-под ресниц.

Про красоты эти
Хоть стихи пиши,
Но важней на свете —
Красота души!

Слово без укора,
Глаз глубинный свет
Нам всегда опора
Без различья лет.

Добрая улыбка
Вместо резких слов —
Это не ошибка,
А сама любовь.

Ей не надо смуты
В сердце нипочём,
Но в трудные минуты
Подопрёт плечом.

Или просто рядом
С вами помолчит,
Но струна душевная
В тишине звучит.

Вот и страсть любовью
Назвать не спеши:
Не пылает кровью
Красота души.

* * *

На празднике жизни я временный гость.
Такое ведётся от века.
Когда-то земли поминальная горсть
Проводит меня-человека.

Уйду я в тот мир, где нет боли разлук,
Любви нет, коварства, обмана,
Нет всяких других человеческих мук
И жизни священной дурмана.

Оттуда никто не вернётся назад,
Чтоб жизнью опять насладиться.
Нельзя будет встретить любимых глаза
И в них всей душой раствориться.

Нельзя вновь упасть в молодую траву,
Вдыхая её ароматы,
Рассвет и закат увидать наяву,
Как делал ты это когда-то.

Нельзя там промокнуть под летним дождём,
Потом у костра обогреться.
Зачем же о вечности грезим и ждём
Мы с самого нашего детства?

Нет, прах не воскреснет — напрасна мечта.
Душа же, пройдя очищенье,
Вернётся на землю, легка и чиста,
Вселившись в иное творенье.

* * *

Кому-то снится город Ницца —
Мечта для многих с юных лет.
А мне пускай почаще снится
Над степью розовый рассвет.

Там солнце утреннее, нежась,
Над степью дремлющей встаёт
И рос накопленную свежесть
Озябшим нивам отдаёт.

Пусть просыпаться кто-то будет
В отелях самых разных ниц,
А вот меня пускай разбудит
В селе кубанском пенье птиц.

А как цветут весною степи!
Ну, разве лучше есть края?!
Здесь гор заснеженные цепи
На горизонте вижу я.

Кубань-река с тех гор стремится.
В Кубани чистая вода!..
Кому-то снится город Ницца,
А я с Кубанью навсегда!

* * *

Дворцы Венеции пустуют.
Покинул их последний дож.
Свою мелодию простую
Играет им осенний дождь.

Мосты повисли над водою,
Но не отбрасывают тень,
И дни ненастья — чередою,
И солнца нет который день.

В кафе скучают гондольеры,
Дождь надоедливый бранят.
Соборы — знак угасшей веры —
Своё молчание хранят.

Но где же вы, венецианцы?
Где, Марко Поло, твой посев?
Где пышные балы и танцы
Венецианских юных дев?

Где те отважные мужчины,
Что уходили за моря,
Презрев шторма и страх пучины,
И там бросали якоря?..

Гондолы мокнут у причала
Под небом тусклым, как свинец.
И где Венеции начало?
И где Венеции конец?

* * *

Зимний лес встречает тишиной
Там, где летом распевали птицы.
Ели распластали надо мной
Их ветвей зелёные ресницы.

Белый снег под солнцем голубеет,
Чистотою девственной сверкая.
Только солнце еле-еле греет,
И сыпучий снег лежит, не тая.

* * *

Душе и сердцу отдых
На невском берегу.
Тот ленинградский воздух
Забыть я не могу.

В нём аромат столетий,
Дымок былых веков.
Ну, где на белом свете
Так дышится легко?

Мостов широких руки
В мольбе разведены.
Часов рассветных муки
В Неве отражены.

Величественно-мудрый
Средь мира суеты
Исакий златокудрый
Взирает с высоты.

У старых стен Сената
На вздыбленном коне
Пётр Первый хитровато
Подмигивает мне.

Изогнуты каналы,
Изогнуты мосты,
А линии проспектов
Изысканно просты.

На площади у Зимнего
Лишь ночью нету толп.
Коснулся неба синего
Александрийский столп.

Волна играет невская,
Балтийские ветра,
Звезда адмиралтейская
По-прежнему светла.

А пушка крепостная,
Как полдень, так палит,
И людям, мать честная,
Часы сверять велит…

И я российская
На каждом здесь шагу,
Далёкая и близкая
На невском берегу.

* * *

День пройдёт — заботы и тревоги
Вместе с ним уйдут куда-то прочь.
И опять к тебе ведут дороги.
И опять любовью дышит ночь.

Встретишь ты улыбкой, тёплым взглядом,
Прикоснёшься ласково рукой.
Хорошо с тобою быть мне рядом,
Ощущать блаженство и покой.

Может быть, я не смогу словами
О любви своей всё рассказать.
Может, догадаемся мы сами,
Что при встрече говорят глаза.

Ночь придёт, на землю сумрак ляжет,
Небеса зажгут свои огни.
И любовь нам всё сама подскажет,
Когда мы останемся одни.

* * *

В синем небе журавли
Держат курс на юг.
На другой конец земли,
Где нет зимних вьюг.
В небе слышен разговор —
Перекличка птиц —
Впереди у них простор —
Небо без границ.

Я хотел бы журавлём
В небо полететь,
Чтоб стихи сложить о нём
Или песню спеть.
Чтоб узнать короткий путь
В тёплые края,
Чтоб крылом тебе махнуть,
Милая моя.

А когда весна придёт,
Зацветут сады,
И на солнышке блеснёт
Зеркало воды,
Я вернусь в родимый край,
Чувства не тая.
Ты меня не забывай,
Милая моя.

г. Миасс

Валерий Мякушко

Фамилия Гуров

рассказы

Операция «Ш»

За три года взорвалось 13(!) из переданных Минпромторгу полигонов и военных складов.

«АиФ»

— Надеюсь, ты понял, зачем я тебя вызвал? — строго спросил вошедшего начальник арсенала.

— Не совсем… — помявшись, ответил тот.

— В связи со сменой руководства Минобороны, благоволившего нам, возможна проверка. У вас там все документы имеются на отправку, передачу?

— Нет! Отпуск товара зачастую делался по устному указанию.

— «Товара»… Ты давно уже не на овощной базе работаешь, пора бы освоить терминологию.

— Виноват!

— Так вот… Сам понимаешь, устное указание к делу не пришьёшь.

— Да, конечно!

— Ты хоть помнишь — кому и что передавали?

— Не всё, но кое-что. Заводам… Последний раз с Кавказа люди приезжали. За этими… на которых 22 и 30 мм проставлено.

— Калибр?

— Да, наверное.

— Об этих — ни слова! Никому! Коммерческая тайна.

— Ясно!

— Кто ещё был?

— Всех не упомнишь!

— А зря! Ну, и как же теперь отчитываться будем?

— Да какие-то болванки 122 мм лежат, никто не берёт.

— Какие болванки?

— Ну… как турнепс.

— Это же снаряды!

— Да, кажется они.

— А остальное где?

— Почти не осталось.

— Посадят ведь за такое! И тебя, и меня.

Помолчали. Вошедший пожал плечами:

— Выход один — устроить маленький пожарчик и списать всё. Операция…

— Ш… ша! Только с умом надо делать! Чтоб не искали виновных среди нас. Так, что якобы туристы костёр рядом оставили, лесной пожар от него пошёл…

— Понятно!

Встреча друзей

Увидев Крякова, Мамин слишком поздно сообразил, чтоб уклониться от встречи — тот направлялся прямо на него, широко расставив руки и улыбаясь:

— Здоров-здоров! Сколько лет не виделись, а?

— Привет, привет! — ответил Мамин, натянуто улыбаясь. И подумал: «Сколько он попросит взаймы?»

— Как живёшь-поживаешь?

— Да вроде ничего! — ответил Мамин, соображая, что если жизнь свою назовёт хорошей, то одной сотней и не отделаешься. И из вежливости спросил: — А ты как?

— И я ничего! Всё вспоминаю, как мы с тобой когда-то…

— Да, да! Помню, — перебил его Мамин, не представляя о чём тот говорит и придумывая на ходу: «Скажу, что кошелька с собой нет, забыл взять. Известно — долг он никогда не вернёт».

— …Я тогда, конечно, лишнего принял и быстро отключился. С кем не бывает! Ох, как время бежит — когда это было! А вспомнить всё же приятно…

«Хотя нет, неправдоподобно как-то — кошелька нет. Скажу, что жена все деньги вытрясла. Раскрыла заначку!»

— А недавно, когда я поехал в гости к тёще — она у меня недалеко живёт… Тёща, скажу я тебе!.. Сад у неё — чего только нет! Они думали, что я ей сарайку починю. Я взялся, конечно, но с крыши упал. Соскользнул. Вот, смотри, локоть до сих пор ободран. И на затылке шишка образовалась, не проходит, видишь? — Наклонил он голову.

— Вижу! — Рассматривая подставленный затылок, размышлял Мамин: — «Или всё же дать ему рублей пятьдесят? Сказав, что больше с собой нет. Зарплату, мол, задерживают».

— Но ты же меня знаешь, я без дела сидеть не могу! Как только домой вернулся… Живу совсем недалеко отсюда. А ты здесь?

— Рядом! — ответил Мамин, соображая: — «Пятьдесят ему явно будет мало — хватит разве что на бутылку пива. А он, судя по красной физиономии, только водку и употребляет».

— А у меня всё та же двухкомнатная, «хрущёвка». Но ничего, нам с моей дражайшей хватает, хотя иногда она на меня тянет, и очень сильно. Вот с дочерью проблема! Развелась, а из-за чего? Теперь внука нам всё время подкидывает. Но я говорю им, мал он ещё, чтоб я с ним занимался, пусть женщины возятся…

«А на водку теперь такие цены, что одной сотней не отделаешься, — прикидывал Мамин содержание своего кошелька — есть ли там сотенные купюры. — Странно только, что он ничего не просит!»

— Но это ещё что! — не останавливался на том Кряков, начиная развивать другую тему.

Дальнейшего разговора Мамин уже вынести не мог.

— Сколько тебе дать взаймы? — Вытащил он кошелёк. — Две сотни хватит? Или триста?

Через дорогу

Что-то расхворался я! Тяжело вставать по утрам, сердце временами пошаливает, колени, спина ноют…

— Сходи к врачу! — пристала жена. — Я тебе даже талон уже заказала.

Любят женщины по поликлиникам ходить, и меня достала с этим! Пошёл.

Очередь в коридоре — кто сидит, а кто стоит. Тоже стоял, прислонившись к стенке, потом сидел, пропуская тех, кто только спросить, кто в сопровождении медиков, у кого талон раньше, но припоздал. Наконец-то вошёл в кабинет и я.

— Что у вас? — спросил сидевший за столом у окна врач, не ответив на моё «здравствуйте!» и не глядя на меня.

— Да вот, суставы…

— Возраст! — сказал он, копаясь в столе. — Как же такое вылечишь.

— Ещё в спине у меня что-то… покалывает.

— Работа у вас стоячая? На ногах всё время? Вот и остеохондроз. А вы хотите, чтоб не болела, — собираясь куда-то, ответил врач.

— Да, да! — поддакивала медсестра, тоже куда-то собираясь.

— Одышка…

— Лето, жара!

Короче, вышел я из поликлиники ни с чем и в полной прострации. Неизлечимые болезни, значит, у меня — врачи отмахиваются, даже не берутся за них. Всё, конец!

Оглянулся кругом — солнце светит, птички поют… «Неужели так скоро конец? Неизбежно, но не хочется».

Смотрю — через дорогу частная клиника. Дай, думаю, зайду, вдруг там помогут.

Захожу. В тесноватом фойе вежливо встречает молодая особа в ослепительно белом халатике.

— Что лечат здесь у вас? — спрашиваю её.

— Всё! — отвечает.

— И сердце, и суставы? — удивился я.

— Всё! — уверенно подтвердила она.

— И остеохондроз, и… геморрой? — добавил на всякий случай.

— Всё!

— Что ж, соглашаюсь, лечите. Куда идти?

— Сначала договор подпишите.

— Давайте! — беру уже заготовленный текст, смотрю. — Э… «*В случае летального исхода ответственность полностью ложится на пациента*»?! Это как понимать?

— Ну… это так, пустая формальность!

Уплатил положенную сумму, захожу в названный кабинет. Глаза на лоб чуть не полезли — тот же врач! И медсестра при нём та же!! Вежливо встречают, улыбаются:

— Здравствуйте, здравствуйте! Спина, говорите, болит? Нет проблем — сейчас вылечим…

— Так возраст ведь!

— Возраст — понятие относительное. Монгольский массаж — и за неделю всё станет на место. Расценки узнаете на входе. Суставы ещё?

— Да!

— Пустяки! Сеансы магнитотерапии назначим… Самые современные и действенные средства! Расценки на входе. Да, вы ещё что-то насчёт геморроя сказали. Боль, кровотечение, зуд?

— Да нет, я просто поинтересовался…

— Смотрите, не запустите, вылечим! Направим вас на анализы, рентгеноскопию… Расценки там же.

Помолвка

— Мама, папа! Я хочу познакомить вас со своим избранником, — пропуская вперёд гостя, сказала дочь. — Проходи, Гена!

— Здравствуйте! — нерешительно шагнул в дверь парень.

— Здравствуйте, здравствуйте! — заулыбалась мать. — Проходите! Рады познакомиться!

— Здравствуйте! — поздоровался и отец. — Рады познакомиться! Теперь понятно кто тот человек, у которого наша дочь пропадала целый прошлый месяц.

— Нет!..

— Папа!

— Нет? Не вы? А, так вы тот, с кем она на Кипр в отпуск в прошлом году ездила?

— Папа!!

— Вася!

— Ах, да! Того, кажется, звали Евгением. А вы…

— Геннадий!

— Геннадий… Так вы, судя по имени, со школы с Линой дружили?

— Нет, мы с Линой учились в разных школах.

— Папа, что ты несёшь?! Мы с Геной лишь недавно познакомились!

— Вася!!

— Ах, да! Так оно и есть, я мог бы и сам догадаться. По звонкам ночным и длинным её разговорам…

— Я… не имею привычки звонить по ночам!

— Папа! Хватит, а?! Гена, не слушай его!

— Вася, помолчи! Проходите же… Геня, присаживайтесь!

— Нет, спасибо! Я, пожалуй, пойду!

— Куда же вы?

— Гена, куда ты?

— Нет-нет! Спасибо! Прощайте!

— Папа! Что ты наделал? Я тоже ухожу! Гена, подожди!

Дед Ефим

Знакомьтесь — это мой сосед. Хоть не стар, но уже дед, и зовут его Ефим.

Расскажу что было с ним.

— У нас такая молодёжь, что хуже вряд ли где найдёшь. Если о чём заговорят, то польётся сплошной мат. Пива литры выпивают и тару под ноги бросают. Окурки в стороны летят… Вот такие нравы, брат! Нет, я по улицам пройду и порядок наведу!

Смотрю — дед гири поднимает, грушу всячески пинает. Швыряет на землю мешок…

— Порядок будет, дайте срок!

И вот однажды дед Ефим гулять вышел. Я — за ним.

Идёт, глядит по сторонам, и кого же видит там? Развязный хлыщ в мятых штанах, с сигаретою в зубах. Окурок на траву летит — что урна рядом не глядит. Дед Ефим:

— Уж, извините, окурочек свой подберите!

— Пошёл на… старый дед! — таков был его ответ.

Резкий выпад, руки взмах, распластался хлыщ в ногах. Носом ткнулся в свой окурок.

— Теперь жуй его, придурок! Съел? Хорошо, бери другой, тот, что лежит перед тобой. Всё? Поднимайся, дуй домой. Руки, не забудь, помой!

Двинул дальше дед Ефим. Незаметно я за ним.

Лоботряса два идут и из горла пиво пьют. Пузыри литра по два (как только терпит голова!). Присосались, допивают и всё под ноги бросают.

— Ну-ка, хлопцы, подберите, а потом уже идите!

— Пошёл на… старый дед! — таков был и здесь ответ.

Резкий выпад, взмах руками — роют землю те носами.

* * *

За месяц город изменился. Ну, совсем преобразился! Нет окурков, банок мятых, нет и пластиков пузатых. Кто-то, конечно, матерится, но — с оглядкою. Боится! Чистота, порядок всюду…

Спасибо деду, а не чуду!

Фамилия Гуров

Что-то говорить и писать часто стали про суицид чудаков всяких. С трагическими последствиями. Понятно, жизнь нынешняя непроста, того и гляди, кто-то прихлопнет — пьяный водитель на пешеходном переходе или досрочно выпущенный на свободу за примерное поведение бандит на тёмной улице… Так стоит ли браться за то самому. Даже, как говорится, стоя у последней черты, когда выхода человек не видит. Или «выходов», как писал один известный поэт. Хоть застрелись, как он! Так вот, хочу с вами поделиться опытом своим как делать то без тяжких последствий.

Первый раз «стреляться» мне лично пришлось после того, как в лихие девяностые новый «эффективный» хозяин завод наш прихватизировал и закрыл. Станки все сплавил в металлолом, нас всех уволил — торгово-развлекательный центр решил на месте цехов создать, и, стало быть, ему не инженеры и рабочие нужны, а проститутки и охранники. Что делать? Подался я, чтоб шагать в ногу со временем, в бизнес, куда всех активно зазывали, курсы какие-то даже прошёл, диплом красочный на английском языке получил. Кредит, как то учили, чтоб дело начать, взял в банке под большие проценты, да прогорел — предоплату товара сделал, а поставщик после этого исчез, чему не учили и как то было принято в эпоху становления нашего доморощенного капитализма. Некоторые чудаки в таких случаях сводили счёты с жизнью, я то же решил сделать, но по-своему: приставил к виску два пальца — указательный и средний, взвёл как курок большой палец… Трах-бах! — и всё, нет меня в этой жизни, не спрашивайте и не ищите. Начинаю её с нового листа. Был Иван Петров, ударник коммунистического труда и победитель социалистического соревнования, стал Петр Иванов, строитель капитализма. И в другой город жить подался; не скажу, в какой, потому что, выражаясь более ясно, в бегах вынуждено оказался, может, всё ещё разыскивают.

Не думайте, что новый город меня ждал и в дружеские объятия принял. Но кто начинает новую жизнь просто? Люди и рождаются-то в муках. Протиснулся-таки через щёлочку в жизнь мегаполиса. Сначала вкалывал грузчиком в магазине, по четырнадцать часов

в сутки, там же, на складе продукции и спал. Бизнес укреплял, но чужой. Потом в строители подался, дворцы загородные сооружал. Но вот в некоторый момент слабинку себе дал, влюбился в некую даму. Которая оказалась весьма продвинутой и через некоторое время после романтической завязки, расфуфырившись (на мои деньги), заявила, что я её не устраиваю — подарки дорогие не дарю, по заграницам не вывожу, на какого-то секс-символа совсем не похож… Кто в любви, даже такой дурацкой, крушение терпел, тот знает, как мучительно трудно пережить подобную несправедливость. Запил я было, даже крепко, но вовремя вспомнил, что у меня есть другой способ выхода из положения, который и вам для таких случаев могу порекомендовать.

Два пальца к виску, трах-бах-бабах! — и я уже другой человек. Понятия не имею, кто эта особа и даже как её звать. Ездит ли она по заграницам или плейбоя себе ищет. Начинаю новую жизнь.

И, вы знаете, ничего, живу! Небогато, но достойно. Семью даже завёл, детей имею. Приходилось, правда, на пути к этому ещё пару раз стреляться, но уже больше по привычке. Да, и зовут меня в этой новой жизни Виктором, фамилия Гуров.

На головах

Представляете, люди в нашем городе какие-то появились — на головах ходят. Иные наши граждане на те чудачества не реагируют вовсе, разве что у виска пальцем покрутят — мол, что с них возьмёшь, ненормальные люди, лечиться надо. Другие, активно неравнодушные ко всему, пытаются растолковать им, что голова для другого предназначена, эволюцией ноги для ходьбы приспособлены. Те в ответ — свобода, мол, у нас, что хотим, то и делаем. И по телевидению, не оставившему то явление без внимания, какой-то учёный муж разъяснение дал, что нельзя пытаться ставить всех на ноги, такой подход будет пережитком тоталитарного прошлого, когда дружинники ходили и могли даже применить силу. Что наше современное общество толерантно, и мы должны относиться с уважением к выбору каждого, что вообще понятие вверх головой или вниз — относительное, в зависимости от положения наблюдателя… И так далее. Короче, сам не разобрался, а всех поучать взялся.

Чёрт с ними, думаем, проявим и мы толерантность. А они вдруг стали требовать равенства, чтоб разговаривали с ними тоже стоя на головах. Акцию протеста у городской администрации организовали. Мэр наш демократ, вышел, попытался тоже стать на голову, чтоб объясниться с ними на равных, но с непривычки вывихнул шею и попал в больницу.

Рассказал я эту историю своему другу, когда приехал гостить в его город.

— Это ещё что! — нисколько не удивился он. — У нас педерасты активность проявлять стали. Сначала все от них отмахнулись, пошли, мол, все вы в ж… А им, оказывается, только это и надобно — ориентация у них такая. Пикеты, демонстрации тоже устраивали.

— Ну, это пройдёт естественным путём, — говорю ему. — Они же, по понятным причинам, не размножаются. Рано или поздно конец им придёт.

— В том то и дело, что не размножаются, а, тем не менее, почему-то умножаются.

г. Снежинск

28 ноября 2013 года исполнилось 75 лет со дня рождения
замечательному прозаику, нашему активному автору
Николаю Ильичу Григорьеву.
Поздравляем от души юбиляра, желаем здоровья и творческих успехов.

Владимир Царев

Нам есть ещё куда хужеть…

Автоответчик

Привет! И сегодня меня тоже нет!
И не скоро будет рассвет и просвет.
Тяжела, хоть близка к телефону рука.
Говорите после гудка! Пока!

Снова свечи и скользкая тень.
В гостях две особы: тоска и лень.
В голове опять — одни заморочки,
а на белой бумаге — ни строчки…

Телефон возле самой руки.
Где же мысли — они далеки!
Мысли плоские, без ничего!
Они только тени чего-то… Чего?

Привет! И сегодня я сплю — блин.
Позвоните позже, впадаю в сплин.
Какое коварство с моей стороны —
эти понты дёшевы и странны.

Внезапно нахлынуло творчество —
заговаривать своё одиночество.
А назавтра ответ — ну просто фига!
Автоответчика фраза — она безлика.

Просыпаюсь — «Привет… меня нет…»
Ни на суше, ни в море, нигде — точно нет!
Новый день как всегда безутешен.
Я бездельем своим уже грешен.

В мозгу свербит — почему безутешен?
Запись сменил, уже этим утешен.
Что-то сдвинулось с мёртвой точки
и на белой бумаге полстрочки…

Надоело!

Не передать, как мне всё надоело!
Беспокоиться, выяснять отношения
и делать постоянно не своё дело,
принимая лишь чужие решения.

Пить, курить, есть и смачно въедаться
в свою старую куртку, и видеть —
не хочет она понимать, убеждаться,
что я не способен ненавидеть.

Надоели трусость, глупость одних,
гримасы, выкрутасы и коленца других.
Надоело звать выпить товарища Н.,
в надежде на дружеский теплообмен.

Ходить в жмущем ботинке, хромать,
чувствовать, как разрушаются зубы,
а утром мучительно вспоминать,
что вчера пил и почему «горят трубы».
Надоели безденежье, город, квартира,
сырость улиц, собаки, грязный подъезд,
за стеной крики соседа — дебошира,
моя судорожность и чей-то разъезд.

Надоели надменность одной компании
и пьяный дрызг другой, мозги набекрень.
Желание преуспеть, в своем дребезжании.
Бесконечная моя разорванность, лень.

Надоело скулить без всякого повода.
Надоело всё! Я сам себе надоел в кровь!
Предъявлять счёт, не имея нужного довода.
НАДОЕЛИ!!!
Безверие. Болтовня. Нелюбовь.

Забудьте меня как ненужную вещь…

Забудьте меня, как ненужную вещь,
что небрежно заброшена временем.
И я буду сидеть, как въевшийся клещ,
застряв в потаённой расщелине.

Как юркая серая мышь ускользну,
во вселенском шкафу потеряюсь.
Вот тихо скребусь и грызу тишину,
свободой своей наслаждаюсь.

Старою книгой, под толщею пыли,
на полке валяюсь, отлежав все бока.
Меня доставали ругая — не вы ли?
Я хоть понежусь в объятьях мирка.

Не надо спешить, извиняться, грубить,
шаркать ножкой, по-рабски согнувшись.
Кого-то бранить, боготворить.
Куда-то бежать, чертыхнувшись.

Засохшим обмылком, в ванной, в углу,
с прилипшей газетной шумихою,
блаженно лежу, затаившись в тылу,
и очень боюсь быть услышанным.

На мгновенье восторг, на мгновенье ура!
Никому! Никому я не нужен!
По людской суете защемила тоска —
где я буду опять обнаружен!?

Аксиома

Жизнь стала вдруг осыпаться,
словно угол старого дома.
Мой костюм успел обтрепаться.
Всё понятно без слов — Аксиома!

Тихо и неотвратимо —
вечер стал тоскливо-жёлтым.
А я, как всегда неисправимо,
остаюсь по жизни упёртым.

Фонари в ночи зарисовками,
словно в траурной скорби цветы,
со склонёнными вяло головками —
среди одиночества и пустоты.

Снова стало слегка познабливать.
Даже мысль о мелких потерях
начинает во мне подрагивать,
в ушедших пустых неделях.

Стала жизнь вдруг осыпаться,
словно угол старого дома.
Ты решила со мною расстаться.
Всё без слов, всё без слов — Аксиома*!

Мартовский день

Ветреный, ветреный —
мартовский день.
То снегом, то ветром
наводит мигрень.

Долгоживущим дождём
навевает тоску.
Надеясь, что ждем,
лежа на боку.

Сырыми дворами
и лужами слез —
то мартовский дождик
богатый, как Крёз.

На кухне в тепле,
напротив окна —
таращусь в стекле,
какого рожна?

То мартовский день
все испортить успел.
Даже выдохнуть лень —
я к нему прикипел.

Хоралы Баха

Мой свет не горит в это лето,
не влетает в окно даже птаха.
И трудно найти меня где-то —
Я слушаю хоралы Баха!

Бах велик — он божий посланец.
Но слух мой упал от усталости —
Вместо «органист» услышал «поганец».
Я оскорблен от этой наглости!

Но его не оскорблял никто —
Я ослышался к своему стыду.
Игра с оговорками есть решето,
напоминает мне слов чехарду.

Разве может быть она правдой,
жизнь, рождённая из оговорки?
И сливаясь с органной армадой
сверчки дарят Баху восторги.

Дачный воздух горячий, густой,
в темноте светляки в ритуалах.
Ну а я, осеняясь строфой,
растворяюсь всем телом в хоралах!

Песня морю…

Я к морю, морю, морю
иду в ночной тиши.
Я морю, морю, морю
несу свои стихи.

Хочу спросить у моря,
ответь мне поскорей.
Узнать хочу я вскоре,
где растерял друзей.

Ах, море, море, море —
бурлит, как моя кровь.
Ах, море, море, море,
куда ушла любовь?

А море тихо скажет:
любовь недалеко.
Волною мне расскажет,
как счастье велико.

Любовь ушла, наверно,
в далекие края.
Страдаю я безмерно,
болит душа моя.

Ответит громко море мне:
любовь не там, а здесь.
Она в любой моей волне,
а ты не куролесь!

---

* Аксиома (*греч.* axioma) — бесспорная, не требующая доказательств истина.

Признание осени

Лунной белизны бумага
на столе размером А4.
Я колдую жезлом мага
над стихом своим в квартире.

Ветер лист слегка шевелит,
поднимая над столом.
Лист горит, горит, не тлеет.
Осень бредит за окном.

Бредит летом, бредит мною,
влюблена и я влюблён.
Повенчались мы с тобою —
я тобой давно пленён.

Праздник весны…

В неторопливых сумерках весны
выскакиваю из подъезда лихо,
влетая в городские редкие огни,
на улицы, где необычно тихо.

И то, что вечер с запахом жасмина,
и оттого, что наконец пришла весна,
мне счастья беспричинного лавина,
летит, обдав всей силою огня.

И каждый час непрожитых мной лет
манит и завораживает, как сказка.
По улицам несёт меня кабриолет
и ночь грядет, загадка-желтоглазка.

Великий праздник совершается во мне.
Он о своем приходе никому ни слова
и незаметно на вечернем полотне
закончится мгновенно-бестолково.

Он, к сожалению, не монументален.
Его вкусить возможно лишь слегка.
Он исключительно сверхмоментален.
Кто может уловить след ветерка?

В вечерних нежных сумерках весны
я из подъезда выхожу неторопливо
и погружаюсь в городские яркие огни,
где всё сюрреалистически красиво!

Наотмашь…

Раскололо слово пространство,
разорвало на два куска.
Справа музыка звучала страстно,
слева боль расползлась у виска.

Наотмашь ударила правдой,
застывшей в глазах любимых.
Серым облаком снова запахло
в отношениях наших дождливых.

И снова я весь в логарифмах —
интегральных и диф. исчислений,
закрываясь многоголосой рифмой,
в гармонии ищу… искуплений.

Начало нового дня…

Этот день не задался в самом начале.
Всю ночь я боролся с одеялом.
То жара, то холод мне докучали —
это было сплошным кошмаром.

Я ворочался и бился с подушкой.
Вразнобой дурные снились сны.
И во сне с соседкою-старушкой
поругался на виду у всей страны.

За окном уже спешили дворники,
чтоб усердно скрести тротуары.
Лаяли собаки. Авто — их поборники
дверцами наносили по мне контрудары.

Послать всех к чёрту — решаюсь, встаю.
Будто пьяный выползаю на кухню.
Есть не хочется. Хочется пить, быть в раю!
Мне б холодненького, пока не вспухну.

В холодильнике, как всегда, один в один —
два пакета прокисшего молока.
Я безвкусной из чайника тёплой воды
отхлебнул от силы два малых глотка.

И на диван — засыпаю, боюсь шевельнуться,
чтобы потом с телефонным звонком
через пару-тройку часов проснуться.
Это женщина из неоткуда! С холодком.

Её голос бодр и свеж, прямо в рекламе,
с запахом стирального порошка,
в носоглотке моей, в моем бедламе —
застрял в форме позднего посошка.

Она вся в вопросах и сама отвечает,
а я краешком мозга все понимаю —
из контекста кто-то из нас выпадает.
Я, она, слова, или вместе — не знаю?!

Посещают мысли о хитроумности,
о сложности голосового подтекста,
об этой женщине, её заумности.
О Мире Выпавших Из Контекста!

Собираю все силы, кричу в трубку.
Летит никчемная ненужная трепотня.
Пропускаю себя через старую мясорубку,
вступая в самое начало нового дня!

Белый снег

Сквозь двойную поверхность стекла,
что зависло в балконной двери
вижу: рядом снежинка легла,
льдом застряв в проводах изнутри.

Снег, стекая по веткам, сверкал,
вспоминая прошедшие зимы.
когда строки свои я читал,
мне внимали одни пилигримы*.

Плотью девственной скрыло следы,
целомудрием грешную землю.
Кто-то взял все бразды до среды,
а я, грешник, всецело им внемлю.

Белый снег, белый цвет, просто свет
выстилает пустое пространство
и в окне далеко мой просвет,
где дыханье зимы и убранство.

Кто-то, глядя в окна чужие,
норовит вкусить чьё-то счастье,
на привычки свои плутовские
надеясь, утолить пристрастье.

Траур — мимо несут человека.
Груз претензий к нему — уже глупо!
На дистанции и килопарсека
бытие наше смотрится круто!

Белый снег, белый цвет, просто свет!
Застилает всё черное поле.
Снег растаял, я снова раздет,
застряв в несовершенном глаголе.

Размышления о каверзностях века…

Суббота — простор для молчания,
психологической разгрузки всему,
день глубокого осознания,
когда представлен сам себе самому.

До начала рабочей недели
есть целый буфер ещё — воскресенье.
Мне б проснуться в своей цитадели,
тишине отдав своё предпочтенье.

От усталости, рассеянности,
врастаю в кресло, уставившись в пол,
в плену у глубокой немощности
я себя к одиночеству приколол.

Возраст — с этим уже не поспоришь!
Как не хочется, а получается
и всё чаще назад себя гонишь —
взгляд мой, в прошлое устремляется.

Страсти людские, обиды, возня, —
Господи, сколько же память забыла!
Будто и не было вовсе меня,
а церковь молебен давно отзвонила.

Но радуюсь, что жизнь так сложилась,
не рассосалась бесследно в тумане,
в бытовой суете хоть ютилась,
не растворилась в похмельном стакане.

Молча на кухне, взирая в стекло,
размышляю о каверзностях века —
сколько воды из него утекло,
если судьбой управляет аптека?

Бульвар

Сегодня бульвар был особенно люден,
но он для меня безучастен, бездумен.
Мне некому слово сказать, улыбнуться,
всё в глотке застряло, можно свихнуться.

Вселенная лиц незнакомых мне судеб
проходит и шепчет: «Он безрассуден!».
От поэта к поэту, от памяти к памятнику —
мой путь ежедневный, подобен он маятнику.

Иду сквозь холодный строй многоликий,
средь лиц миллионов — чужих, разноликих.
С усмешкою Лермонтов едва уловимой:
«Что ты все ищешь, непримиримый?».

И лишь железяка одна стоеросовая,
в затылок кричит мне, мысли причесывая.
Как с детства знакомого начинает
подкалывать
и несколько раз мне: «Добро пожаловать!».

Магия моря, магия города.
Мой путь одинокий — он путь астероида.
Ветер касается складок одежд,
сны навевает и море надежд.

Реклам многоцветье. Подсветок набор.
В гуле шагов слов поток — перебор.
Прорывается в море словно река,
кричу железяке: «До завтра!.. Пока!..»

---

* Пилигрим — странник, путник.

Душный вечер…

Душный вечер в ударе — народ, толкотня,
надломлен работой, рутиною дня.
Себя поборов, собираюсь пойти —
старый маячник просил подойти.

Плетусь по бульвару. Чего им всем надо?
Вот набережная, она отдыхающим рада.
Дошёл до Приморья, где уселся флейтист.
Парень, уж лучше б ты был гитарист!

Пальмы у бара под стройною аркой.
Кто же стройней? Я, с дымящей цигаркой!
Ассоль дожидается, я ей как брат.
Время летит — говорит циферблат.

Ты предложила у Пани Моники
после маячника встретиться вскоре.
Но время беседы со старым фонарщиком
обмануло меня, меня сделав обманщиком…

Хронофобам, пожирателям моей жизни…

Одиночество делает меня бессмертным,
и главные пожиратели моей жизни —
окружающие люди с взглядом усердным —
лишь шаги приближения праздника Тризны.

И если рядом ничего не случается,
и суета провалилась в глубокую ночь,
время растягивается, удлиняется
и я многое способен в себе превозмочь.

Одиночество делает кого-то несчастным
а кому-то скуку, тоску ниспошлёт.
Меня одарив дыханием ароматным,
мгновенно отпускает в свободный полёт.

Я лечу вне пространства — без людей,
в тишине.
Время не делится на недели и годы.
Минуты, часы, словно в сломанной шестерне,
порождают вкус ощущения свободы.

Одиночество дарит человеку вечность.
Главные пожиратели времени — люди,
что окружают, проявляя бессердечность,
его жизнь поедают без всяких прелюдий.

Если рядом с ним к счастью нет никого,
время растягивается, удлиняется.
И если чего он лишается, то одного —
любви, которой душа наполняется.

Сумасброды…

Когда-то уже давно, представляешь? —
Жили, привычно ждали с волненьем в груди.
Все мы в ту пору, ну просто не знали —
всего, что нас ждёт где-то там впереди.

Глотали иллюзии в заздравных тостах
с утратами и обретеньем пути для живых,
в бурных и бестолковых прошедших годах,
смутных до одури и столь роковых.

И, как стакан привычный, гранёный,
из которого пили, не морщась, порою
крепкие слова, словно жизнь выплевывали.
пронзительно жгучие, целой сворою.

И уловив ритуальных ритмов символику,
вселенским единством сущего, поверь,
наполнялись, обретая свободы толику,
с бесконечным шлейфом горьких потерь.

И сейчас так и есть — всем понятно теперь.
Так и было в те далекие бурные годы.
Так и будет в грядущем. Уж мне-то поверь!
По природе своей мы все Сумасброды!

Нам есть ещё куда хужеть…

Неужто жизнь до сего дня
долбила, вымывала, выдувала,
и неужели нас лепило, жало, мяло,
и нам судьба болезни раздавала?

И мы несём все это, словно документ —
свои ботинки, туфли и нелепые костюмы,
потёртость всю в неподходящий нам момент,
на облике своём, небрежном и угрюмом.

А в коридорах серых поликлиник
линолеум и тишины звенящий плен,
и люди, словно реквизит театра теней,
на стульчиках скривились возле стен.

Сложились в складки и наклоны,
где кривобокость там и близорукость.
Приобретенье — лысина, седины,
что сотворила с нами жизни сухорукость?

Но за пределом всех кривулин, загогулин
есть радость в жизни, время ещё есть.
Есть выход из глухих всех закоулков,
нам есть пока ещё куда хужеть.

По умолчанию…

Что не люблю я?
Скупость и глупость,
косность и рьяность,
упёртость и дерзость.
И самое главное —
всякую мерзость.
Перед чем преклоняюсь?
Где щедрость и умность,
лояльность и трезвость,
стабильность и вольность.
Где как бы немного
звучит сердобольность.
По умолчанию
я всё принимаю —
что ненавижу
и что привечаю!

Дождь

Дождик, дождик — это будни.
Он поклёвывает в темя.
Я подпрыгнул и по-птичьи
рвусь сквозь лужи, через время!

И доволен, хоть в сомненьях,
что избавлен от забот!
Каждый человек — он волен
быть свободным от хлопот.

Дождь-ненастье льёт по будням.
Льёт и льёт, сил не жалея.
Я стою, как столб — потерянный
на Платановой аллее.

Картинки леса…

Над солнечными бликами,
прозрачною водой
порхает, пляшет бабочка,
сверкая красотой.

Чуть хрустнет ветка ломкая,
всех птиц в лесу спугнув.
В ветвях тенистых звонкая
замолкнет песня вдруг.

И лишь порою редкою,
прорезав тишину,
дрожь листьев вместе с веткою
уносит в вышину.

У паука мохнатого
в глазах застыл испуг.
Жук золотистый, рыжий
над лесом сделал круг!

Я у моря синего…

Я у моря синего
займу-ка всплеска сильного
и буду очень сильным,
на доброту обильным.
Я у ветра резкого
займу-ка ноги резвые,
чтоб успевать повсюду,
и этим счастлив буду!
И у солнца красного
я попрошу тепла.
Пускай согреет каждого,
кто не желал мне зла.
А у землицы-матушки
возьму землицы благостной,
чтоб прорастить то семя
на доброе нам время!

Осень, осень ты кокетка

Я у осени сегодня
попрошу остановиться.
И листве шуршащей робко,
я шепну: «Не торопиться!»

Дождь сухой и непослушный,
с ветром кружится и льётся.
Мне сегодня очень нужный,
только в руки не даётся!

Осень, осень, ты кокетка,
надо мной смеёшься, пьяным,
напоив меня так метко
листьев ворохом багряным!

Мне сегодня не напиться
листьев, пламенем объятых!

Валера друг

Валера, друг, будь мужиком!
И нюнь не распускай уже.
Зайдём в кафе, ты там тишком
открой, что на душе.

Нальём по рюмочке одной,
дыши поглубже, друг.
Вон закуси грудинкой той,
не стоит это мук.

Ты говоришь: она тебе
ударила под пояс, вниз?
Суть их в тринадцатом ребре,
плюнь смачно, разотри!

Давай нальём и повторим.
Наш тост, он будет прежним.
Ты для меня, что побратим.
За наш настрой железный!

Я говорю тебе, поверь!
Перевидал на свете.
У этих баб, хоть верь, не верь,
одни лишь тряпки эти!

Породы все они одной,
их хлебом не корми
потешиться над мужиком.
Чу! Чёрт их всех возьми!

Пьём в последний раз,
и гром их разрази!
Поверь, они не стоят нас,
на краба, вот — держи!

Видать, занозой глубоко
вошла твоя подруга,
что ты размяк и скис легко,
не слушаешь и друга.

Ну что ж, пора и мне спешить.
Прости меня и ты!
Меня ждёт дома тот же пыл,
и ждут, чуть что, «кранты»!

Одиночеству

Знаешь ли ты, где живёт одиночество?
Листается жизнь, пролетает отрочество.
И юность, и зрелость уже позади,
оно же всегда у тебя впереди.

Пламя свечей, и застыла луна,
безмолвье вокруг, и вокруг тишина.
Вот оно медленно входит, высочество —
наше родное, без слов, одиночество.

Душа замерла, и застыли навечно
мысли в извилинах серых беспечно.
Серым дождём проливают года,
счастье уходит, уходит вода.

И в лучших друзьях у тебя на пути
гость запоздалый, что хочет войти.
С тобой разделить одиночество он —
хочет, стучится в долгий твой сон.

Вода кристальная текла

Вода кристальная текла,
журча по каменному ложу.
Светило скрылось в облака,
как будто куталось в рогожу.

Ущелье сонное застыло.
Трава густым ковром легла.
А отражение все плыло,
врезаясь тенью в берега.

Сосна пицундская стояла,
дразня улыбкою немой.
Взлететь на крону зазывала,
кивая пышною главой.

Скакала белка по сосне,
кукушка годы мне считала.
Лежал в траве, в глубоком сне,
а сказка в воздухе витала!

Сорвало с ветки лист сухой

Сорвало с ветки лист сухой,
летит в последний раз.
Сейчас на землю упадёт,
коснувшись ваших глаз.

Летит и жадно взглядом ловит
лицо, улыбку, мягкость рук.
Его фантазия рисует
миг поцелуя ваших губ!

С порывом ветра он несётся,
закончив все свои труды.
Лишь грустной ноткой отзовётся
звук в парке духовой трубы.

А ветер рвёт, тугим порывом,
смеясь над жизнью и шутя,
он, как игрушку, лист измятый
об землю бьёт, им шелестя.

Коснулся о оземь раз и два,
раздался под ногами хруст.
И запоздалые слова
сорвались с ваших нежных уст!

Прости меня мама, прости

За то, что родила, за то, что растила
прости меня, мама, прости!
Такого верзилу, такого кутилу,
в округе искать — не найти.

Про долг тот сыновний, что в школе учили,
забыл я опять, как в бреду.
Девчата мне голову снова вскружили,
домой на рассвете приду.

Стою у порога, опять уезжаю,
одну оставляю тебя, как всегда,
а ты в полушалочке серењком, старом
начнёшь коротать вечера.

И письма короткие, строчки скупые
сыновних признаний поздний рассказ,
в те тёмные ночи и долгие зимы,
до слёз зачитаешь соседке не раз.

Я руки твои через трансмагистрали
готов целовать, но признанье моё
морщин твоих годы, изгладит едва ли,
седин не убавит — богатство твоё.

Прости, что нескладно, так скудно и поздно
пишу про обиды, оплошности, и
ушли те минуты, когда было можно
пробелы восполнить все в жизни свои!

Шторы

Повесили шторы, синие шторы,
в безбрежье оконное синее море
и я на диване плыву, как на лодке.
У паруса скромная ровная кромка —
меня побуждает на долгие споры,
какие нужны нам оконные шторы?

И вот заменили на шторы зелёные,
словно лесистые горные склоны.
Я в гамаке над канатной дорогой,
лечу, восхищаясь, — вот горы, так горы!
Яркою краской покрыты зелёной,
и я упиваюсь, всем утомлённый.

Сменили на красные шторы в окне,
все запалилось пожаром — в огне.
И я уж не в лодке, не в гамаке,
на сковородке вращаюсь — на дне.
Словно яичница без ничего.
Меняйте! Меняйте — мне всё равно.

Маленькие города

Маленькие города, где провинциальность кровь и плоть,
лишь общение роскошь, да поваренной соли щепоть.
Ненасытны вином, любовью, свежим словом, существом —
Усталость, скупо зевая, выражают своим естеством.

В проёме узких улиц жизнь застряла надолго, прочно,
Рождая в нас помыслы — разорвать эти узы срочно.
Ветер, как хлёсткими ветками, раздувает одежды,
гонит листья, песок и уносит все в море надежды.

Под каждым сводом крыши снится уютный и тёплый кров.
Дождь бесконечно заливает все щели домов-истцов.
Холод и сырость бесцеремонно гасят в сердцах вулкан,
тихо оставляя в чьей-то жизни серый, зыбкий туман.

Средь платановых теней лёгкий шорох листвы и шагов —
Долго тщательно ищешь, где скрыться от друзей и врагов.
Может, это всё к лучшему и не надо вмешиваться в суть,
Бог ткёт свой узор из суровых ниток, и можно вздремнуть!

Пляж…

По пляжу шла торговка. Кричала: «Пахлава
и жареные семечки!» — без тени озорства.
Торговка шла, светилась. Товар не брал никто.
Она одна крутилась, как в цирке шапито!

На гладкой пляжной гальке, там, где роились осы,
лежали отдыхающие, забыв свои запросы.
Ни облачка, ни ветра. Жар все испепелит.
И лишь вино домашнее им жажду утолит.

Вздремнув на солнцепеке, лежат все как попало.
А вечерами бродят по набережной вяло.
Объелись, видно, сливами и виноградом терпким.
Измучались позывами за аппетит свой зверский.

От солнца, моря, женщин, гремел оркестр изрядно.
А мужики на дамочек смотрели плотоядно.
Лицом сидел я к морю. Смотрел на мой закат.
И пил смакуя вволю пивной фальсификат.

г. Геленджик

Александр Поповский

Пусто на западном склоне

* * *

Вперед забегает и смотрит в глаза —
Что хочет увидеть животное?
Вот-вот тихим сапом нагрянет гроза —
Расширит пространство болотное.

Мольба неуёмная в каждом зрачке.
К стопам припадает всё время.
И участь свою на сухом пятачке
С тревогою ждёт сучье племя.

* * *

Всё замечаю подспудно.
Вижу ещё о-го-го!
На горизонте безлюдно,
Можно сказать, никого.

Пусто на западном склоне.
В принципе, ясно без слов —
Нечего тут посторонним
Наших кормить комаров.

Только следы от ботинок
Всюду на влажной стерне.
Может, в союз невидимок
Нужно податься и мне?

Сразу исчезнут интриги
И одолеет тоска.
Буду дочитывать книги,
Строить дворцы из песка.

* * *

Рябит в глазах от пуха тополиного.
Не крайняя нужда, а жизнь заставила —
На шаг опережать себя любимого,
Чтоб исключенья выдавать за правило.

Все домыслы досужие развеяны.
Со временем и мне приходит в голову,
Что выгляжу слегка самонадеянным,
Перебегая на другую сторону.

* * *

В круговороте событий
В хитросплетениях дня
Не совершаю открытий —
Всё это не для меня.

Не утверждаю порядки.
Не горожу огород.
И не кладу на лопатки
Весь человеческий род.

Не отзываюсь на крики.
Как-то само по себе —
Необычайно Великих
Не замечаю в толпе.

Не опускаю забрало —
Нет в том особой нужды.
Мучаюсь — жизни не стало
Без путеводной звезды.

п. Первомайский

Михаил Рудковский

За Полярным кругом*

Из дневника сплава по реке Котуй

Точка отсчета

Прозвучал телефонный сигнал: всем! всем! Здоровым быть, к 18:00 прибыть с деньгами и паспортами для восприятия информации и общения. Я лично получаю сразу ответственное задание: имеющиеся семь с половиной литров драгоценной жидкости разлить, т. е. разлить не на пол, а в полторашки с предельной точностью и аккуратностью, так, чтобы получилось пять штук затоваренных, т. е. налитых пластмассовых бутылок. Почему пять? Женщину исключаем. Солошенко использует только цветной товар. После тщательной транспортной подготовки четыре штуки (одну себе оставь) доставить по известному адресу для раздачи членам авантюрной команды, которая считает, что этот товар за Полярным кругом, на полуострове Таймыр у плато Путорано будет иметь особый, я бы сказал горячий интерес. Сказано — сделано. И я, верный своей привычке — заявляться раньше намеченного срока в 17:45 позвонил в знакомую дверь через домофон у железной союзницы. Естественно, я был первый. Анатолий встретил меня спокойной улыбкой.

— Проходи! Будем ждать! Пока можешь карты посмотреть, а я еще на кухне поколдую.

Ну конечно же! Алябьев себя не изменяет. Любой поход начинается с его уютной кухни. Здесь точка отсчета времени. Здесь сжигаются все мосты к отступлению и принимаются самые важные решения по маршруту, составу команды, экипировки, продуктам и т. д. и т. п.

Начинаю изучать спутниковые карты и с удивлением вижу, что наш водный путь начинается у села и озера Чиринда по реке Чириндохон. А где же озеро Эссей и реке Сикэй Сээк. Они как-то остались в стороне. Изменение маршрута! Ладно! Потерплю, объяснят! Паша Мейснер точен как хронометр. Весел, подтянут, тоже заинтересовался картами. Третьим пришел… Игорь Зданович, чтобы присутствовать, быть в роли советника и наблюдателя. Наш верный спиннингатор, товарищ, гроза щук и ленков не смог изменить своей любви — Ципе и вновь идет к ней для обесщучивания ее русла. Зданович, Вова Кузьмин, отсутствовавший два года, новичок и Витя, уже ходивший на Ципу — это их команда, которая 3 августа отправляется по отработанному до безобразия маршруту Челябинск — Ципа. Ну что же! Уважать чужое мнение тоже надо. Не хотят наши други перешагнуть Полярный круг. Там холодно, вероятно, и туда очень дорого! В последнем утверждении есть своя сермяжная правда. В поезд надо будет нашей команде садиться с 50 штуками в кошельке у каждого. Это вам не баран начихал, если учесть что я ко всему еще и замшелый пенсионер с «потрясающей» пенсией, которой меня наградило государство. Не имей сто рублей, а имей детей, братьев, верных друзей и хороших знакомых. Они спонсируют, дадут, займут, и будет все о'кей.

Пришел Саша Солошенко, наш Орфей, бард, барометр нашего настроения, прекрасный метатель ножей, скромный, сдержанный, с намечающейся бородкой. Если бы не он, то я еще бы перед соглашением; вернее, дальше бы думал, но все равно пошел бы на эту авантюру с поездом, самолетом, вертолетом и рекой Котуй. Паша Киселев позвонил, сообщил, что скоро будет.

Куранты бьют. Семеро одного не ждут. Гастрономические запахи из Камбуза уже дали стартовый желудочный сок, и Анатолий отдает свой первый командирский приказ 2012 г.

— На кухню, мыть руки.

И мы вновь за столом, словно и не было 12 месяцев после последнего гастрономического алябьевского «безобразия». Как всегда вкусно, с запотевшей холодной водочкой (я и командор Мейснер за рулем, Зданович в завязке до воды, Солошенко — только вино). Через полчаса опоздания нарисовался Паша Киселев. Ни тени смущения или раскаяния. Ну подумаешь — опоздал на 30 минут. Это по нашим северным якутским нормам — почти точность, однако. Главное пришел, успел, тем более что мы еще ничего не обсуждали. Толя переставил события. Вначале кухня — потом информация. От перемены мест сумма не меняется, а настроения даже очень. Гормоны удовольствия делают свое приятное дело, да и 150 грамм — тоже. Пошутили, пообщались, повспоминали, ну и хватит. Пора и честь знать, т. е. заняться делом.

---

* Продолжение. Начало в № 3 за 2013 год.

Перешли в гостиную и выслушали краткую, спокойную, уверенную речь Анатолия, теперь уже, опять нашего Командора, слово которого с этого момента для каждого из нас закон, естественно после длительных дебатов.

Я уловил несколько новостей, пока не знаю, приятных или не очень. Просто информация!

1. Расходы каждого в походе составят не менее 50 тысяч рублей!!!

2. Есть два варианта заброса: или от озера Эссей, или от озера Чиринда. Все будет зависеть от рейсов воздушного транспорта.

3. Максим Жаворонов, 1975 года рождения, который умудрился родиться 1 января и знакомая Паши Киселева — Юлия Станиславовна Короваева, 1986 года рождения, присоединятся к нам в Красноярске.

4. Продукты в Челябинске не закупаем. Будем их брать в селе старта. Рюкзаки от этого будут легче и платить за лишний вес в самолете будем меньше.

5. С нами впервые будет ружье и к нему охотник Жаворонков, который убеждал Алябьева, что тушенку брать не надо, будет свежее мясо. Но осторожный командор мудро решил: по баночке на обед не помешает. Охота охотой, а кушать всегда хочется, независимо от удачи.

6. Уходим, уезжаем из Челябинска 15.08.2012, возвращаемся объякутившиеся 13.09.2012 г. Сроки плюс-минус 2—3 дня. Транспорт, однако!

7. Из общественного груза мне: полторашки + аптечка + 2 гондолы. Да, ребята! Возраст для нас нипочем, мы его кирпичом, кирпичом.

— Вопросы есть? Вопросов нет! Постановили и утвердили.

Командор проверил наличие документов с «пиастрами» и довольный закрыл собрание мужиков с чуть-чуть повернутой крышей. Паша Киселев еще на кухне вдруг проявил серьезную озабоченность моим здоровым после АКШ, но друзья быстренько эту тему закрыли. У нас у каждого есть свои фишки. Гипертония, остеохондроз, искусственные челюсти, тугоухость, тугодумность и т. д. Вы скажете, и куда же вас леший несет. Отвечаю. В таежную страну с ее вековыми загадками, сказочными восходами и закатами, утренней бодрящей росой, с песней неизвестной птицы и хрустом ягеля под копытами осторожного лося, с бурым хозяином и холодной ключевой водой. В сторону бурных сибирских северных рек с игривыми шиверами и перекатами, с говорливыми порогами и сильными хищными тайменями. В страну вечерних волшебных костров с песнями кудесника барда — Александра, с наваристой ухой и бродячими байками, со стихами и мыслями о жизни, о судьбе. Нас леший несет в сторону девственной природы, нетронутой красоты и гармонии, туда, где душа человека очищается от городской накипи и становится чище, нежнее, чувствительнее и более открытой. Там человек становится самим собой, все лишнее, неискреннее улетучивается, и он приближается к своему идеалу, по которому создал его Всевышний. Там возможно испытать чувства, невозможные в городе. Там наш чувственный багаж непомерно увеличивается. И мы идем туда, готовые платить серьезную цену в виде путевых неудобств, надоедливой мошкары, мокрой одежды, дежурств у костра и прочих «прелестей». Игра стоит свеч!

А рыбалка! О ней следует говорить отдельно, но пока у нас лишь информация Жаворонкова, поймавшего несколько тайменей. Поживем, увидим, поймаем, тогда и опишем свои восторги.

А пока идут дни ожидания, сборов, садовых работ и необходимых покупок.

Я думаю, что личность в обществе себе подобных подвержена серьезному прессу стереотипов. Мы живем по многовековым человеческим законам, о которых четко сказано в Библии: не убий, не укради, не прелюбодействуй, почитай отца и мать своего и т. д. и плюс законы социального строя, в котором живет твоя страна. И в человеке постоянно вырабатывалось стремление уменьшить этот пресс, уйти из-под него. Это проявляется в самых разных явлениях, и прежде всего в стремлении освободиться от социальных законов. Вспомните: «Анархия — мать порядка». К чему эти философствования? А к тому, что стремление к путешествиям — это еще один стереотип определенного душевного склада людей, способствующий на какое-то время уйти от пресса законов страны. В тайге, горах, на сплаве нет службы-работы, нет начальника, нет жуткой ЖКХ, нет семьи с ее заботами и печалями, нет многого из того, что в городе тебя раздражает и портит настроение. Но это при одном условии — если в команде коммуникабельные, взаимоуважающие друг друга, взаимопонимающие люди, всегда думающие не только о себе, но и о своих товарищах. Пять человек нашей команды такие и есть. Жаворонков с Караваевой для нас пока два икса, расшифровать

которые нам придется уже на маршруте. Надеюсь, чутье командора и рекомендация Паши Киселева окажутся точными и сохранят душевный климат в этой экспедиции. Это очень важно! В этом мы убеждались неоднократно.

25 июля

Проснулась муза в 3:00, естественно, разбудила меня. Полусонный, зевая и спотыкаясь торопливо записал, да так коряво, что утром еле разобрал.

Ну что тебе сказать,
мой милый друг,
уходим завтра
за Полярный круг.
Там ждет нас горная
река Котуй.
не спорь, не возражай
и не бунтуй.

Душа простора просит,
как всегда,
Она устала,
ну при чем года,
а те, что в паспорте,
они же врут —
до финиша
еще большой маршрут.

Тайга нас встретит,
мы ее друзья,
и разлучать надолго
нас нельзя.
Таймень плеснет —
хозяин горных вод,
и звезды в небе
встанут в хоровод.

Заря разбудит
пеньем скрытых птиц,
а дождик смоет боль
с уставших лиц
Согрет душу
жаркий наш костер,
и песня друга,
и речной простор.

Ну что тебе сказать,
мой милый друг,
уходим, как всегда, мы,
а не вдруг,
ладью несет волна,
не колея,
а в ней друзья,
а в ней живу и я.

Время ползет, действительность городская зашкаливает за 30°, в голове сумбур. Жара выматывает, мозги плавятся, настроение ниже ватерлинии. Мелкие радости не помогают, а наоборот, только усугубляют хандру и неопределенную тоску. Хотя события бегут в правильном направлении. Билеты на поезд и даже на самолет уже взяты. Командор потерял несколько килограммов веса и порядочное число волосинок с головы, и так не очень бога-

той растительностью, пока добился разрешения на дополнительный 20 кг веса на билет в самолет. Тяжела ты шапка Мономаха — Командора. За это и др. прочее его все и уважают.

В углу кабинета, как всегда бывает в июле, уже стоит мой верный заплечный друг — рюкзак, набитый с помощью правой нижней конечности. Но это пока нежная предварительная укладка. Я же еще не получил полагающиеся мне две оболочки одной гондолы от катамарана. А они должны лечь на самое дно.

Промаячила хорошая новость, не знаю, воплотится ли она в действительность: Максим Жаворонков может взять с собой спутниковый телефон, но это будет стоить команде 7 штук, т. е. по штуке с каждого. Я тут же согласился, когда меня об этом информировал Командор. А связь с любой точки маршрута лично для меня играет огромное значение. Два моих старших брата далеко не богатырского здоровья, и это будет постоянным прессом для моего сознания. Да и вообще связь — это информация, а она, как известно, двигатель прогресса. Так что, господа присяжные хорошо бы дернуть за шнурочек и запустить двигатель на всю катушку. И нечего сомневаться.

Я созвонился с моей племянницей в Красноярске. Нам сутки ждать вылета самолета. Сидеть на вокзале — хорошего мало. Для комфортного ночлега нам предоставляется двухкомнатная квартира, за которой присматривает Бушуева Лена (подруга племянницы). Ее телефон 8-902-97-97-184. Записал, а вдруг листочек потеряю.

Так что все идет по плану, по порядку. Но какая-то тревога беспокойство лезет в душу, ноет, скребет. Ждать и догонять всегда сложно. Человек всю свою жизнь чего-нибудь ждет: воскресенья, зарплату, отпуск, свадьбу, день рождения, свидания и т. д. и т. п. Устает он ждать, и этот процесс начинает его утомлять, раздражать. Ну сколько же можно? Оказывается, можно и нужно — постоянно. Без этого жизнь теряет многие свои прелести и становится тусклой, скучной! Человека, который в жизни уже ничего не ждет — можно пожалеть. Это глубоко несчастный человек. Ведь за ожиданием не всегда, но все-таки приходит свершение, радость, победа и даже счастье. А кто-то всего этого уже лишился навсегда. Конечно, несчастный человек. Недаром народ говорит: «Учись ждать и надеяться». Хорошо написал Добронравов: «Надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым, чтоб от жизни получать радости скупые телеграммы».

Вот и жду с нетерпением встречи с этой далекой загадочной рекой Котуй, которые многие путают с алтайской Катунь. Но что бы произошла эта долгожданная встреча еще должен произойти целый ряд событий, мероприятий, совпадений, свершений. И каждого надо ждать, приближать, работать на него.

1 августа

День рождения нашего Орфея — Александра Солошенко. Хочется ему пожелать: верных друзей, вдохновенья, новых песен, хорошего настроения, тугого кошелька, любви и благополучия, выпуска книги-песенника, нового лауреатства на бардовских фестивалях, побед в творческих конкурсах, удачи во всех начинаниях, легкой тропы и добрых порогов, рыбацкой удачи и здоровья, здоровья и здоровья.

13 августа. Выход

Тринадцатое число, понедельник! Но мы не суеверные, хотя утречком надо три раза сплюнуть через левое плечо. Черные силы сникли. Вчера я с женой сходил в церковь заказал молебен для всех путешествующих. Так что нас будет охранять око Всевышнего и обязательная удача. Разбухший до неприличия рюкзак уже готов, скучает в углу кабинета. Все проверено, взвешено, по списку. Но что-нибудь обязательно забуду. По-другому не бывает. Главное, чтобы это была не очень важная вещь.

Весь мир окутан энергией мысли,
Энергией разума, в смысле,
Летают по космосу наши мысли,
Они, наши мысли — повисли.
Если в мир уходят светлые мысли,
Значит, темные силы скисли,
Если в мир уходят мрачные мысли,
Светлые силы не выросли.
Люди все силы на светлые мысли,
Я по-иному мир и не мыслю.

Утро было поздним. Олимпиаду в Лондоне смотрел, радовался, гордился, психовал и орал «Ура!», когда мужики в волейбол взяли «золото». Большой спорт — это борьба нервов. Мастерство чаще всего почти равное, но побеждает тот, у кого нервная система прочнее. У меня она слишком чувствительная. С утра начинается какой-то предстартовый мандраж. Все готово, но в голове торчит гвоздь — что-то забыл, что-то не сделал. Благодаря этому действительно вспоминаются дела, не доведенные до конца. Леонидовна занялась традиционными пирожками, которыми она кормит нашу команду уже более пяти лет, а я глубокомысленно решал задачу — как одеться, чтобы было ни холодно, ни жарко. Погода нам благоприятствует — 23°, значит, в вагоне не будет парилки. Решил одеть камуфляжные брюки, а штанины оказались длинными. Выслушал от жены «восторженную» тираду, выслушал молча, так как хорошо знаю, любое мое слово будет как сухие дрова в костер. Молчать и кивать головой, со всем соглашаться. Так, штаны подшиты, пирожки сделаны, овощи куплены, пообедали и спать. Так время до выхода быстрей пройдет. Полусон, полудрема. Еще и еще раз прокручиваю ситуацию, все ли взял, все ли наказал жене, своему редактору, который готовит макет моего второго сборника рассказов, художнику об обложке книги, мастеру об отделке второго этажа дачи. Господи, да чего же я так волнуюсь, почему каждый час жду какую-то неприятность? Всегда волновался, но этот раз — просто мандраж до дрожи кончиков пальцев. Может, потому что в нашем маршруте впервые самолет и вертолет. А по поводу этого вида транспорта телеящик уже вдолбил в голову запах опасности. Все! Надо выходить! Не дожидаясь приезда машины — рюкзак на плечи и вперед. Рюкзак значительно легче прошлогоднего, спокойно устроился на моих плечах. Вероятно сработала моя чуйка. Машина подошла к точке старта одновременно со мной. Погрузились и уже через 20 минут были у вокзала, как и полагалось в 21:00. Нас встретил мой внук Семен, мой шерп. Он взял рюкзак, а я как пляжный пенсионер с двумя легонькими сумочками потопал рядом.

В точке сбора уже кучкуются люди. Оказывается, я прибыл последним из нашей команды. Все в радостном возбуждении. Командор уже открыл кафе «Заполярный круг» и потчует провожающих «огненной водой», вероятно, для сугрева. Провожающие горят желанием выпить на брудершафт с отъезжающими, но Командир непреклонен: «Нельзя! Нельзя! Вдруг проводник учует запах и не пустит в вагон! Нельзя!» Проглотив горячую слюну мы молча подчиняемся. Дисциплина, блин. Командир, конечно, переосторожничает, но может быть, он и прав. Ничего, мы терпеливы и наше от нас никуда не уйдет. Провожающие согрелись, закусили пиццей. Мне особенно приятно, что провожают два внука: один уже взрослый, второму 6 лет. Разговоры, разговоры, слово к слову тянется, и рюмашечка готова для того, кто здесь останется. Наш поезд отходит в 22:53 местного, а транспорт в Челябинске почти прекращает движение в 22:00, так что ряды провожающих стали постепенно таять. Остался Аркадий, мечтающий получить в подарок нижнюю челюсть тайменя, Борис с горячим желанием подарить мне шляпу, Игорь Остроущенко в этот сезон просто перешедший в ранг провожающего. Груз перетащили за две ходки. Проводник, молодой, симпатичный не только не нюхал выдыхающий нами воздух, а даже пустил Семена с моим рюкзаком в вагон без билета, так как я в это время дежурил у оставшегося груза. Так распорядился Командор. Погрузились. Командор, уловив безопасную ситуацию, распечатал шампанское аккуратно, а Саша Соломенко на всякий случай окатил Семена пеной этого напитка. Но никто не обижался. На глазах доброго проводника, который может быть и позавидовал нам в этот момент, мы выпили за удачу, за семь футов под килем, и поезд устремился вдаль, приближая нас к нашей мечте, которую мы лелеяли целый год. Не благодаря, а вопреки всяческим обстоятельствам мы вновь пьем воздух путешествия, вновь с нами чувство дороги. И за все за это огромное спасибо нашему Командору — Анатолию Алябьеву. Без его настойчивости, терпения уменья этой экспедиции могло и не быть.

14 августа. В поезде

Устроились удобно и уютно, около туалета. К счастью, дверь не хлопает, не беспокоит, а наблюдение вести легко: свободно или нет. К нашей радости, даже форточки открываются, так что спали, можно сказать, почти со свежим воздухом. Но мне досталась нижняя полка — маломерка, в которую я не вписывался по росту. Пришлось ужиматься. Дорожное Прокрустово ложе. Сервис, блин. Проснулись почему-то все рано, попили чайку и начался треп, обычный дорожный треп ни о чем, чаще всего о спортсменах, олимпиаде. Лучше бы о женщинах. Но это запретная тема. Дошли до Омска. Здесь у нас встреча с Максимом. Он

передал нам стратегический груз, который Командор должен особым образом оформить в аэропорту (моторы — опасный груз). Обедали традиционной командирской окрошкой. Но с квасом что-то произошло. В одной полторашке «Молодой», а во второй со слов Паши Мейснера — «детский». Не дошел квас до кондиции. Так, кисловатая, мутноватая водичка. Ну ничего. Окрошка пошла на ура! И, что интересно, пропадала такая закуска, что даже Командор мечтательно заметил:

— Стопочку бы к ней.

Человек сам себя наказал, объявив в вагоне сухой закон. А ведь он был прав. Мы в этом убедились во время обхода казахских пограничников в Петропавловске. Один из них, увидев на столе наши кружки, взял одну и стал обнюхивать, как ищейка. Ничего не унюхав, он на всякий случай предупредил:

— Воздержитесь… Нельзя!

Я клокотал от возмущения. Молча, конечно.

— Какое он имеет право совать свой нос в чужую кружку. Это просто нахальство.

Но вступать в спор с нахалом в погонах себе дороже. Начнет досмотр всех рюкзаков. А нам это надо? Совсем нет. Поэтому и молчим.

После обеда поспали. Потом Саша взял гитару и заиграл на струнах наших душ. На лицах появилась мечтательная улыбка, в глазах светилась порой грусть, порой они покрывались какой-то загадочной поволокой. Наш Орфей пел больше о любви, но почти всегда о той, которая дружит с грустью, разлукой, болью. А настоящей любви без боли и не бывает. Это хорошо знают девушки, впервые полностью отдавшие себя своему любимому.

Паша Киселев восхищенно произнес:

— Ну, Александр, вы меня поразили.

Вот так восхищенно, с уважением, на Вы.

А Мейснер добавил:

— Это еще далеко не все. Саша знает более 50 песен.

Ужинали кто окрошкой, а кто окрошкой без кваса, т. е. салатом. Вечером мы с Пашей Киселевым обсудили некоторые вопросы функционирования наших организмов. Так прошел этот путевой день. Не жаркий, сытный и в дружбе с музой.

Вокзал, родные лица
исчезли за окном,
прощай, моя царица,
окутанная сном.

Вновь ветер парус полнит,
и тайной даль зовет
мне вещий голос молвит:
«Пора, пора в полет.

Пора поймать в ладони
осенний звездопад
и помечтать в вагоне,
подумать невпопад.

Умчаться в колеснице
в места прожитых лет.
Пускай тебе приснится
волшебный лунный свет.

Еще не все дороги
перед тобой легли,
всегда помогут Боги,
они мосты сожгли».

(*Продолжение следует*)

г. Челябинск

Лев Молчанов

Сказка о шахе Аббасе[1]

Правителей жестоких много
Они и были
Они и есть!
В истории народов мира
Героев этих всех —
Не счесть!..
Стихотворение написано на основе событий происходивших в конце 16 – начале 17 веков в Персии (Иране)

Персидские рубай хороши.
И мудрости полны их откровенья!
Великий шах Аббас
в Персепольский дворец
Созвал со всех концов
Своей большой державы
Учёных, мудрецов,
Поэтов, богословов,
И дервишей святых,
Что странствуют всегда!

И всех их рассадил
В большом зелёном зале
На пёстрые ковры
Персидских мастеров.
Струя стремилась ввысь
№ бьющего фонтана.
«Бессмертные» кольцом
Монарха берегли.
А он короткой речью
Открыл начало встречи
Почтенного собранья
Восточных мудрецов.
Сидел Аббас на троне
Слоновой кости жёлтой —
Тончайшая работа
Делийских мастеров.
Из Индии подарок,
Чтоб не ходил войною
И города не грабил,
Посевы чтоб не жёг.

Шах слушал в тронном зале
Стихи своих поэтов
О подвигах героев,
О помыслах людских.
О наслажденьях райских,
Что ждут в садах Эдема.
Об ангелах небесных,
О гуриях земных.

Затем от богословов
Из славного Тебриза
Сухие изреченья
Из древней Книги книг…
К ним тихо подскочили
Мудрейшие улемы
И мистики,
Что так трактуют текст
Священной книги
Мухаммеда,
Что белое
В глазах людей,
Внезапно
В бархат ночи превратится!
А истина —
Сомкнёт свои уста!
И ложь
Начнёт над нами править,
Тихонько прибирая удила!
Внимая,
И не споря с тем собраньем,
И пропуская
Сквозь себя
Фанатиков
Глухие причитанья,
От дервишей пустыни исходящих.
От богословов
Хивы,
Бухары,
Всю мудрость Средней Азии
Впитал он.
И точные наук строки
Учёных Самарканда и Шираза.
Он тоже взял себе
На размышленья.
А вняв
Всему учёному собранью
И подводя итог
достойной встрече
Великий шах Аббас
Промолвил наконец:
«Аллах Велик!

И несравнимы,
Ничтожны помыслы людские
С сиянием нагорной красоты
И с мудростью Небесной книги!
А вам,
Учёные,
Поэты,

[1] Шах Аббас Первый династии Сефевидов правил в Иране (бывшей Персии) с 1580 (?) – по 1629 годы. По мнению современников, имел блестящий двор. При нём были аккредитованы послы России, Франции. Англии. Испании. Нидерландов и многих стран Востока. Аббас Первый был энергичен, умён, прозорлив, деспотичен, коварен, жесток. Умертвил своего сына. Трон завещал внуку Софи-Мирзе. Хан строил дороги, мосты, мечети и христианские храмы. Украшал города садами, фонтанами и дворцами. Иранцы, несмотря на его жестокий нрав и зверства, чинимые во время войн, считают шаха величайшим государем.

Богословы,
Улемы,
Звездочёты,
Мудрецы,
Святые нищие —
Посланцы дервиши —
спасибо вам!
Да будет мир
Над вами!
Я всех вас одарю
за вашу мудрость,
Святость
И талант!»
И руки вверх поднял.
А слуги побежали
В толпу.
И каждому —
халат с парчой!

Толпу всю одарил
Халатами с парчой
И пёстрыми коврами
И серебром и золотом сполна!
Седой брадою убелённый
Придворный глашатай
Униженно клонясь,
Перед собраньем
Совсем негромко он
Почтенных попросил
Пройти
Во внутренний дворец
Через фонтаны.
А в переходе
Во дворе
Их ждал уже шатёр —
Громадный!
Голубой!
Роскошный!
И коридор живой —
«Бессмертных»
Из личной гвардии царя.
По одному вели их внутрь…
Под руки —
Вежливо,
Красиво!
Чтобы достойно наградить!
И чтобы каждому подарок —
Согласно мудрости его!
А чтобы зависть не пылала
В груди соперников,
Друзей,
Шатёр поставлен для таинства!
И шли
Торжественно в шатёр —
Улемы,
Дервиши.
Поэты,
И богословы-мудрецы!
И цвет науки всей —
Персидские
Учёные мужи!
И закрывался полог у шатра —
Гордящегося мужа принимая!
А там палач их ожидал,
Мечом сверкающим играя!
И он
Мгновенно
Отделял
Чалму —
И голову для рая!
Да так,
Что
Недопонимал
Ушедший в вечность
Близость рая!

Ну,
А приёмщик принимал
Халат,
Ковёр,
Чалму и злато.
А зазывальщик приглашал
Вкусить
Очередного
Сладость
Мгновений райских
В том шатре!
Так умно поступил Аббас
С собраньем мудрецов персидских.
Весь цвет наук
И богословов,
Поэтами, разбавив их ряды,
И дервишей,
Добавив к ним десяток
Отправил разом
В горные выси!
Себе ж
Оставил он немного —
Всю мудрость,
Что сумел впитать,
Во время дружеской беседы…

Пусть лучшие — умрут!
А шах один поправит!
Поцарствует!
Народ его пусть хвалит!
А… люди! —
…Люди всё простят!
Великий шах Аббас
И грозный он владыка!
Трепещут все пред ним —
Да вечно будет так!
Велик Аллах
В нагорной высоте!
А на земле Аббас
Над Персией сияет!
Да будет вечно так!

с. Чесма

Виктор Калугин

И уральские зори полощат

Дольмен*

За скалы уцепившись крепко,
изведав бренность перемен,
поросший мхом змеино-цепко
глядит из замяти дольмен.
Что видел он, какие нравы?!
Что иль кого в себе хранил?
Кому поставлен на потраву,
святилищем среди светил?
А может всё довольно просто:
здесь, среди скалистых пород,
в таких дольменах с малым ростом
жил древний, сказочный народ…
Был юн Кавказ, младые горы,
в долины рек упала тьма:
с небес спустились черноморы
и многотонные дома.
Да, да, я вижу силу гномов,
что поднимала города
в своих ладошках мощью громов,
и в реках пенилась вода,
неся бурливые потоки;
вскрывались берега морей…
Так памяти моей истоки —
питают истину корней…
Что стало с ними?
Может, боги
низвергли маленький народ
или землицы недород
забрал в небесные чертоги?
Нам не дано узнать, увы.
Но память слова — не обманет:
в нём «дол» и «дом» подсказкой станет,
а сказка — былью старины.

* * *

Рыбаки у медленной запруды:
тих в понтоны скованный Урал…
Я тебя, наверно бы, придумал,
если бы тогда не повстречал…
Маялась увядшая природа:
вялилась опавшая листва.
С солнца, что стекало с небосвода,
ты явилась ликом божества.
Нимфой в одеянии воздушном,
среди масс снующих горожан.
Свежестью морской
в квартале душном.
С взором, отличающим южан…
Но, подобно трапу виадука,
покачнулся призрачный причал…
Я тебя наверняка б придумал,
если бы во сне не повстречал.

* * *

Память властно стягивает маски;
древняя, тягучая, как мёд…
Выплывают вражеские каски,
и разбит пристреленный расчёт.

Всюду танки, танки, танки, танки…
Небо в подвенечных облаках…
Вспомнились пасхальные баранки
и румянец на её щеках.

А фашисты ближе, ближе, ближе.
Ближе, чем гранатное кольцо…
Что ж, я счастлив, что на миг приблизил
памятью родимое лицо.

Мне с фашистом не играть в «орлянку».
Время уже начало отсчёт…
Я бросаюсь к вражескому танку…
Что ж ты, память, вязкая, как мёд?

* * *

То ли боль в воспалённых глазницах,
то ли сумерек долгая слепь…
Я спешу на открытой странице
в зауральскую русскую степь.
Здесь казачество волью дышало,
подминая в намёт ковыли…
Поднималась Россия Урала
от вагранок, из рудной пыли.
Тяжек труд ковача, но не ропщет,
не отпрянет от горна в попят…
И уральские зори полощат
на скаку раскалённый булат…
Пусть меняется мир многократно,
снова зори над Русью встают…
В воспалённых глазницах заката
наши предки свободу куют.

* * *

Какая тихая разумность
в плывущей бирюзе рассвета…
Так мир приоткрывают дети,
встречая розовую юность.
В восторге упираясь взглядом
в смешенье красочных открытий,
я отрываюсь от событий,
где жизнь и смерть шагают рядом.

г. Магнитогорск

---

* Дольмен — древнее строение, монолитное или из многотонных плит песчаника. 2—3 век до н. э. (*авт.*)

Нелля Красикова

Волшебство вечернего общенья

Сбой в программе

Отчего-то мои мысли
Отказались от труда…
Склеротически зависли,
Ни туда и ни сюда.
Разбудить хочу, направить
В чётко выстроенный ряд…
Невозможно их заставить,
Шевелиться не хотят!
В полудрёме мои мысли,
С ними я и так, и сяк…
Отчего же вы зависли?
Мыслить надо как-никак!
Но, увы, в ответ молчанье,
Неизвестность посему.
Может, спите в назиданье
Интеллекту моему?

* * *

Лето, как весна и осень,
К нам приходят, мы не просим.
И зима, согласно моде,
В той присутствует колоде.

* * *

Виски посеребрило инеем,
Как снег на голову. В душе зима.
Откуда вы, бураны синие,
Среди весны — метели кружева?
Зима уверенной походкою
Врывается, когда совсем не ждёшь.
Считает признак старости — находкою,
Пока её за глотку не возьмёшь.

Март

Снег скукожился, просел,
Как прокисшая сметана.
Ни красы уж в нём, ни сана,
Словно плесень посерел.
Небо в серую полоску —
Безутешно серый плед.
Парапет на крыше плоской
В краски серые одет.
Грустный мартовский денёк,
На душе тоска и скука…
Не спросясь, вошла без стука
И уселась там в тенёк.
Как тоску мне пережить?
Хочется тепла и света!
Поскорей пришло бы лето…
Надо с верой в сердце жить!

* * *

Изморозь на голубых окошках.
Необычен писаный узор.
Две свечи в старинных синих плошках,
Задушевный льётся разговор…
День угас и сумерек мгновенье
Наложило отпечаток свой.
Волшебство вечернего общенья
Неразрывно связано с тобой.

* * *

Осень торопливо распрощалась,
На пороге снежная зима.
Задержать бы осень, хоть на малость,
Не вернётся рыжая сама.
А зима стращает снежной бурей,
Вьюгой и буранами грозит.
От однообразных серых буден
Чуточку иронией сквозит.
Не вернуться в сказочное лето,
Где по пояс малахит-трава.
Коль зима, пусть будет много света!
И зима нужна — гласит молва.

* * *

Ночная балует прохлада,
Сияет звёзд холодный свет.
Волнуют ароматы сада
Уже восьмой десяток лет.
Ушедшей юности далёкой
На небесах ищу я след.
Вернуться мысленно к истокам…
В реалии вернуться — бред…

* * *

Мастерам чугунного литья г. Касли посвящается

На Урале град стоит
На пяти озёрах.
Не гранят там малахит,
Там плетут узоры.
Воплощают в чугуне
И зверей, и птицу.
Славу добыли стране
Даже за границей.
Про ажурный павильон
Знают все на свете.
Тонкой вязью он сплетён,
Краше я не встретил!

г. Касли

Валентина Сиволапова

Живет на Руси Елена

Елена Федоровна встретила приветливой улыбкой и сразу же захлопотала вокруг меня. Помогла снять пальто, приняла шапку. Между прочим, подсунула под ноги комнатные шлепки, взяла из рук мою сумочку и легким кивком намекнула на зеркало, мол, взгляни и поправь прическу, что я незамедлительно сделала. И все это сопровождалось её короткими доброжелательными фразами о погоде, о настроении.

— Ой, да что это я вас в прихожей-то держу, — спохватилась Елена Фёдоровна и, слегка обняв, будто давнюю знакомую, провела меня в комнату.

В маленькой комнатушке было необыкновенно уютно от самобытного убранства. Старая мебель, самотканые половички, вышитые салфетки, фотографии на стенах — все это очень располагало к душевному расслаблению и разговору. Еще более привносило удовольствие к созерцанию и расположению, пробивающиеся в комнату из-за занавесок сквозь цветочные горшки на окне, утренние лучи весеннего солнышка.

Хозяйка пригласила сесть к столу. Сама устроилась напротив. Наступила минута молчания, но мне она не показалась тягостной. Я смотрела в открытые, добрые глаза Елены Федоровны, улавливала её волнение по вздрагивающей губе, но нарушать тишину не хотелось, потому что сама испытывала душевный комфорт рядом с этой женщиной.

— Вы не знакомы с моими внуками? — первая нарушила тишину Елена Фёдоровна. — Их у меня трое: Елена, Наташа и Алёша.

— Да вот они, — и она указала на фотографии, висевшие в простенке над столом. — А это дочь моя, Татьяна. Она инженер Южно-Уральской научно-исследовательской испытательной станции.

С портрета на стене смотрела молодая женщина с такими же добрыми и открытыми глазами. Фотография дочери — это точный портрет Елены Фёдоровны в молодости.

— Первую внучку в мою честь назвали Еленой, — простодушно говорит моя собеседница. — Средняя, Наташка, тоже меня любит. По моим стопам пошла учиться на швею. Я ведь всю свою послевоенную жизнь в швейной мастерской проработала. Внук Алёша спортом увлекся, бог с ним. Есть и правнук Димусенька, ему два года.

Вдруг, Елена Фёдоровна замолчала. Было заметно, как угас в глазах радостный огонек. Мне показалось, что она на долю секунды растерялась в мыслях своих, а я не мешала ей разобраться в этой путанице.

— И сын у меня был, Валерий, — с грустью в голосе выдавила он. — Десять лет назад умер от сердечного приступа. До службы в армии был здоров, а вернулся «сердечником». — Она снова замолчала, а потом вдруг сказала:

— И надо же такому быть. И сын, и муж мой в одном городе служили. Только отец в войну, а сын — после войны.

Выражение на её лице вновь изменилось, в глазах появилась пустота, словно их и нет вовсе на лице. Мне даже показалось, что о моём присутствии она забыла. В движениях появилась «ватность». Руки её медленно перебирали край полотенца, которым была подпоясана, словно фартуком. Елена Федоровна присела на табурет рядом со мной и склонила низко голову, как это делают в минуты скорби и тяжелой грусти. Как я её понимала в эту минуту. Ведь у меня тоже на войне погибли родственники, а отец вернулся инвалидом, теперь уж умер. Теперь, глядя на приветливую хозяйку, стало очевидным моему взору: хотя и прошло много лет с той поры, как погиб муж, но в этом доме память живой раной присутствует каждый день, каждый час. К этой ране добавилась в материнском сердце боль за умершего безвременно сына.

Не кощунствую, просто не могу удержаться, чтобы не охарактеризовать образ женщины, сидящей передо мной. Она вовсе не обессилена и не опустошена — она воистину величественна и великолепна в скорби, не красотой своей, нет. В ней чувствуется сила внутренняя, идущая от корней рода своего. И я подумала, что никогда на Руси не переведутся женщины-Ярославны — простые и величественные, не скрывающие истинных чувств, потому что им не свойственно кокетство и напыщенность. Они прекрасны простотой своей и естественностью.

Война для Елены Фёдоровны началась в апреле 1942 года. Окончив школу младших авиаспециалистов, она вместе с другими девчатами попала на Ленинградский фронт Волховского направления, а затем — под Сталинград.

Зима. Холод. Обмундирования нет. Под открытым небом девчата денно и нощно грузили самолёты боеприпасами, горючим. Днём самолёты вылетали на боевое задание, а ночью девчата снова загружали их снарядами. Проверяли комплектацию оборудования, взрыватели, бомбы, пушки, чтобы, не дай бог, в бою что-то отказало или не сработало. В каждый самолёт надо было загрузить четыреста килограммов снарядов. И всё — вручную, быстро, качественно, причём, каждую ночью в кромешной темноте, не зажигая фонарей, чтобы противник не обнаружил.

После работы руки мыли на морозе бензином. Сколько раз обмораживались пальцы. Под утро, добравшись до землянки, не переодеваясь, засыпали, едва коснувшись лавки или нар.

Война на месте не стояла. Елена Фёдоровна прошла с войсками до самого Берлина. Особо запомнилась зима 1942—43 гг. под Сталинградом.

Исторические и судьбоносные события происходили здесь той зимой. Каждая минута была нашпигована ожиданием смерти. К летчикам не успевали привыкнуть, даже имени запомнить, а на них уже похоронные письма фронтовые канцелярии отписывали. Молодые парни, прибывавшие с курсов и лётных училищ, сразу шли в бой. Улетали в дневной полёт для бомбежки вражеских укреплений. Возвращались не все. Каждый раз, провожая парней, прощались, как говорится, навсегда. Привыкнуть к гибели однополчан было невозможно. Потому время ожидания их прибытия в часть казалось долгим.

Чтобы забыться, девушки работали по двадцать часов в сутки при 40-градусном морозе, пока силы не иссякнут, пока ноги не подкосятся. Руки их кровоточили постоянно, потому что работали без рукавиц, выполняя при комплектации снарядов почти ювелирную работу.

Ещё страшнее началось, когда огромные колонии крыс наполняли окопы, землянки, блиндажи. Под Сталинградом началась эпидемия, которая косила нещадно без разбору всех: и солдат, и офицеров, старых и молодых.

— А давайте-ка я вас чайком угощу, — тихим голосом предложила Елена Фёдоровна, чем и прервала мои мысли. — И не вздумайте отказываться. У меня всё своё. Сама варенье варила. Вам только остаётся его отведать.

— У вас сад свой есть? — спрашиваю.

— Да что вы! Мне это не под силу уже. Но друзей у меня много. Иногда куплю, иногда — друзья в сад пригласят, там собираю ягодки. Сварю, а потом всю зиму, как медведь, варенье полизываю, до весны хватает.

Елена Фёдоровна ушла чай подогревать, а мне дала огромный альбом. Его ей подарил совет ветеранов 79-го гвардейского Мозырского авиаполка, в котором она служила. Я перелистывала страницы альбома, где, как на плацу, прошёл перед глазами весь путь авиаполка. Есть здесь даже список солдат. Не без гордости прочла среди них имя нашей землячки Елены Фёдоровны Ильиных. И что награждена она медалью «За боевые заслуги».

Вечерело. Мы сидели за столом под абажуром и просто пили чай с ароматным «царским» вареньем из крыжовника и винограда. Особый рецепт этого варенья — изобретение самой хозяйки.

— Елена Фёдоровна, — продолжаю беседовать, — знаю, что о вас не раз писала газета. Наверное, нет такого эпизода в памяти, чтобы дополнить ваши воспоминания?

— Представьте себе, есть, — не по возрасту, с неким задором ответила она. — Я вам сейчас покажу фотографию, которая была сделана несколько лет назад в сельце Пересвятое, Гомельской области. Нас, фронтовиков Мозырского авиаполка, собрал в Гомеле совет ветеранов. Со всего Союза приехали. Репортаж с этой встречи ветеранов Великой Отечественной войны транслировали по областному телевидению. В одной из передач мы рассказали о белорусской женщине, которая в 1943 году взяла на постой двенадцать девушек — солдат нашего полка. Год этот был особый — переломный в Великой Отечественной войне. Наше отделение авиаспециалистов дневало в маленькой хатке тёти Оли, так звали хозяйку. Она сумела создать мир добродушного бытия двенадцати девчонкам, которым было всего-то по семнадцать-восемнадцать лет. Жили мы, словно одна семья, со всеми домочадцам, четырьмя её детьми и престарелой матерью. Не скупясь, доставала тётя Оля припасённый ещё до войны харч и делила обстоятельно маленькими дольками всем поровну. Как в родительский дом, бежали мы, уставшие и окоченевшие от мороза, в хату. Знали, что там ожидает сердобольная тетя Оля. Но было в ней что-то такое, что заставляло нас плечи распрямлять. При ней девчата прямо на глазах вдохновлялись: крепчали духом, а главное, вера в победу

преумножалась. Характер у тёти Оли был по-мужски сильный и уверенный. Когда она произносила слово Родина, то будто силой своей делилась. Её уверенность в светлое будущее России и в победу вселялось и в наши девичьи души.

Никто ни разу не видел тётю Олю грустной, не слышал от неё жалоб.

Но однажды, после ночной работы, когда мы пришли с полигона, увидели её, сидящую в углу под иконой. Руки женщины безвольно лежали на коленях, а глаза были крепко зажмурены. Все черточки её лица выражали готовность разрыдаться.

— Тётя Оля, — почти шёпотом сказал кто-то из девчат.

— Ой-ой! Девоньки вы мои, голубоньки-и-и! — словно порвалось что внутри у тёти Оли, она навзрыд истошно заплакала. — Да что ж ты, война поганая, сделала-а-а? Ой! Да, кто ж теперь деток моих растить будет? Ой! Да и что ж ты мово мужика загуби-и-ила, проклятая-я-я-я? Ой!

Выплакавшись, тётя Оля долго ещё стояла на коленях перед иконой и тихо шептала что-то, должно быть, молитвы. Когда же душа обмякла, тётя Оля показала нам похоронную весточку о муже. Кто-то из девушек заплакал.

— А вот это, зря… Мне никакой жалости не надо, девчата. Ослабнуть можно враз, и кто тогда о детях заботиться будет, а? — сказала она, заметив слёзы на глазах других девчат, и ушла за занавеску в угол хаты.

Несколько минут в хате стояла такая тишина, что шевельнуться никто не решался. Даже дети не плакали, а с состраданием смотрели на занавеску, куда скрылась мать. Так прошло несколько минут. Тётя Оля вышла с караваем хлеба.

— Садитесь все за стол, — как всегда спокойно и твёрдо сказала она всем, — поминать будем.

Вслед за этим на столе появилась квашеная капуста, вареная бульба. Тётя Оля достала из закуточка бутылку «бимбера» — так фашисты называли самогон. И когда все уже сидели за столом, она поставила кулич и крашеные яйца, потому что это был день Пасхи — Великий Пасхальный день на Руси.

— Давайте помянем мужа моего, отца моих четырёх детей, славного солдата Григория, — она залпом выпила из алюминиевой кружки самогон и продолжила. — Григорий погиб за святое дело, защищая Родину, и поминаем мы его в святой день. Вечная ему память!

г. Челябинск

Лидия Маркова

Всё той, но — новой песней

* * *

Ко мне под утро
Дождик постучал,
Мол: «Это я. Не ждали?
А я — вот он!
Я вас сегодня днём
Уже встречал,
Но не хватило времени полёта.
Уехали из сада вы домой,
Я вас искал, ходил по разным тропкам.
Вы говорили, что, наверно,
Я грибной…
Так вот, вам сообщаю очень чётко:
Грибной, грибной!
С утра — давайте в лес!
С груздями подготовил я поляны.
В семействах дружных рыжиков воскрес.
Наполнил чашечки лисичек
Влагой пьяной.
Поторопитесь!
Клады разбросал
По августовским
Пышным перелескам…»
Так до утра мне дождь
В окно стучал
И в форточке
Скользил по занавескам.

Я одна

В переливах сумрачного сада
Ходит по-хозяйски дождь.
Мокнут листья, а ему — отрада,
Разошёлся, и не переждёшь.

В лес бы мне, на тропочки глухие,
В тишину багряного огня.
С ласковою слиться бы стихией
В бесконечном продолженье дня.

Отдохнуть в грибном переполохе,
Отключиться от иных проблем
И собрать, собрать по малым крохам
Душу, изболевшую совсем.

Что ты, дождь, всё сеешь-поливаешь?
Поумерь свою лихую прыть.
Я — одна. И ты совсем не знаешь,
Как друг с другом людям трудно жить.

Счастья голоса

Заплаканный сентябрь
Ронял повсюду листья,
И яблоня в саду
Ткала из них ковёр,
И нитями дожди
В узор вшивали с выси
Печальных астр созвездья,
Глазастых цинний взор.

И я ходила в лес,
Лечила светом душу
От всяческих утрат,
От нервной суеты.
О, как там хорошо!
Никто ничем не душит,
Пылали, как костры,
Деревья и кусты.

Не нужен был никто
Средь мшистых перелесков.
Разнообразье леса
Творило чудеса.
Звучало всё вокруг
Всё той, но — новой песней.
Улавливала в них
Я счастья голоса.

Вот так оно и шло.
И мне опять хотелось
Под белые стволы,
Под ёлок малахит.
Я вновь спешила в лес,
Где тихо песни пела
И слушала, и слушала,
Как павший лист шуршит.

* * *

Непрочно всё, неточно, ненадолго.
Так быстротечно, что и не поймёшь.
Когда же август вышил гроздья
красным шёлком
И в сочность яблок — перелился дождь.
Заканчиваем лето урожаем.
Прибавилось работы у плиты,
Где варим, парим, банки наполняем
И отдохнуть — желание мечты.
Уже не надо кабачков и ягод.
Ну, с ними справилась я кое-как.
И что же делать с этой кучей яблок,
Что в жизнь внесли какой-то кавардак?
Уже другое настроение подходит.
Уже по лесу хочется бродить.
Там осень начинает хороводить,
Места грибные открывать, дарить.
Да вот силёнок что-то не хватает —
Объять, увидеть, ощутить, поднять.
А время всё быстрее убегает…
Иль это стала медленнее стать?
И оттого — задумчивее сердце.
И оттого — желаннее покой.
Мне б в солнечные дали наглядеться
И вместе с осенью — стать осенью самой!

* * *

Листья в автобусе,
Листья на улице,
Листья на мокрых зонтах.
Осень-подруга собою любуется,
Спрятав улыбку в глазах.

Шлёпает дождь
То печальный,
То радостный,
Всё вперемешку вокруг.
Краски от жёлтого
До тёмно-красного,
Падают с дерева в круг.

Пятница кружит
Своей суетою,
Два выходных впереди.
Только как будто бы всё не со мною —
Осень, меня подожди.

* * *

Наконец-то уральское лето!
И прохлада, и дождь моросит,
И я рада зонту, и рассвету,
И вороне, что в соснах кричит.

А земля, опаленная, пахнет
Подгорелым, из трав, пирогом.
В грусти августа лето чахнет,
Наполняя тревогою дом.

Сердце так, как в жару, не бунтует,
И дыханье свободней идет.
И опята уже атакуют,
По пенькам отправляясь в поход…

г. Трёхгорный

Галина Коханая

Там на горке черника растёт

Я не звезда

Я не звезда. Такой себя не мыслю.
Но как приятно малость позвездить,
Побыть на радуги весёлом коромысле,
Потом, на землю опустившись, этим жить.

А там опять в руках моих лопата,
Часы томленья около плиты.
Но вера согревает, что когда-то
Осуществлю я новые мечты.

Да, жизнь — качели, несомненно это,
Но надо в миг подъёма, в вышине,
Увидеть красоту земного света,
Однажды данную на счастие и мне.

Чтобы не тлеть мерцающею свечкой,
А звёздочкой, пусть маленькой, гореть,
Бежать по жизни быстрой чистой речкой
И чтоб вперёд с надеждою смотреть.

И будет доброе душе твоей по нраву,
И о плохом захочется забыть.
Вот потому мы все имеем право
Да и должны красиво жизнь прожить!

Чувство Родины

Давным-давно пригрел Урал
Девчонку из Мещёры,
Военный муж с собой позвал —
С судьбой какие споры?

Тоскуя по родным местам,
В Уральский край влюбилась.
И благодарна я годам
За то, что так сложилось,

Что и Владимир мне родной —
Причал — всему начало,
И предначертано судьбой
Плененной быть Уралом.

Гордимся мы тобой, Урал.
Ты в дни войны суровой
Мощь боевую создавал,
Став Родины опорой.

Победу нашу ты ковал,
Работал дни и ночи.
Великий труженик Урал,
Как и Владимир, впрочем.

Красивы мстёрские места,
И здесь всё сердцу мило.
Лесов уральских красота
И гор меня прельстила.

Поля, луга, сады в цветах —
Всё сравнивать готова,
И щебетанье дивных птах,
Как в детстве, слышу снова.

Земля мещерская дала
Мне знания и силы,
А здесь раскрыться я смогла,
Мечты осуществила.

Везде талантливых людей
По жизни я встречаю,
И тайны творческих идей
Я с ними разделяю.

Как не любить мне стороны,
Где мир добра открылся.
Здесь дети мною рождены
И внук на свет явился.

А там колокола звонят,
К раздумьям призывают.
И чувство Родины меня
Любовью наполняет.

На Фатьяновском фестивале

На Фатьяновском фестивале
Я мечтала давно побывать.
То, что много мне раз рассказали,
Лучше раз хотя б увидать.

Передать невозможно словами
Эти чувства в родимом краю —
Земляки, в этот день я с вами!
С вами чувствую, с вами пою.

И стихи свои в Мстере читаю,
Видя теплый душевный настрой,
И о новых я встречах мечтаю,
Не покинув еще край родной.

Грандиозный праздник — так зримо,
Песни льются, как в речке вода.
Впечатление неповторимо
Увезу я с собой навсегда.

Песни так просты и красивы,
Мысль всегда в них свежа и чиста.
А с экрана на нас молчаливо
Смотрит автор, в глазах доброта.

Покорил меня дух уваженья.
Земляка есть за что почитать.
Создает он нам настроенье
И желание в небе летать.

Город наш небольшой — не безликий.
Пусть о Вязниках знает народ.
Алексей Фатьянов великий
В наших мыслях и душах живет.

* * *

А на горке черника растет,
Только дождик туда не пускает.
Целый день он идет и идет,
Наши планы нещадно ломает.

Планов много, им сбыться дано,
Если что-то вдруг не помешает.
Дни бегут, словно кадры в кино,
Смыслом их человек наполняет.

Он мечтает и к цели идет.
Сделав что-то, становится выше
И сильнее — духовно растет,
И сидеть не желает под крышей.

Будет день, будут снова мечты,
И поездки, и новые встречи.
И душою согреешься ты,
Вспомнив добрые, теплые речи.

А про дождик, который идет
Целый день, неспроста я сказала:
Там на горке черника растет —
Я для внука ее собирала.

Запоздалое чувство

Помнишь, ты сказал: «До встречи»?
Только мы не повстречались.
Заготовленные речи
Навсегда со мной остались.

Я ждала, обидно было,
Хоть рассудком понимала —
Зря я душу бередила,
Чувство слишком запоздало.

Нам уж более полвека,
Годы быстро пролетают.
Эти годы человека
Так безжалостно меняют.

И теперь с тобой встречаться
Ни к чему, я понимаю.
Но хочу тебе признаться —
Слыша голос твой, взлетаю.

Незаконченный альбом

Незаконченный альбом,
«Наш ребёнок» называется.
Фотографий много в нём,
Мальчик милый улыбается.

Мама с папой рядом с ним,
Молодые и красивые,
И любуются своим
Малышом они, счастливые.

Жизнь прекрасною была,
Вроде шли дорогой торною.
Незаметно пролегла
Полоса несчастья чёрная.

И другой уже сюжет
Видим мы по фото вложенным —
Мама рядом, папы нет.
Вместе, видно, невозможно им.

Мальчик, он уже подрос
И не очень улыбается.
Взгляд его хранит вопрос:
«Почему так получается?»

г. Трёхгорный

Михаил Авдейчик

Ныне, как во время оно

Берёзы

Где с ветвей спадают росы,
Где я пенье птиц ловлю,
Я люблю мои берёзы,
Как сестёр, я их люблю.

Если худо, вдруг обидят
Острым словом поутру
Ранят, не подам и виду
И доверюсь я добру.

Ждут меня берёзы в роще,
Даже маленький пенёк,
Там дружны, никто не ропщет…
Разгорается денёк.

Там прекрасное соседство
Милых ласковых дерев.
И вернётся моё детство,
Времена преодолев.

Слышу я иные речи —
Рощи чудные слова.
Говорят по-человечьи
И деревья, и трава.

С ними в дымке я белёсой
И до самых облаков
Достают мои берёзы —
Моя верная любовь.

Все они — мои родные,
И могу я без конца
Слушать: бьются их живые
Деревянные сердца.

Как добры они, серьёзны,
Так со мной свиданья ждут…
Никогда меня берёзы
Ни за что не предадут.

* * *

Я веток чувствую объятья,
И мир мой весь необозрим.
Поди, попробуй разобраться,
Что думает карась, налим.

Деревьев полыхают листья
Зелёным солнцем на корню.
И лучше песни, что творится
Дубравой, я не сочиню.

Природа многое мне выдаст,
Распахнуто её окно.
За лесом дерево не видно,
Пусть даже яркое оно.

* * *

Рождаются дети, как зори,
Для нас вся Вселенная — мать.
Туда направляются взоры,
Где солнцем рассеяна тьма.

Одни обращаются к Богу,
Другие живут без него.
И мы получаем уроки
Земного пути своего.

Сопутствует пламени сердца
Бесстрашие, слава и честь.
Все взрослые вышли из детства
И стали такими, как есть.

* * *

Двадцать первого века хороший
Не заметить ход жизни нельзя,
Перевит августовским колосьем,
Новизну с Водолеем неся.

День грядущий увидеть непросто
Как услышать прошедшего глас.
Люди — самые высшие звёзды.
Дотянуться бы, звёзды, до вас!

* * *

Давайте дальше будем без лукавств,
Когда любовь сильнее всех лекарств!
Вертись быстрей, Фортуны колесо,
Перемели все беды в порошок,

Чтоб небыли переходили в были,
И годы наши солнечными были,
А там, глядишь, и до звезды рукой,
Когда ты землю чувствуешь ногой.

Зубы мудрости

Приводит к мудрости мой зуб,
Глаз положу я на работу,
И мысль выходит на орбиту,
На крыльях слов слетая с губ.

Дни до предела коротки,
Как барышень прелестных юбки.
Никак дойти не могут руки
До дел, которые близки.

На лад направлены дела,
И в них становишься ты зубром,
Поскольку мудрости есть зубы,
И жизнь на счастье шанс… дала.

* * *

Побежали буквы по тетради,
И себя на мысли я ловлю:
Мне не надо нежности, не надо,
Я за ум тебя, за ум люблю.

Не страдай, я к ласке не привыкла,
Мне за лаской кажется обман.
И любовь, казалось, злая выдумка,
Простенький неписанный роман.

Мой друг

Мы в сад потихонечку вышли,
Дымилась луна над избой.
Средь яблонь цветущих и вишен
Мы — яблони, милый, с тобой.

Сказал ты: «Любимая Настя,
Сжигаешь меня ты огнём».
И я замираю от счастья,
И в мире мы только вдвоём.

В глазах отражаются звёзды,
И песня из сердца, звеня,
Летит в опьяняющий воздух:
«Мой друг, не оставь ты меня!»

* * *

Убегаю в рощу, в чащу,
В лес дремучий — быт заел.
Спрячусь я за настоящую
И ближайшую за ель.

Осыпает белка шорох
Расточительно, поверь.
Поднимает ветер штору
Сосен. Здравствуй, птица, зверь!

Здесь по принятым канонам
Четко свой поставлен быт.
Ныне, как во время оно,
Всех природа здесь хранит.

* * *

Лучик солнца что-то шарит,
Нежно трогая листву.
И росы хрустальный шарик
Звонко катится в траву.

Сосны выкрасились небом —
Блещет веток синева.
У коровки божьей — жребий,
И на жизнь свои права.

У букашек перепалка,
Муравьи, как на парад…
Слышен голос перепелки:
— Хватит спать! Вставать пора!

г. Бакал

Валентина Арапова

Капсула

— А помнишь, когда вы были в десятом, вы заложили под плиту в парке Победы капсулу с посланием?

— Я про нее уже и забыл. Да. Это же было наше послание от выпускников 1975-го выпускникам 2000-го, интересно, они прочли его?

— Нет, плиту, в том же 1975 кто-то сломал, а капсула исчезла. Милицию подключали к поискам …

— Нашли?!

— Да разве ее найдешь.

— А сейчас, что там?

— Ничего. Потом со временем закрыли нишу новой бетонной плитой.

Лицо брата вдруг стало серьезным. Был пасмурный день, он повернул голову к окну, долго и задумчиво смотрел, может быть, он вспомнил далекий 1975 год…

Это было 9 мая. Все праздники, посвященные этой дате, всегда были наполнены особым чувством. На парад приходили почти все односельчане. Колонна учащихся школы была всегда самой многочисленной и самой нарядной. Впереди колонны по традиции гордо вы-

шагивали ветераны-воины Великой Отечественной. Они шли бодро, молодцевато выпрямляли спины, правда, возраст всегда выдавал их, нередко нарушая ровную поступь воинов, вдруг неожиданно возникающей у них болью в пояснице или в ногах. При входе в Парк Победы начинала играть траурная музыка, и у памятника погибшим воинам начинался митинг. Выпускники в тот день даже выглядели как-то по особенному, ведь не кому-то, а именно им в голову пришла идея заложить капсулу с посланием выпускникам будущего 2000-го. Что было в том послании, никто не знал, в тот день его не зачитывали вслух, ведь послание адресовано будущим выпускникам, они его и прочтут. Нам же, стоявшим в колонне, оставалось только догадываться, что в этом послании. Плотный лист с обращением к выпускникам 2000-го был помещен в железную цилиндрическую капсулу длиной примерно 30 см.

Я помню лица ребят, которые бережно положили капсулу в нишу, а потом все молча смотрели, как рабочие зацементировали и закрыли нишу сверху бетонной плитой. О чем думали мы все в те минуты? Может быть, представили это будущее…

2000 год! Как это еще далеко! Это же другая эпоха! Другие люди. Другие выпускники. Представить только, они, как и мы, сейчас, в солнечный праздничный день 9 мая торжественно откроют нишу и достанут лист с обращением, громко перед всей праздничной колонной прочтут его, и… соединится незримо нить, связывающая поколения 1970-х и выпускников 2000-го, а нить эта — наша память, память о Великой Отечественной войне!

А кто-то взял и попытался разорвать эту нить… Темной ночью, ну не днем же, чем-то тяжелым кто-то разбил плиту, и капсулы не стало…

Об этом варварском поступке в селе узнали на следующий день. Я была тогда в 8-м классе. У меня тогда было такое чувство, что моего деда Федора, погибшего в 1943, убили второй раз. Все односельчане верили, что капсулу обязательно найдут, людей даже не интересовало, кто это сделал, думали не об этой нелюди, все ждали возвращения капсулы. Но ее так и не нашли…

Со временем об этом случае все забыли, а может быть, и не забывали, просто не хотели вспоминать, зачем вспоминать о плохом.

1960-е годы… Помню день, когда открывали памятник. погибшим воинам. Полагаю, это было в двадцатых числах июня, мне было тогда около 5—6 лет, скорее всего, это был 1965 год. Открытие памятника, очевидно, приурочили к 22 июня. Бабушка Варвара, к которой я как обычно забегала по утрам, сказала, что сегодня мы вместе куда-то пойдем и, взяв меня за руку, повела. Был очень жаркий день. Когда мы пришли, то сразу оказались в толпе, поскольку я была маленькая, я видела только женщин, одетых в основном во все черное. Почему-то на митинге были одни женщины-вдовы, очевидно, это был обычный рабочий день, а потому и людей было мало, одни вдовы. И еще, что я могла видеть, подняв голову вверх, что-то большое, высокое, накрытое белым материалом. Бабушка объяснила, что это памятник моему дедушке и всем погибшим в годы войны. Помню, как медленно сползала материя и на верхушке памятника я увидела красную звезду. Я вертела головой, смотрела снизу вверх на женщин стоявших рядом и удивлялась, почему они почти не плачут. Иногда только можно было заметить, как быстро незаметно женщины смахивают вдруг неожиданно скатившуюся на лицо слезу. Моя бабушка крепко держала меня за руку, и тоже временами своими сухими морщинистыми пальцами незаметно быстро утирала лицо. А потом долгие годы я все время думала о том, ну почему, почему в тот день не слышно было громкого плача, а слышны были только очень редкие всхлипывания, ведь это было единственное для многих место поклонения погибшим в годы войны мужьям. Мой дед погиб на Украине и вряд ли моя бабушка могла бы попасть на его могилу. Но уже став взрослой, я, наверно, могу ответить на свой вопрос. Не плакали, потому что продолжали ждать, невзирая на похоронки. Ведь в нашем же селе произошел знаменательный случай: кому-то дважды в дом приходила похоронка — известие о смерти на одного и того же человека, а «погибший» солдат после войны вернулся, правда, весь израненный, но ведь вернулся. Конечно, все вдовы нашего села об этом случае помнили. А потому и не плакали, продолжали ждать. Очевидно, зарок себе дали, заплачут громко, значит, предадут своего мужа, похоронят… и надеяться больше нечего. И ляжет на сердце горе горькое, как только его выдержать, вынести… А не плачешь — значит, ждешь, веришь, что вернется, так вроде бы и на сердце легче становится. Так до конца своей жизни и продолжали ждать, несмотря на похоронки. Ждали и вспоминали свои истории о войне, в которой главным героем был солдат, не вернувшийся с фронта. У каждого своя: у кого побольше, у кого поменьше. В нашей семье она очень маленькая. Маленькая, но наша, и очень трагическая.

Нет у нас ни писем, а может быть, они и не приходили. Ничего нет, даже похоронка затерялась давным-давно. Остались лишь строки из Книги Памяти: «Воевал в артиллерийских войсках, в составе 1-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта освобождал города Коростышев, Радомышль. Погиб в ноябре 1943 года при освобождении города Житомира. Похоронен в братской могиле в с. Негребовка Радомышльского района на Украине».

Дед Федор ушел в первый же день на фронт уже, будучи взрослым, ведь ему было тогда 35 лет, провожали его трое сыновей и жена. До войны он прошел службу в Советской Армии, без сомнения, сразу мог без подготовки попасть на фронт. Мог, но не попал. А оказался в трудармии и вплоть до 1943 года валил лес под Чебаркулем. Почему? Ведь дед даже в каком-то воинском чине был, ему самое место на фронте? Очевидно, попал дед Федор под страшный молох репрессий, но слишком уж много было репрессированных в Нагайбакскм районе с фамилией Арапов. Потому и оказался для кого-то неблагонадежным дед Федор. Дед до войны не был репрессирован, но мой отец часто вспоминал о том, как за его отцом часто приходили из милиции. Как он рассказывал:«Идут они вдвоем вдоль улицы, отец Федор и милиционер, отец и говорит милиционеру: «Не иди сзади меня, иди рядом, я же ничего не сделал, а то ведешь меня, как преступника». Я спрашивала своего отца, а за что деда в милицию… Отец не знал, говорил, наверное, для каких-нибудь расспросов, ведь он в тот же день возвращался домой. В те предвоенные годы и было много репрессированных, в том числе и Араповых. Сомнений нет, это были не однофамильцы, а родственники. Все Араповы в Нагайбакском районе вышли из одного рода-племени. Дед Федор оказался родственником «врагов народа». Кто сейчас не знает о трудармиях: голод, холод, где люди умирали, сходили с ума от невыносимых нечеловеческие условий работы и жизни, а некоторые, изможденные голодом и невыносимым трудом пытались бежать… Дед постоянно писал лагерному начальству, просил отправить его на фронт, неудивительно, что и писем от него не было, о чем он писал бы своим сыновьям из трудлагеря. В 1943 году его отправляют на фронт. Репрессирован… и погибает гвардейцем в том же 1943-м. Вот и вся наша маленькая история, тяжелая, но своя и навсегда…

Может быть эту нить — мою память хотели прервать той темной ночью, когда разбивали плиту в Парке Победы. А может быть, чью-то еще. Варвары сами того не ведая, обрекли капсулу на вечное хранение и послание это адресовано уже не только выпускникам 2000-го, а всем последующим поколениям. Я своими рассказами буду открывать ее каждый год 9 мая и не только…

Каждая книга о войне, повесть, рассказ, пусть даже самое маленькое воспоминание —это и есть то самое послание, обращение к потомкам. Чтобы помнили!

А капсула… Она не пропала, она существует в наших сердцах, в наших душах, пока жива наша память о войне.

с. Фершампенуаз

Валерий Дивянин

Жизнь короткая длится и длится

Россыпи

* * *

О юноше знай,
Проявляя доверье:
За сладкой улыбкой
Стоит лицемерье.

* * *

Когда я слышу детский плач,
Я глаз отзывчивых не прячу,
На помощь я спешу, как врач,
И сам, на слезы глядя, плачу.

* * *

Твой враг надел личину друга —
Будь осторожен, твердо знай:
Откроешь душу — будет туго,
Ты ложь от правды отличай.

* * *

Будь добрым и щедрым:
Иные дары
В тебе расцветают,
Увы, до поры.

* * *

Чтоб зависть возбудить —
Уже большая честь
Тому, в ком знание,
Талант и чувства есть.

* * *

Пишу не для денег —
Для сердца пишу,
И этим я жив,
И этим дышу.

* * *

Богатство знаний,
Не кончается оно,
Из рук одних —
К другим устремлено.

* * *

И я давно, рыдая, корчась, проходил
Сквозь взгляды ненависти, как сквозь строй
Всех тех, кому таинственно не мил
Мой край, и я, и мой язык родной.

* * *

Чем бездарней, тем громче кричит
И старается выпятить голос
Тот, кто может поднять и в ночи,
И в лжеклятве ненужной — рвать волос.

* * *

У нас умеют угощать по-русски:
Чай и вино, варенье и закуски —
Все что душе угодно: пой и пей,
Но только в доме нашем — не хамей!

* * *

Смотрите, вот портрет скупца:
Он угощает, дергая плечами,
И, плача, жалуется без конца,
Заговорит — замучает речами.

* * *

Над Днепром зеленеют каштаны,
Зеленеют они над Увелькой,
У поэта пустые карманы,
Но зато он — хозяин Вселенной.

* * *

Стихам, подмосткам и полотнам
Претит благополучный быт,
Поэт не должен быть голодным
И не обязан сытым быть.

* * *

Хорошо гореть за дело,
А впустую что гореть?
Чтобы жизнь не прогорела,
Нужно сердце не жалеть.

* * *

В искусстве себя
Обнаружит бездарный,
Кричит о себе,
Как кликуша базарный.

* * *

Я бубенцом летящим дрогну,
Но где вокруг твои снега? —
Посеребри мою дорогу,
Меня крестившая пурга.

Я не хочу идти по грязи
В глубоком зимнем декабре…
Зима, зима, не видишь разве? —
Краснеть приходится заре.

* * *

Отзвенела дорога вдоль луга,
Только ехать никто не спешит,
И от холода, как от испуга,
Зайчик солнечный в луже дрожит.

Лик озерный спокоен и светел,
Но, таясь до поры в камыше,
Тихо шепчет невидимый ветер
Все, что есть у меня на душе.

* * *

Зимнее утро, душа в ожиданье,
Ей лишь до снега, а не до тепла.
Великолепные светлые зданья,
Матушка-зимушка возвела.

Каждая елка стоит, словно терем,
Словно избушка у речки ветла…
Даже репейник заморским растением
Видится мне на задворках села.

* * *

Как робко трава полегла
Под первые снежные вздохи…
Торчат на задворках села
Замерзшие чертополохи.

Они с удивительным тактом,
Лишь там, где отбросы и хлам,
С единственным к жизни талантом
Упорно растут только там.

Цветов этих злую породу
Люблю за характер крутой,
Когда украшают природу
Своею некрасотой.

* * *

Стужа обуглила ветки,
Снега все нет и нет,
Стыло усталые ветры
Еле приносят рассвет.

Слезла с лесов позолота,
Холодом воды свело…
Осень легла, словно фото,
Под ледяное стекло.

* * *

Когда завоют, как шакалы,
Чужие критики, тогда
Не побегу, чтоб лечь на шпалы,
Где пролетают поезда.

Нет, я не брошусь под колеса,
Под стылый гром не упаду, —
Я встану в рост, я вытру слезы,
И вдаль уверенно пойду.

* * *

Ну конечно же — жизнь повторится,
Насовсем не покинет меня.
За окном южноуральской больницы
Как медсестры, стоят тополя.

Белый пух — тополиное семя —
Кружит в воздухе, как в забытьи.
Я-то знаю, что есть еще время,
Чтобы вспомнить все годы свои.

Жизнь короткая длится и длится,
Время милое, не торопись,
Дай всмотреться в любимые лица,
Для которых не кончилась жизнь.

Доброта

Хоть порою в сужденьях нелеп я,
Мчу сквозь жизнь, закусив удила,
Я из глины богами не леплен —
Меня мамка на свет родила.

Оттого-то в грохочущем голосе
Прорывается бабская грусть,
И любые, людские горести
Врачевать своим сердцем берусь.

Не приемлю холодность вежливую,
Верю крепким пожатиям рук!
Лгут про то, что услугой медвежею
Доброта обернется вдруг.

Я не складен — подумаешь важность!
Мне достаточно складной судьбы,
А фигуры моей угловатость —
От углов деревенской избы.

* * *

Извини, что живем не жалея
Наших лет порассыпанных нить,
Мы, конечно, поймем, что важнее,
Когда время придет уходить…

За грехи наши пусть нам простится,
Пусть нас любят сейчас и потом,
Ту любовь, что на сердце гнездится,
Мы внимали с твоим молоком.

Мы любили ни много, ни мало,
Но любовь, что в душе навсегда,
Называем мы ласково «Мама»
И несем через годы в года…

Зимовье весной

И наконец весна явилась снова,
От радости — круженье в голове,
И солнце, словно рыжая корова,
Плывет, купаясь в голубой траве.

Здесь некогда в листве пищали мыши,
Ржавел под старой елкой старый груздь,
И в ясном взгляде осени притихшей
Светилась тихо солнечная грусть.

А нынче щебет птиц и зимовье
Плывет в зеленом лиственничном дыме…
О солнышко! Да светится твое,
Одно твое над целым миром имя!

* * *

Жалеем — стала речка черной,
Жалеем — чахнет вечный лес,
Темнеет свод, такой просторный,
Когда-то голубых небес.

И трудно возместить утраты,
Если солнце начало ржаветь,
А в этом люди виноваты,
А их-то некому жалеть…

* * *

Поэзию ромашкового луга
В валки переложили косари,
Уехали. Промокшая округа
Вечерней дожидается зари.

Как пахнет и мучительно, и сладко
Привядшими цветами и травой!
Как плачет на покосе куропатка,
Свой выводок увидя неживой!

* * *

Стук дождя по жести водослива —
Точно чьи-то легкие персты
К нам, живущим трудно и счастливо,
Протянулись вдруг из темноты.

Это нам напомнила природа,
Наша ненавязчивая мать,
Что всегда стоит она у входа,
И нельзя об этом забывать.

* * *

Нежно-зеленое поле,
Синенький полог небес,
Кони пасутся на воле,
Машет верхушками лес.

Скирды от марева пляшут,
Перепел кличет: «Пора!»
Милую родину нашу
Я полюбил не вчера.

Я полюбил не сегодня
Эту вселенную тишь,
Этот рисунок свободный
Неба, увалов и крыш.

Вечернее

Заречье. Сумерки. Поляна.
Берез плакучих купола.
И вся ты словно из тумана,
Как будто с облака сошла.

Сошла к созвучию лесному,
К закатным бликам родника,
И мне обычному, земному,
Ты недоступно далека.

И будто там, за синим гротом,
Самоуверен, полон сил,
Через речушку нашу бродом,
Не я тебя переносил.

Слова осенние

Лес сутулый, точно старец, —
Давят плечи облака,
Ряску сводит с глади старец,
Словно пенку с молока.

Как захлопнутые ставни —
Слепо смотрят небеса,
Даже солнце вроде стало,
Что линялая лиса.

Передернет зябко плечи
К ночи чуткая заря,
И последней песней встречи
Кружит листья октября.

* * *

Еще зима и не настала,
Мороз до слез не ознобил,
Но все ж синица прилетала,
Чтоб я ее не позабыл.

Чего тебе бояться, птица?
Покуда жив — и ты жива,
Вдвоем нам хватит прокормиться
Тем, что дадут мне за слова.

Когда ж ветра метель замесят?
По ней одной душа грустит…
На смутном небе полумесяц,
Полуулыбчиво блестит.

* * *

Еще по мне не время править тризну,
Еще рассвет не занялся в окне,
Лист белоснежный в наготе капризной,
Как первая любовь, пришел ко мне.

Я отдаю бумаге все земное —
Добро и зло, надежду и печаль —
Безжалостно грызет перо стальное
Ее просторов снеговую даль.

Все меньше места для моих желаний,
Все ближе край, как пропасть, как обвал…
О, лист бумаги, лист воспоминаний,
Ты — мой судья, мой вечный трибунал!

Еще живу, еще так сложно в мире,
Но приговор маячит впереди,
Моя судьба проходит, словно в тире,
С мишенью, прикрепленной на груди.

Судьба

Я много судьбе не обещал,
Возможно, скромность придержала где-то…
Я творчество свое трудом ковал —
Встречал поэзию закатом и рассветом.

Бывает трудно нам порой дойти
До истин: как будто ясно все,
И видишь тьму, и падают года,
Как листья, как походный марш
Из медных труб — в толпу.

Море

Когда разбиваются волны,
Соленые брызги летят…
Сбиваются в стаи привольно,
Здесь ветры не знают преград.

Студеный характер у моря…
И видится мне, как вдали,
С ветрами и волнами споря,
Сквозь бури идут корабли.

Где якорь свой бросили зори,
Стоишь ты на трудном посту,
И чайки в далеком дозоре
Твою обгоняют мечту.

А где-то там, дома, невесты
За дымкой безоблачных дней
Все ждут — не дождутся известий
От морем пропахших парней.

Грубей и обветренней лица,
Но крепче характер и дух,
И легче со штормами биться,
Когда Вас любимые ждут!

* * *

Вновь заблещет с небосвода
Звезда над темною водой,
И, глухо всхлипнув, дрогнут воды
Засасывающей темнотой.
И ждет Аленушка, поникнув,
Где тускло, светит глубина.
Чертенок тощий, тихо пискнув,
Звезду ей достает со дна.
И смотрит кто-то с небосвода
На козни тайных слуг своих,
И тихо-тихо спит природа,
И даже стих в губах затих.

Зимнее

Эй, зима, зима, зима! —
Буйная головушка,
Шаловлива и вольна
Добрая молодушка.
Круглолица и бела,
В теплой дошке заячьей,
Прилетела ты вчера,
Серебром играючи.
За околицей села,
У березки крохотной
Осадила скакуна,
Обожгла нас холодом.
Только снег из-под копыт
Брызнул белой пеною…
Я люблю твой юный вид
С каруселью белою.

г. Южноуральск

Любовь Дубкова

Привет из детства

* * *

Банкует зимний беспредел
Квадриллионами снежинок!
И только мой сынок посмел
Сверкнуть каратами смешинок.

Летят отважные снежки,
Промокли новые ботинки,
Шагов забавные стежки
Под снежной прячутся простынкой.

Небесных мельниц жернова
Работают без передышки.
Зима по-своему права,
И где с ней справиться мальчишке!?

Навоевавшийся с зимой,
Он в санки плюхнется устало,
Вздохнёт: — Ну, всё, идём домой.
Добавив: — Что-то снега мало!

* * *

Свяжу штанишки,
Свяжу носочки,
К зиме — сынишке,
И Кате — дочке.

Катюша скажет:
— Замерзли ручки.
Ты, мама, свяжешь,
На ручки — штучки?

Свяжу перчатки,
В полоску цветом,
Своим зайчаткам,
И шарф от ветра.

В траве застыла
От снега проседь.
— Она простынет? —
Катюша спросит.

—Мне травку жалко! —
Твердит упрямо.
—Ты одеялко
Свяжи ей, мама!

Первая свеча

На торте первая свеча
От ветра майского моргает.
Мой внук, довольно лопоча,
Её отважно задувает.

Конечно? мама помогла!
Без мамы он ещё малышка,
Как будто лодка без весла,
Как будто без опоры вышка.

Он многого достиг за год:
Промолвил первое словечко,
На ножки встал, вот-вот пойдёт,
Похож на мини-человечка.

Он выключает монитор,
Включает свет и телевизор,
Все петли оборвал у штор,
Рисует на окне эскизы.

Отвёртку папе подаёт
И ремонтирует кроватку,
Квадрат и круг распознаёт,
Листает мамину тетрадку.

Он всё общительней, смелей,
В нём вся родня души не чает!
В свой самый первый юбилей
Гостей с улыбкою встречает!

Бабушка пришла в гости

Бабушка соскучилась:
по маленькому носику,
по щёчкам, по волосикам,
по пяткам и по пальчикам
у сладенького мальчика!
По спинке и животику
у Лёвы-бегемотика!

А Лёвушка:
побрякает серёжками,
да попинает ножками,
сорвёт очки у бабушки,
потом покажет ладушки!

Мы оба с ним потрогались,
ну, вот и поздоровались!

Компромисс

Нарисован на подушке
Неизвестный мне зверёк.
На местах глаза и ушки,
В них по парочке серёг.

Скалит зубки, когти точит,
Прямо чёртик во плоти!
И ехидно так хохочет,
Жутко близко подойти!

На портрет его атласный
Положу я внука спать?
Чтобы этот монстр ужасный
Стал во сне его пугать?

Быстро детскую страшилку
Поверну ухмылкой вниз.
Для любимого затылка
Это лучший компромисс!

Террорист

На прогулку вышел Вова,
Вывел маму погулять.
Распугал собак дворовых,
Ущипнуть сумел шмеля!

Отобрал у Люси куклу,
Ну зачем она ему?
Мимоходом Саньку стукнул,
Сам не зная? почему.

Мама с кем-то эсэмэсит,
Очень сильно занята!
Кулаками Вова месит,
А иначе — скукота!

Тренирует звонкий голос,
Скачет словно Чингачгук!
От такого произвола
У малышек перепуг!

Террорист трёхлетний скоро
Всю площадку разнесёт!
Без единого укора
Мама семечки грызёт.

Не рискнёт никто вмешаться
В воспитательный процесс!
Маме некогда общаться,
Снова пишет СМС…

Я дома!

На горизонте небо сизо,
Простёрла молния свой перст,
С небес получено авизо,
Что мир расколот и разверст!

Спешу навстречу и ликую,
Я не сверну, ведь здесь мой дом!
Напрасно, глупая, психует
Гроза в порыве чумовом!

Встречает мама у порога,
По крыше — вишен звездопад,
А я, как в детстве, резвонога,
И кажется хрустальным град.

Забыв про сотню килограммов,
Рванула к лазу на чердак!
Услышав тихий возглас мамы:
— Ой, дело, кажется, табак!

Привет из детства — эта фраза,
И дождь такой же заводной!
— А ну, иди домой, зараза!
А то утащит водяной!

Ну, всё, я дома! Это точно!
Я не была здесь двадцать лет!
Бежит по трубам водосточным
Воспоминаний мокрый след…

г. Челябинск

Вячеслав Тюнькин

Меченый

1. Мазар

Всё…
Сдал куратору дипломную.
Не грешно сходить в кино.
Гляди-ка ты, в рифму…

Автобус, издевательски чихнув, ускользнул из-под носа. А за стеклом привиделось знакомое лицо. Откуда? Год как помер! Но эти кустистые брови… Взгляд, от которого кружится голова… Изъеденное морщинами прокопченное лицо… Чёрная курчавая борода с седыми скобками по бокам, так похожими на клыки… Такая же курчавая, но абсолютно седая, шевелюра… Корнев. Кузнец.

Хоронили кузнеца прошлой весной. Едва успел попрощаться.

— Плохо помирал… Три дни маялси… — Мама сухонькими поношенными руками теребила платок. — Тебя всё звал… металси… хрипел… Ни в какую его Бог не принимал.. Пока молния конёк не разметала… так в потолке-то — трещина в палец сделалась… Да… Тебя всё звал…

— Так что ж не позвонила, мам?

— Побояласи… А ну как силу-то тёмную тебе отдаст?

— Да какую силу? Сказки всё это.

— Знают чудотворцы, что вы — не богомольцы… Вам — безбожникам — всё сказки… Попомни, как он ***правил*** тебя? Знамо дело — колдун.

Правил…

Было это лет семи-восьми от роду. Любила деревенская ребятня в ночное снаряжаться. Пастухи-то — мужики всё молодые. Жёны дома скучают… Понятно? А сорванцам верхом поскакать — одно удовольствие! Сплошь — Чапаи да Виннету. А Колян — загорелый, как

чёрт — под цыганского барона косил. Верховодил. Старым татарским кладбищем стращал: «Заколдованное оно… Кто его увидит — за тем бабай и придёт… И утащит!»

Сидишь, значит, в седле. Отпускаешь жерёбую подальше от табуна… И — пошёл — галопом по степи! — только ветер в ушах. Давай, мол, назад, блудня! Знай своё место!

Внезапно Серко встал, как вкопанный. Фыркнул… Попятился… Впереди — до куда глаз глядит — посреди ковыля неровными рядами покоились белые-белые округлые — с человеческий череп — камни… В свете полной луны , казалось, светятся изнутри… Поодаль, как ни в чём ни бывало, пощипывает траву жерёбая… Тронул уздечку… Серко, опасливо прядя ушами, оттеснил кобылу в направлении табуна….

— Ты чё, Яр? — Колян подкинул сухих веток в костёр.

— Я м… мазар… — к… кладбище в… видел…

— Хорошь заливать-то!

— П… правда…

— Поехали. Покажешь.

— Н… не… Разве д… днём…

Объездили поутрянке всю округу — ни камней, ни кладбища. Беззлобно подначивали пацаны. Матюкались пастухи: «Что вы с Серком сотворили — в мыле весь!»

А на следующий день ноги стали сводить судороги…

Фельдшерица посмотрела горло, измерила температуру, потыкала трубкой грудь, помяла живот — ничего не нашла.

Мать повела к Корневу.

Ему рассказал всё. Матери не рассказал, а ему — всё.

— Так это ты, паря, старый мазар видел… Меченый ты…

— Значит, помру скоро?

— А пошто помирать-то?. Живи… Мазар не всякому показывается… Я говорю, меченый ты…

— А это как?

— Вот помирать стану — придёшь. Тогда всё и узнаешь. А не придёшь — я к тебе приходить буду. Ступай…

— А болезнь?

— Какая?. Нету её. Ступай… Мамке поклон…

Автобус ещё раз чихнул и скрылся за поворотом, увозя с собой воспоминания далёкого детства и вчерашней юности…

2. Приворот

— Ну, не чудак ли ты, Тим. Так и будешь на побегушках… Рубрика своя корячится! А ты?

— Стрёмно как-то. На провокацию смахивает.

— Какая же это провокация: людям глаза открыть. Тебе что, и гонорар лишний?

Да всё-то я понимаю: клюёт обыватель на скандал да на «жареное». Не катят сегодня стахановцы. Ясновидцы — это да… И наплодилось их… С дипломами сомнительных наук. Вот бабушка моя, царство ей небесное, травницей была. Кузнец наш деревенский — Корнев — заговорами лечил. Так единицы таких-то. А плевел… Среди них и зерна не сыщешь. И что из этого? Шарлатаны? — Да. Но люди-то к ним идут? — Идут. И какое моё дело? Значит востребованы. По большому счёту, легко обмануть того, кто «сам обманываться рад».

— Ну, так что ж мне редактору отвечать?

— Лады. Лады — приказы не обсуждаются.

Вечер потратили на работу с компом.

Овал лица…

Разрез глаз…

Вздёрнутый носик…

И — губы…

Главное — губы! —

Без всякой помады.

Перламутровые.

Нецелованные…

Мечта прыщавого студиозуса!

Строгая вывеска. Неумело стилизованным под готику шрифтом:

**ПОТОМСТВЕННАЯ РУССКАЯ КОЛДУНЬЯ СВЕТОЗАРА.
Сеансы белой магии. Гадание на судьбу.
Приворот.
Лечение немощи и бесплодия.
Наведение порчи не практикую**

Отворила этакая «серая мышка» с опущенными долу глазами. Указала дверь — в святилище?.. вертеп?.. логово?..

Густой аромат явно восточных (?!) курений. На чёрной драпировке стен — не сочетаемое смешение символов зодиака, рунических знаков, шаманской атрибутики… Так и знал: прямой расчет на заряженного ожиданием таинства неискушённого обывателя.

Светозара.

Усеянный серебристыми звёздами густо-фиолетовый балахон. Кило-двести косметики. Причёска *a la Isida*… Умой её, расчеши — и ничего примечательного. Разве что глаза: один — небесно-голубой, другой — рыжий в крапинку. Как у рыси.

— Слушаю Вас, молодой человек…

— Да… это… — старательно разыгрываю смущение. — Девушка… Ну, Вы понимаете… люблю я её… а она…

— Фотографию принёс?

— Вот… — извлекаю из нагрудного кармана (прямо от сердца!) продукт коллективного творчества.

Моя колдунья долго и пристально разглядывает снимок. Что-то неслышно шепчут карминовые губы. Лицо непроницаемо. Только вот глаза: то ли улыбнулись, то ли на мгновение цвет поменяли — голубой тоже сделался рысьим.

— Зря ты, мил человек, не веришь мне, — почти кошачьим мурлыканьем. — Помогу я тебе. Иди…

— А зелье?

— Какое?

— Приворотное…

— А зачем? *Я ПОМОГУ…*

У набережной жадные лебеди налету ловят подачки. «Вот и верь бабам…». Датское пиво «TUBORG», произведенное в русской пивоварне полощет горло. «Вообще никому верить нельзя!». Смятая пустая банка летит мимо урны. Поднял, швырнул снова — вот так-то!

Статья получилась хлёсткая, как пощёчина. Редактор отдела пожал руку. И послал… в байк-улуб.

Странные люди. Я ещё понимаю молодёжь: безбашенный азарт, клёпаные кожанки, брелочки-цепочки… А когда мужику за шестьдесят? Это что — задержка развития?.. или раннее впадение в детство? В общем, «раскрыть секрет и донести до читателя».

Колготятся бородатые и безусые, разнокалиберные ростом и весом потребители адреналина, замешанного на ароматах бензина и разогретого асфальта. Хищно скалятся хромом «Кавасаки», «Сузуки», «Харлеи», которые через чёрточку с «Девидсонами». Утробно ворчат на форсаже моторы. Тонкая гибкая фигурка знаком вопроса нависает над сидушкой мотоцикла.

— Девушка, а где мне тут главного найти?

— Главного? Самого-самого? — Обернулась. Душа рухнула в бездну. — Ой, что с Вами? Вам плохо? А я Вас, кажется, где-то видела… — На меня смотрела девчонка с *МОЕЙ* фотографии! Тот же разрез глаз, тот же вздёрнутый носик… Перламутровые… нецелованные…

— Ты кто?

— Светка. А ты?

— Тим.

— Вот и познакомились… А ты откуда?

— Из редакции. А ты?

— Сама не знаю. Подкидыш. Вчера очнулась на трассе: кто я?.. что я?.. откуда? — не помню. Байк — рядом. Вот и приблудилась. Здесь прописки не требуют…

Так и стояли
Долго.
Говорили ни о чём.
Неподвижные.
Только глаза в глазах утопали…
Где уж там до «самого-самого» и редакционного задания…
Договорились «встретиться завтра».

А статью забрал. Вместе с матюками замреда и угрозой увольнения…

3. Морок

Тьма…
И посреди этой тьмы — я.
Зачем?
Незнамо…
Но что-то в этой тьме притаилось…
Непонятное…
Незнаемое…
Явь посередь нави…
Или — наоборот…
Каждый шаг отдаётся гулким — а как же иначе! — эхом…
Осязаемый морок обволакивает чело…
Факел давно потух. За густой, как патока, тьмой мнится бездонная пропасть. Только мнится. Потому что мой урок обозначен Перуном: пройти через речку Смородину по мосту Калинову[*] и вспять вернуться.
Смогу — верну Снежану.
Нет — головы не сносить…
Тёмен мост. Смородина — ещё темнее…
Щит на плече, колчан за спиной, шишак булатный — от лютого ворога, а от Шишиги[*] да Кикиморы[**] — немного толку будет…

*

Ярый проснулся.
Что за хрень?
Как словно и не спал вовсе. Муть какая-то в голове. Что-то про Кикимору. Что — не помню…
Двойной кофе. Вредно? Работа — важнее. Что там насчёт «волчьих ног» говорят? Помните? Нет? Напомню: ноги журналюгу кормят. Ноги.
А деревня эта — Бедово — не в Тму-Тораканы (это в Приазовье) и не у чёрта на Кулишках (это — в Москве), а в самой, что ни на есть, дремучей тайге затерялась.
Ногами не дотопать.
Командировочные — гроши.
И люди там пропадают неведомо почему.
Полуживого от страха Ярого взмыленная лошадка донесла-таки до околицы Бедова.

И если не накопаю сенсацию — из редакции, как пить дать, с тресков вылечу, как пробка из бутылки.
Перелёт с дремотой. Гостиница с застиранным, но чистым бельём…

*

И мост, и речку Смородину — нутром чуешь. Ноги сами несут. Впереди — вотчина Велесова… Медвежий угол… Власу поклониться — не зазорно, пускай только Снежану вернёт. Невовремя забрал. Неправда его. Семь жизней положу: пусть возьмёт четыре, но вернёт ладушку…

[*] В славянской мифологии умершие уходят в иной мир по Калинову мосту через речку Смородину.
[**] Шишига, Кикимора — персонажи славянской мифологии.

Вот и берег правый…

*

Щека прилипла к подушке.

Отголоски сна вызываю смутную тревогу.

Почему-то вспомнилась Светка.

Это был бурный не много обещающий роман. Чемпионка по мотокроссу. Тонкая. Жилистая. Нескладная. Ершистая. Неуправляемая, как и её байк…

Нелепая, как и бывает, случайность.

«Травма, несовместимая с жизнью».

Вроде просто друзьями к тому времени оставались. А вот не отпускает, и всё тут…

*

До деревни Бедово — двадцать вёрст.

Попутного транспорта нет. Все попытки нанять частника провалились: «Бедово? Ни за какие деньги!» — и смотрят так, что разве только у виска пальцем не крутят.

Нашёлся зачуханый сморчок-старичок. Пегая кобылка. Скрипучие розвальни. Драный овчинный тулуп.

Полная, как деревенская баба, луна…

Нечёткие в ранних сумерках очертания сугробов…

Хруст наледи под полозом…

Тревожное ощущение нереальности происходящего…

На полпути пегая судорожно захрапела.

Сморчок-старичок слинял, словно растворился.

Ярый ухватил вожжи, взмахнул, да лошадка и без того понесла, как могла. Позади — частое прерывистое дыхание, сверкающие зеленью глаза…

Когда, казалось бы, волк уже готов был обрушиться и подмять седока, вдруг — заскулил по-собачьи и нырнул в рыхлый снег.

Старый мельник напоил нежданного гостя каким-то отваром. Навалился глубокий сон.

*

Берег топкий. Няша…

Шишига с причмоком хватает за ноги, обутые в кожаные опорки. Откупился крапивным семенем, собранным на Купальную ночь у Роси-реки, да отмолился словом Стрибожьим.

А Кикимору — лаской взял. Пощекотал, где надобно. Подобрела…

Впору и Велесу поклониться да за Снежану спросить…

Авось…

*

Река лениво крутила тяжёлые жернова…

Неторопко истаивал утренний туман…

Мельник — то ли седой, то ли выцветший от старости, то ли мукой выбеленный — слеповато щурился на Ярого:

— Откель, мил человек, будешь?

— Из Москвы.

— Из Москвы… однако… а к нам пошто?

— Так у вас, говорят, люди пропадают?

— Пропадают… Не без этого… А ты — того — из прокурорских, што ли, будешь?

— Да нет. Журналист я.

— И то ладно… От прокурорских — одни хлопоты…

— А ты чем поил меня вчера?

— А тебе знать пошто?

— Да ночью кошмары снились.

— Греховные?

— Греховные.

— Дак это — вербена на маковом семени. Зато сон — оздоровляющий, буде и грешной…

— А люди-то часто пропадают?

— Да по-разному. Да и как тут не пропадать? Старикам-то теперь веры нету. Сколь ни говори бестолковым: не ходить через мост на Лихую заимку, гиблое место там. Нечистое. Дак не верют…

— Слушай, дед, ты уж прости меня и пойми: мне правду найти надо. Иначе без работы останусь. Так что ты мне заимку-то эту обозначь.

— Ой, гиблое это дело… Река-то наша допрежь Смородиной звалась…

— А ты скажи ещё, что мост — Калинов?

— А то как же…

— Проводи, дед. Не отступлюсь.

— Худо это. Что я потом твоим сказывать буду?

— Да нет у меня никого.

— А не страшно?

— Да меня даже волк не тронул!

— Волк?

— Волк. А возница пропал…

— А каков из себя?

— Да так: сморчок-старичок…

— Вот те и Лешак…

— Чего?

— Да ты не бери в голову…

— Дорогу-то покажешь?

— Ну, коли так, ладно… Через месяц… На полной луне…

*

Месяц Ярый прожил в Бедово.

Местные сторонились приезжего. От разговоров уходили тактично. Смотрели настороженно и сочувственно. Только дурачок Толя Машин — тощий, что твоя лучина, дёрганый, как марионетка, с неуправляемой гримасой на прыщавом лице — кивал вслед суковатой палкой да причитал: «Пропащий… Счастливый… Меченый…».

А по ночам — снились: развратная Кикимора, послушные волки и… Светка…

Светка — чаще.

И по утрам Светка не забывалась…

Уж не любовь ли запоздалая?

Глупость! Нет больше Светки! А на «нет» и суда нет.

*

На середину моста Ярый ступил в полночь.

Луна сразу скрылась, как тот сморчок-старичок…

Темно, как у…

Что-то давит плечо. Щит? А колчан откуда? Лук? Господи…

Посреди сизого марева в льняном — под гжель — сарафане…

Светка?..

Снежана?..

— Ты пришёл, любый?

— Пришёл…

— Ты меня не оставишь?

— Не оставлю…

— А ведь мне на тот берег не можно…

— Я останусь…

*

«Редакция газеты «Молодёжные новости» с прискорбием сообщает, что при выполнении редакционного задания в сибирской тайге без вести пропал талантливый молодой журналист и замечательный человек Тимофей Ярый. Поиски успеха не принесли. Единственное, что удалось выяснить — странный факт: Тимофей около месяца уединённо жил в помещении старой давно заброшенной мельницы на окраине села Бедово».

г. Коркино

Анатолий Кухтурский

Журавлиная песнь

башкирская легенда

Пастушок как-то раз на поляне
Подсмотрел за кочевьем вдали,
Как на зорьке в молочном тумане
Представленье вели журавли.

Встав парадно, под трубные звуки
В одиночку иль скопом подчас
Вытворяли забавные штуки,
Словно делая все напоказ.

То на круг выступали степенно
На ногах голенастых вприскок,
То взбивали крылами до пены
Зорьки утренней розовый сок.

То, притихнув и сгрудившись кучно,
Вдруг пускались решительно в пляс,
То костистыми клювами звучно
Начинали прищелкивать враз.

Много всяких диковин пристало
Пастушку увидать в той игре,
Но особенно в душу запала
Журавлиная песнь на заре.

Громогласно, но с отзвуком грусти,
Уплывала она в небосвод,
Вызывая щемящее чувство
За какой-то неясный исход.

И когда горделивые птицы
Улетели, чуть-чуть покружив,
Все не мог пастушку позабыться
Удивительной песни мотив.

И тогда он на верном курае*
Заиграл, словно выплеснул вдруг
Журавлиную песнь, оглашая
Перелески с полями вокруг.

Так с мелодией этой под вечер
Он в кочевье отару пригнал.
Курайчи** улыбались при встрече,
А пастух все играл да играл.

— Где ты слышал мелодии эти? —
Старики взволновались всерьез.
— Принесли журавли на рассвете, —
Отвечал пастушок на вопрос.

— Как при этом вели себя птицы? —
Старики продолжали пытать.
Паренек по их каменным лицам
Смутно стал кое-что понимать.

— Не чинились ли игрища, пляски?
Не пленило ли пение слух? —
Те же снова безликие маски.
— Так и было, — промолвил пастух.

— Ты накликал беду всему роду.
Журавлиная песнь с давних пор —
Знак недобрый, несущий невзгоду,
Все равно что судьбы приговор.

Неспроста эти птичьи забавы.
Их шайтан насылает сюда
Накануне событий кровавых:
Ждет нас всех неизбежно беда.

А беду за чувал*** не задвинуть,
Не прикрыть белоснежной кошмой.
Должен стан ты немедля покинуть
И забыть про дорогу домой.

По закону степей, не взирая
Ни на что и во все времена
Изгоняли из отчего края
Всех, кто скорбь приносил в племена.

Так пастух потерял в одночасье
И семью, и кочевье, и кров.
Где обрел и обрел ли он счастье
У далеких и чуждых костров?

Год спустя из степей черной тучей
Наползла на кочевье орда.
Стрелы сыпались наземь певуче,
Кровь струилась, как в речке вода.

Полыхали багрово зарницы,
Ширь степную сжимали дымы.
Но причастны ли к этому птицы,
Никогда уж не выясним мы.

с. Чудиново

---

* Курай — камышовая дудка, свирель.
** Курайчи — кураист, тот кто играет на курае.
*** Чувал — очаг.

Каринэ Гаспарян

Успеть пока длится танец

* * *

Но скажет в спешке очередь, иди.
И с напускным спокойствием менялы
Уйду, прижав счета к своей груди,
Чтоб их гроза шутя не разменяла.

А через год, однажды в сентябре,
Я на один из них поймаю рифму
И благодарна болдинской поре,
Я под стеною нарисую рифму

Расплáчусь и, конечно, расплачýсь.
В сберкассе допоздна окошко светит.
Стихи мои над морем пусть
И прилетят как цветик-семицветик

* * *

Ни одной мысли до,
Никаких после мыслей.
Пить красиво бордо,
Говоря, что не кисло.

Я сыграю тебе —
Дай костюм и белила —
Для судьбы, о судьбе.
Я пила и любила.

* * *

У провинциального поэта на Руси
Макового зернышка попробуй попроси.
По росе, за речку, и в терновые кусты:
Там культур поднимет древние пласты.
Будет мудр и прост, как птица Алконост,
Азия с Европой обретут над речкой мост.
Забредет отшельница корова к нам
на пласт. —
Макового зернышка тебе он не подаст.
Он поднимет к небу крючковатый перст,
Он, юродивый и повелитель этих мест.
Может быть, от голода,
А может, по причинам и иным
Мир другим предстанет рядом с ним.
Отвернется, высморкавшись в перст,
И пойдет опять поэт искать свой крест.

* * *

И что если Бог создал тебя,
Чтобы испытать меня
Нежностью,
Ненавистью,
Пуговицами вдрызг,
И водопадом брызг.
А что если Бог создал меня,
Чтобы прочитать тебя
С конфетой на диване,
С чаем холодным в стакане,
Руки и ноги отсидев,
От узнанного одурев.
А что, если Бог создал
Нас двоих,
Чтобы как в зеркале
Отразиться в них.

* * *

За улыбку до дождя,
За слово до зимы,
За танец до расставания,
За выдох до расстояния
Ты должен, слышишь, успеть.
Поездом — это медленно,
Самолетом — это ветрено.
Крылья твои устанут.
Успеть, пока длится танец.

* * *

На крыле самолета увижу в плаще:
Кто-то маленький и знакомый.
Я во сне перестала летать вообще,
А тебе не сидится дома.
Но лохматый, застенчивый, Маленький
Принц
Хоть ответит — я не услышу.
Самолетик из белых страниц,
Уноси меня выше, выше.

* * *

Орган слуха, предназначенный
для молчания,
Замирает под левой грудью.
Орган чувства, предназначенный
для отчаяния,
Замолкает только под утро.
Осязание, как орган прозрения,
Замыкает все полукруги.
Обретают органы зрения
Мои недруги и подруги.

* * *

В последний час прости мои грехи,
Когда придет черед прощаться с миром
Сестра, не обдирая шелухи,
Дай мне картошки —я люблю в мундире.

Все больше по незнанию грехи,
Когда потащат в ад немые бесы.
Вдруг ангел прокричит мои стихи,
Послушает Господь их с интересом.

И скажет он какую-нибудь весть,
А может, и наставит на дорожку.
Благословен тот мир, в котором есть
Сестра, и час последний, и картошка.

* * *

Черный снег, белый человек.
Пишем по черному белым мелом, телом.
Совсем не больно, все заметает
Снегом черным черным.

* * *

Каждый делает, что хочет.
По хозяйству все хлопочет.
Кто летает ближе к ночи,
Кто за печкою стрекочет.
Каждый делает, как может,
Кто, стирая воду с ложек,
Кто, сдирая шарф и кожу.
Кто на печке корчит рожи.
Я уже и хлопотала,
Стерла воду с ложек.
Я уже и полежала,
Сдернув шарф и кожу.
Я уже и стрекотала,
Корча с печки рожу.
Тот, кто плачет и хохочет,
По хозяйству все хлопочет
И летает ближе к ночи,
И за печкою стрекочет,
Каждый приходящий хочет
Знать: за чем пришел.

* * *

Земля обнажается, но совсем не так, как мы.
Грудь освобождается из плена одежной тьмы.
Руки торопятся, и далее по одному
Предметы нашей одежды легко летят во тьму.

Белое платье снега так долго слетает с плеч,
Под снегом белье истлевших листьев, веток,
и встреч.
И земля под ногами нашими обнажена,
Готовая снова весною принять в себя семена.

* * *

Капли росы на рассвете в саду
Нежно щекочут ноги.
Дети мои, в раю иль в аду
Ваши лежат дороги.

Скорее в дом, ветки по лицу
А на окне — ромашки.
Слова, не сказанные отцу,
Еще теплые чашки.

Вас уже нет ни в доме, ни в саду.
Я стою на пороге.
Дети мои, в раю иль в аду
Вам освещу дороги.

* * *

Чай в черной чашке на столе.
И мне никак не удается
Предугадать, когда же сле-
дующий день для нас начнется.

И я задую фонари.
Мрак под окном проснется.
Ему, тебе, и мне всё три-
жды ожиданием вернется.

г. Миасс

Владимир Дырин

Мы с тобою чуть-чуть другие

Сожаление

Н. И. Године

Вроде бы достаточно ленив
И остаточно уравновешен —
Чтоб среди садов, лесов и нив
Понимать, что всё-таки я грешен.
Даже заковырною строкой,
Убежав от пьяного извода,
Осудить пытаюсь, Боже мой! —
Выползков из моего народа.

Прогулка

Побрит. Подстрижен. Одет солидно…
Всем встречным птицам — Привет! Пока!
Вот только жалко, людей не видно
Сквозь облака.

* * *

Ей

Перекрёстки стираются в памяти.
Перехлёсты никто не любит.
До тебя не дойти по за́мяти.
До себя не успеть — погубит…
Может время, а может птицы —
Налетят расшарашеной стаей…
Это может вполне случится
Мы ведь с птицами не летаем.
Мы, с тобою, чуть-чуть другие…
И не надо лепить пророчества.

Порознь кружат нас дни благие
Одинаковых одиночеством.

* * *

Знать, не олух, коли девки «лыбятся»,
Ничего не получив взамен.
Сколько их ещё судьбой предвидится?!
Не снесло бы голову с рамен.
Ишь, как глазки пялит конопатая,
Словно солнышко сияет вся…
Ох и сволочь, голова патлатая,
Выберусь с тобою ли в мужья?!

с. Агаповка

Павел Хрипко

Вовка — Ленин

рассказ

1.

Жил я тогда в древнем городке, севернее Москвы. Работал на часовом заводе, в сборочном цехе. Время было любопытное, как теперь говорят, «хрущёвская оттепель», самый её хвост. На всё молодёжное общежитие у нас был один чёрно-белый телевизор и мы по вечерам набивались в фойе «поболеть» за наших хоккеистов, главным соперником тогда были чехословаки. Изо всех моих знакомых только у Славки была машина, «Запорожец» первой модели, типа «броневик», и мы считали его вполне зажиточным человеком. Ныне трудно представить ту жизнь без сотовых телефонов, без Интернета, без иномарок, без бананов, их тогда ещё не завозили, апельсины считались большим лакомством, колбаса была нормальная, без сои, изготавливалась на местном мясокомбинате, а покупать её мы ездили в столицу. Маргарин был в дефиците, и на заводе раздавали талоны на костный жир. Из чего его производили, никто не знал, но жарить картошку на нём было можно. В механическом цехе, из которого всегда потягивало удушливым горелым маслом, вдруг резко увеличили и без того высокие нормы и рабочие отключили станки. Прогулов не было, все являлись по гудку, облачались в свои черные запашистые халаты, но не работали. Начальство занервничало, возмутилось, стали по одному вызывать в кабинет начальника цеха, «на ковёр», прорабатывали. По городку поползли слухи, невиданное дело — забастовка при социализме. Заинтересовались органы. Сначала уговаривали, потом угрожали, но отчаявшиеся работяги дружно стояли на своём. Прилетели из министерства и свершилось невероятное — рабочие победили, нормы оставили прежние. В «бериевские времена» всё было бы по-другому. Конечно же, когда всё утряслось, подстрекателей выявили и потихоньку уволили, но рабочий люд бояться перестал.

А рядом, за чертой города, текла совсем другая жизнь, деревенская. Колхозы там спешно укрупняли, мелкие деревушки затягивало травой, молодежь утекала в города, на полях работать было некому. Заводские инженеры и техники — «синие воротнички» всё лето «загорали», то на сенокосе, то на уборке урожая. По недомыслию или по глупости вместо льна-долгунца стали садить «королеву полей» — кукурузу. Она чахла в здешней моховистой мокрени и загнивала на корню. Проводился очередной опыт по выживанию населения.

В нашем сборочном, самом большом цехе завода, числилось почти две тысячи девушек и около сотни парней. Молодое, беззаботное племя в белых халатах, почти стерильная обстановка, многие нам завидовали, не зная, что там бешеный изнуряющий ритм конвейера и невысокие заработки. Большинство их обитало в общежитиях, ходило на танцы в местный «зверинец», пело в заводском Доме культуры и жило своим кругом, не вникая в события большого мира.

2.

Девятнадцатую сборочную бригаду лихорадило. Монтажнице анкерной вилки Анне Лукошкиной приспичило рожать. А замену ей всё не давали. Аннушка каждый день пугала мастера: «Дотянешь Парамоновна, я ить тут прямо на ленте и рожу, да ещё вдруг двойню, что делать-то будете?» — Да хоть тройню рожай, токо чтоб парешков. Уж эти девки так надоели, глазыньки бы мои на них не глядели», — отвечала речистая мастерица Наталья Носова, статная лучистоглазая славянка с русой короной косы на голове. Когда приезжали высокие гости: послы или депутаты Верховного Совета — ей поручено было вручать им хлеб-соль. Для такого случая у неё в шкафчике и кокошник жемчугом расшитый наготове, и сарафан парчовый до полу. «Не думаешь ты о нас, Парамоновна, — пеняли ей сборщицы, — При таком почёте у начальства хоть бы одного мужичка выцыганила на бригаду, у других, вон, по трое сидят».

А парней-то и в городе недобор. Кто в армии служит, кто на БАМе костыли меж шпал забивает, кто в «отсидке парится», а в сборочном цехе от этого на каждого жениха по десять невест. Да не просто смазливых, а пригожих красавушек. Отбирали, чтоб не только личико, но и ножки были в порядке. Приказ по цеху — никаких брючных костюмов, только мини-юбочки. Завод-то был образцово-показательный, да и столица рядом. То президент заморский явится со свитой опыта набираться, то Фидель прикатит. Он, говорят-то, и на Кубе нечасто бывает, всё в российских лесах на медведей охотится. А то космонавты припожалуют. Сама Валентина Терешкова, наша «Чаечка» приезжала. Худенькая, как щепочка и охранница её такая же. Видно, специально подбирали, чтоб не выделялась.

Ну, а девчонки наши себя не роняли. Один заезжий парнюган попытался одновременно сразу четырём сборщицам голову морочить. Встречался с каждой в разное время в разном месте, каждой жениться обещал. А девицы прознали, город-то небольшой, за час обойти можно, договорились, заманили «ухажёра» в укромное место, прямо в центре, на площади, за газетным киоском, да и расписали его физиономию то ли ноготками, то ли ещё чем. Суд был общественный, да начальница цеха за девчонок вступилась. «Сам виноват, — сказала, — проходимец». Девчонок пожурили да и отпустили с миром.

А собирать часы на конвейере, занятие довольно однообразное, да ещё, когда опыта наберёшься, годика три поработаешь — руки сами знают, что делать, голова свободная, думать перестаёшь, и постепенно превращаешься в автоматического идиота. Чтобы скуку развеять, порой музыку включают, но тоже не без канители. Молодым надо погромче, «бабушкам» сорокалетним — потише. Да и вкусы разные: одним Магомаева подавай, другим — Зыкину, третьи на Карела Гота запали. Вот и бегают посыльные от бригад музыку перезаказывать да поскандалят. А начальница только крик услышит, сразу всё выключает, чтоб никому обиды не было.

3.

И вот девятнадцатую бригаду «осчастливили», прислали замену, да ещё парня, Вовку Скокова из часового училища досрочно выпнули, уж больно неусидчивый. Порешили, мол, теорию знает, а практики в цехе наберётся. Утром он и заявился нервно-весёлый, блондинистый, с конопушечками, коренастенький и сразу привлёк к себе внимание.

Мать без отца его воспитывала, пыталась хоть какую-нибудь рабочую профессию ему привить, уж больно непоседлив. С грехом пополам на слесаря выучился, но работать не стал: грязно, да и железяки тяжёлые. Тогда мать по слёзной просьбе, через близкого знакомого устроила Вовку в часовое училище. И вот он в сборке, где чистота и железки не тяжёлые, но требуется быстрота, точность движений и адское терпение. Освоился Вовка быстро. Подвижный, вертлявый, как на шарнирах, языкастый, особо прилипчивый к симпатичным девчонкам, он сразу привлёк внимание окружающих. Из него, как из худого мешка постоянно сыпались анекдоты, шуточки — на бригаде стало весело, а забот у Носовой прибавилось. «Приняла на свою голову, — корила себя мастерица, — ещё и операцию толком не освоил, а на месте не застанешь, то у "ходистов" треплется, то у "пускальщиков", а лента ждать не может, ну дождёшься ты у меня…» И когда красная стоп-лампа зажглась пару раз по его вине, Носова показала ему свой норов. Вовка на время притих, да и девчонки его защищали, помогали, то возвратки его починят, то задел ему приготовят, а он и рад, комплиментами расплачивается, всеобщим любимцем заделался. Ему даже должность «королевскую» доверили, спирт раздавать на бригаде. По тридцать грамм полагалось для промывки камней. Кто их там мыл, неизвестно, но ежедневный ритуал раздачи горючей жидкости считался

святым делом. Каждый набирал свой заветный пузырёчек, авось, в хозяйстве пригодится. Внутри завода спиртишко играл роль второй и очень устойчивой валюты, почище доллара. Можно было, например, смело нанять тракторную тележку дров за «мыльник» — двести грамм ректификата. Только покажи — и нагрузят, и через проходную без проблем, и ко двору подвезут да ещё и в штабель уложат.

4.

А тут покатились перемены. Носову повысили, старшим мастером поставили, а бригаде дали новую мастерицу Ольгу Сергеевну. Она прямо из техникума припожаловала, да ещё и диплом с красными корочками. Аккуратненькая, в шёлковом халатике, ретивая и на дело пылкая. Всегда, во всём привыкла быть первой, ну, и бригаду решила в передовые вывести. Девчонкам насулила, мол, тогда и премиальные хорошие, и на «юга» смотаемся. В «Сочах» позагораем, на море покупаемся. Загорелись девочки, цель появилась, сидят, упираются, головы не поднимают, а тут ещё и ритм на конвейере добавили.

Вот тогда-то Вовка и погорел, браком зашился. И операция-то немудрёная: вилку анкерную в отверстие рубинового камня вставить да зазор выбрать, ну и чтоб перекоса не было. Всё вроде просто, да на ленте он один с такой операцией, не посачкуешь. Все на обед, а он сидит брак свой перемалывает, похудел, осунулся, старается, а всё равно не успевает. Мастерица уже стала к старшему мастеру побегивать, мол, заберите, на кой мне бракодел, он мне всю картину портит. Да он и сам об увольнении стал подумывать, мать ему уже и место подыскала, на дебаркадере дежурить, концы с теплоходов туристических принимать. Работка не ахти, зато первым в очереди у буфета, что на судне, а там и сгущёнка, и колбаска копченая, и апельсины — в городе не достанешь.

5.

А тут слух прокатился — в заводской Дом культуры нового художественного руководителя приняли — место заметное, у всех на слуху — да не простого клубного работника, а профессионала, бывшего режиссёра театра музыкальной комедии из какого-то большого украинского города. Досужие люди разведали всю подноготную, выяснили. Будто супруга его бывшая, в партком нажаловалась, мол, муженёк с молодыми актёрками погуливает. Было ли там чего или не было, а только турнули главного режиссёра с «волчьим билетом». В Украине все вакансии ему закрыли, да и молодица благоверная квартирку прибрала. Дружки собрались, посочувствовали, языками поцокали, пытались утешить, ну, а кому опальный друг нужен, да ещё и бездомный.

— Езжай, — говорят, — к «москалям», у них с режиссёрами туго. Торкнулся он в Питер, там своих девать некуда, в белокаменную постучался, — сказали с таким «документом» только на периферию. Барнаул, Чита, а лучше всего Магадан. Там после хрущёвской «оттепели» дефицит режиссёров образовался, ну вот ещё Биробиджан, ваша же Еврейская республика… Но Борис Иванович был терпеливый человек и надеялся, что всё в мире меняется, на месте даже камень не лежит, пройдут и его подлые времена, надо только уметь ждать и ни в коем случае не унывать.

На речном теплоходе прокатился до нашего древнего городка, присмотрелся, местечко чудное, понравилось. Просторная Волга, леса дремучие, покойная старина, воздухом не надышишься. Недаром же самодержцы здесь свои «дачи» устраивали. Правда, городишко без театра, но есть вместительный Дом культуры и богатенький завод с толковым директором. И вскоре бывший главный режиссёр театра музыкальной комедии стал худруком безвестного заводского клуба. Лепить классических героев не из актёров, а из неискушенных работяг дело неблагодарное, но надо было заработать жильё, восстановить подмоченную репутацию и, в конце концов, наладить собственную жизнь. И Борис Иванович развернулся, показал, на что способен стоящий профессионал. Сам ходил по заводским цехам, искал типажи, беседовал, убеждал, зажигал неискушённые души. Вскоре в клубе стало тесно от самодеятельных актёров и закипело великое театральное действо. Не прошло и года, а к октябрьским праздникам уже стали готовить «Свадьбу в Малиновке», знаменитую оперетту, за которую даже и профессиональные театры брались с опаской. Обкатав новоиспеченых актеров на «Свадьбе», новый худрук поставил и «Трембиту», осмелился показать и в областном центре, там опешили, оценили. Борухович заблистал, стал готовить и драматические спектакли. К юбилею Бородинской битвы сам блестяще сыграл Кутузова и вскоре его заводской театральной студии присвоили звание «народный театр».

6.

А тут поветрие пошло — разрешили в самодеятельных театрах вождя революции играть, конечно, не всем подряд, а только после тщательного отбора специальной комиссией. Борис Иванович как будто только этого и ждал, загорелся «своего Ильича» сделать, да такого, чтоб и в Украине узнали. И снова забегал режиссёр по цехам, натуру подыскивал, завод — то не маленький, одних только рабочих до десяти тысяч, а ещё инженеры, техники, обслуга. Месяца три искал, да всё было напрасно, подходящей фактуры не находилось. Уж он и в проходной часами выстаивал, и собрания заводские стал посещать, против своей воли, и на завод зачастил. Его даже охранники стали признавать за какое-то непонятное, но важное начальство и пропускали без особых формальностей.

Однажды он на сборку заглянул, на четвёртый этаж поднялся, смотрит, стоит парень в белом халате и с мастерицей спорит, да так азартно, и всё вперёд правой рукой тычет. Мол, на той, вон, соседней бригаде, браку больше, и то мастер не ругается, а вы совсем замордовали, проходу мне не даёте.

Борухович, почему-то на цыпочках, подошёл к спорящим, дождался паузы, галантно поздоровался с мастерицей, поцеловал ей ручку, отвёл сборщика в сторонку, о чём-то с ним доверительно пошептался и довольно потирая руки, ринулся к начальнику цеха. А парень-то в белом халате был наш бракодел Вовка. Он, как будто чем-то ошарашенный, притихший, прошёл на своё место и уткнулся в работу. Но с тех пор он всё реже стал появляться на рабочем месте. Так забежит иногда, зарплату получить: «Ну что, пашете? Не надоело ещё?» — «Вовка, ты где робишь? — спрашивают. — Числишься на бригаде, а сам в пиджачке, вон и галстук нацепил, как путёвый инженер. Не стыдно на халяву бабки заколачивать?» — «Ничё, ничё, потерпите, скоро узнаете. Всё узнаете». — «Что узнаете? — терялись в догадках девчонки. Что хорошего можно узнать от этого пустобрёха и фитюльки никто тогда так и не догадался.

7.

Наступило 21 апреля. На заборах афиши, лозунги — вождю мирового пролетариата осанну поют — очередная круглая годовщина. Торжественное собрание, президиум, цветы из заводского парника, дежурные речи. Актовый зал переполнен. Вопреки всем пожарным нормам — стулья в проходах, галёрка нависла, того и гляди, обвалится. После торжественного, как принято, большой концерт. Вначале при закрытом бархатном занавесе конферансье потрепался, потом стоголосый хор в ярких одеяниях рявкнул, что аж люстра закачалась: «Наш дорогой Ильич!» Затем Борька Борисов, обликом и ростом — вылитый Маяковский — громовым голосом продекламировал: «Партия и Ленин — близнецы-братья!» И далее, где-то в оркестровой яме, чуть слышно затренькала соната «Аппассионата» и вдруг из дальнего угла сцены к самой рампе вышел… Ленин. Взаправдашний, в чёрной троечке, в галстуке горошком, с блестящей лысиной, рыженькой бородкой и усами. Не дойдя до края сцены, остановился, поднял правую руку и с абсолютно точной ленинской картавинкой произнёс: «Товагищи!» Что тут началось! Пока он шёл по сцене, зал, затаив дыхание, молчал, происходил процесс узнавания — он, не он… А тут голос, знакомый по кинофильмам, радиопередачам, и люди поверили. Произошло нечто похожее на взрыв, как будто всех одновременно ударило током. Загремели аплодисменты, крики, несмолкаемый шум. Актёр, видимо, от волнения потерял дар речи и стал беспрестанно дёргать себя за ус, отлепил один конец и скрылся за кулисами. А зал всё не мог успокоиться, громыхал аплодисментами и не потому что «живого» Ильича увидели, все гадали: кто же это так похоже роль вождя сыграл, решили, что привозной, не местный. Даже девушки со сборки Вовку узнали не сразу. Всё в нём изменилось: и походка, и фигура, и даже голос. С тех пор к нему так и приклеилась кличка «Вовка-Ленин».

Но рабочий люд — народ тёртый, его на мякине не проведёшь. Они и в московских театрах бывали, и великих актёров в роли Ленина видели. Порассуждали меж собой, мол, пацан сыграл похоже, недаром же комиссия его в числе восьми других из всего эсэсэсэра выбрала. Поговорили, посудачили и забыли. А Боруховича с «его Лениным» признали, слава покатилась, стали в другие города приглашать, даже и в областные. Вовка числился инженером, но хлеб свой отрабатывал на сцене.

8.

Шло «время Никиты». Он сначала многое наобещал, потом накуролесил, старания его ни к чему путному не привели, но всех тягостнее жилось селянам: домашнее хозяйство урезали, а колхозным заработком сыт не будешь и где искать её, эту справедливость, никто не знал. Не в райком же идти. И вот однажды, осенью, как заведено, районное начальство решило отпраздновать День урожая. Съехались колхозницы изо всех деревень в город на торжественное совещание, хотя гордиться-то особо нечем. Бесконечные дожди убрать хлеб толком не дали, сено сопрело. Картошку, какая покрупнее, из грязи повыковыряли, спасибо заводским инженерам-конструкторам, не дали пропасть. Настроение не из весёлых, но праздник есть праздник.

Собрались сельские работницы в большом зале. Беленькие кофточки, пиджаки, кое-кто даже и при галстуке, и все поголовно в резиновых сапогах — всепогодной обуви России. Ждут «тихой радости», грамоток, ярких бумажек со знамёнами да с Лениным. — «Их и так уж набралось, — рассуждают, — хоть стены обклеивай. А что может начальство ещё дать? Да ничего от них и не надо, лишь бы жить давали да последнее не отбирали». Сидят унылые колхозницы, под хвастливые речи начальничков подрёмывают. Хоть здесь в тепле отдохнуть от вечных забот, грязи да холода. Говорунов набралось много, собрание подзатянулось, уже и сумерки начали сгущаться, а ехать по бездорожью. И решили райкомовские управленцы после заседания запланированный концерт урезать, весь не давать, а показать только самое главное. Тогда и случилось то самое происшествие, о котором потом долго полоскали по всем деревням на разные лады. Деревенский люд городскими развлечениями не избалован и если уж чему удивится, всю жизнь помнит, да ещё и внукам расскажет.

И вот столы со сцены быстренько убрали, скатерти свернули, в зале установилась дрёмная тишина, кое-где даже похрапывать начали. Струнный оркестр парой вещиц отметился и удалился под жиденькие хлопки. Ничего удивительного, в деревне на балалайке, не хуже сбацают. И опять тишина повисла. Вдруг по сцене стук-стук в ботиночках начищенных, в пиджачке, манишке, в кепке на лысу голову… Сам! ЛЕНИН! ИЛЬИЧ! — «Здраствуйте, товагищи!» Весь зал оцепенел и только из конца в конец — «а-а-а-х, а-а-а-х!» С минуту молчали, как в оцепенении. А потом такое началось… Все повскакивали, шум, крики, стулья пороняли и толпой на сцену к Ильичу, жаловаться. Им и невдомёк, что Ильич-то ненастоящий. Да и какая разница, Ленин, и ладно. Всю сцену заняли, со всех сторон его обступили и давай плакаться, каждый своё. Вот, мол, и скотину пасти негде, и огороды урезали, и на трудодни вместо зерна отходы стали давать. Мужики-то в стороне в кулаки покашливают, а бабы окружили «Ильича» со всех сторон и давай хором «жалиться». А «Ленин»-то что, сказал пару фраз про революцию да и смолк. Текст его закончился, да и массовой сцены не предусмотрено, а крестьянам ответ давай, как да почему. Кое-кто и на Советскую власть стал порыкивать. Сколь терпеть-то. Живём в нищете да ещё налогами душат. Вовка пятился, пятился, к заднику прижался, что говорить, не знает.

Борухович из-за кулис ему машет, взмокрел от ужаса, икать начал, глядя на происходящее, а выхода найти не может. Такой ситуации он не предвидел, да и сам побаивался этой народной стихии. Назревал скандал, режиссеру показалось, что некоторые бабы даже рукава начинают засучивать. Что делать? Вот-вот Вовку бить начнут. Видят же «Ленин»-то молчит, будто язык проглотил, поди, и сам запутался. А у Вовки от переживаний грим стал на пол капать, того и гляди, борода отклеится. Шум, громкие слова, не перекричать, некоторые уже и в раж вошли, словами непотребными поливать стали. — «Если мордобой начнётся, то и мне достанется, — лихорадочно билось в сознании Бориса Ивановича, — да и власть не простит, крайним буду я». И тут его осенило. Недаром же он сутками вдалбливал в этого оболтуса интонации Ильича. Набрав полную грудь воздуха, он во всю мощь своего отлаженного голоса, с точной ленинской грассировкой гаркнул: «Товагищи! Геволюция в опасности!»

Народ враз смолк. Пока искали глазами крикуна да разбирались, Борухович накинул на голову Вовки свой плащ, да скорей с чёрного хода в машину, и дёру. Скандал с трудом замяли, народ успокоили. Разочарованные колхозницы не спеша расселись по кузовам своих замызганных грузовичков, разъехались по деревням, думая про себя: «Вот и опять омманули. Ленин, и тот ненастоящий».

г. Троицк

Елена Черданиева

Лето не обманет

Ветер перемен

Догорает вечер. Яркая луна,
И над тихой речкой всполохи огня.
В звездном небосводе видится мне суть,
А луна по небу продолжает путь.

Ты моя надежда, ветер перемен.
Я любовь тебе отдам, что мне дашь взамен.
Может, рук твоих тепло или сердца стук.
Будь ты верен мне, мой сердечный друг.

От любви твоей стало мне теплей.
Впереди у нас много, много дней.
Пусть проходят дни и летят года.
Пусть любимою буду я всегда.

А весна на лето скоро повернет,
Лето не обманет, в осень позовет.
Зимушку холодную мы переживем —
Только бы с тобой, только бы вдвоем.

Был бы милый рядом

Есть другие страны,
Моря и океаны,
Финиковые пальмы, ласковый прибой.
Ничего не надо,
Был бы милый рядом —
Нежный и любимый, самый дорогой.

А у нас морозы, а у нас метели,
Снежные постели
Все метут, метут.
А весна приходит,
Все снега растопит,
И ручьи звенящие дружно побегут.

Набухают почки,
Первые листочки,
Зацветет черемуха, а за ней сирень.
С яблоневым цветом
Встретим наше лето,
Ночи соловьиные и цветущий день.

Лето золотое в осень нас проводит,
Урожаем яблок щедро одарит.
Листьями цветными тропочки заносит,
Бабьим летом, красками, снова удивит.

Зачем жду

Пролетели года,
Унеслись в никуда,
И течет в никуда
Снова в речке вода.

Ну, а мы потерялись
С тобою в пути
И никак не решались
Друг друга найти.

А ведь я не твоя,
Да и ты уж не мой.
Так зачем всё жду я
Нашей встречи с тобой?

А возможно за нас
Все судьбой решено.
На меня не сердясь,
Постучишься в окно.

Только я не твоя,
Да и ты уж не мой.
Так зачем всё жду я
Нашей встречи с тобой?

Алле Пугачевой

Горит звезда на небосклоне,
И перед нею я в поклоне.
В мерцанье звездного пути
Свети, звезда моя, свети.
Пожать вам руку — это честь
За песни ваши, их не счесть.
На сцене русская мадонна —
Актриса, чувствами бездонна.
Любви и страсти океан
Прощает, только не обман.
Ваш голос сильный знаменит,
Волшебной силою пьянит.
И Вас всегда я слушать рада —
Вы песня наша и отрада.

г. Трёхгорный

Надежда Старостина

* * *

Вгрызается мука в сердце моё,
Как горе разлука, дождь льёт и льёт.
Без крыши, без дома и без зонта…
Идущим доро́гой не видно конца.

Постёрты все ноги, одежда — тряпьё,
Во Божию славу сердце поёт,
Паломников путь тернист и далёк,
Извилист, как мозг, и в душе одинок.

Воды ни глотка, и палящий песок,
Горячие камни, сотни пламенных ног,
Молитвы услышал и заповедь Он,
Разверзлась в долину река на Восток.

И кто бы ты ни был, мудрец иль злодей,
Греховник, ребёнок — живя средь людей,
Тебе кров представлен Им будет всегда,
Молись, Он защита и вера твоя…

г. Карталы

Валентина Китаева

Здесь теплое море без края

Турецкие зарисовки

Памуккале

Известковые террасы,
Горы, как в муке —
То природы выкрутасы —
Град Палуккале.
Реки, теплая вода
Вниз стекает с гор.
Полечиться есть нужда —
Лезь на косогор.
Там гуляют, загорают
В этой красоте.
Обо всем все забывают,
Нежась в мокроте.

* * *

Здесь теплое море без края
И солнце нещадно палит.
Далеко сторонка родная,
Перо так устало скрипит.

Красивое море и пальмы,
Цветы как в волшебном раю.
Мелькают то шляпки, панамы,
Но лучше мне в нашем краю.

И турки приветливо милы,
Им ссориться с нами нельзя.
Мы едем за ласковым морем —
Им доллар и евро везя.

Далеко, далеко за морем
Родная до боли земля,
Где речка играет прибоем,
Там с детства мои тополя.

* * *

В лагуне море без волненья.
Лениво лижет брег волна.
Тел загорелых громожденье
Под звуки солнечного дня.

Как далеко мы отдыхаем,
За сотни верст наш край родной.
Чужое море нас ласкает
Своей загадочной волной.

Здесь небо гаснет скоротечно
И ночь безжизненно темна.
Я знаю — это не навечно,
Но дома ласковей она.

Декабрь

На часах седьмой уж час,
Но темно хоть выткни глаз.
За окном не видно зги,
Замерзают и мозги.

В декабре мороз трескучий,
Ветер жгучий и могучий.
И морозы — все как надо,
Как в Америке торнадо.

За Николой Рождество,
Там Крещение пришло.
Нет спасенья от мороза,
Вот она — метаморфоза.

Пережить её чуть-чуть,
Календарь перевернуть,
А пока замерзли мы —
То идет разгар зимы.

* * *

Сегодня утро светлое
И солнышко взошло,
И настроенье бодрое
И на душе тепло.

Мороз слегка кусается,
Влезает даже в щель,
Дворняжка кувыркается,
Заиндевела ель.

Декабрь уж на исходе,
Январь грядет взамен,
И Новый год подходит
С запамятных времен.

Меняются столетья,
Меняется народ
И мы заменим платья
Под Новый-Старый год.

г. Трёхгорный

Светлана Богомолова

В день седьмой конца недели

Узелочек

В дорогу я с собой взяла
немного и немало.
Я любовь твою с собой
в узелок связала…
Путь далёкий предстоит —
будь же ты со мною,
Когда будем мы в пути —
душу приоткрою.
Ты, бескрайняя дорожка,
под ногою вейся.
Ты, мой милый, в узелочке
над собою смейся.
Вдруг решу я — ни к чему
мне такая ноша,
Да в далекой стороне
узелочек брошу.
Чтоб не путал мысли мне,
не манил глазами,
Не рыдала чтобы я
горькими слезами.
Не встречала тебя в снах,
не звала отчаянно,
Узелочек потеряю
будто бы нечаянно.
Ты, бескрайняя дорожка,
под ногою вейся.
Ты, мой милый, в узелочке
над собою смейся.

* * *

Бывают в жизни, помнятся, моменты —
Увидел раз — и в душу отложил.
И, как в кино, отматывая ленту,
Ты в памяти ту радость обнажил.

Луг полевой цветами разукрашен,
Да гладь реки блестит невдалеке,
Усыпанная стайками ромашек
Бежит тропа, ведущая к реке.
И я иду, той красотой любуясь,
И за плечами груза жизни нет…
И, вспомнив это, как-то заволнуюсь
И удивлюсь я бегу прошлых лет.

* * *

Чудо длинноногое,
с челкой золотой.
Я уже не буду
никогда с тобой.
Талия осиная,
нежность в твоём голосе,
Глазки ярко-синие,
да густые волосы.
Не нашел я для тебя
слов своих заветных.
Навсегда в весну ушел
с любовью безответной.
Сердце съежилось в комок —
душа с тобой осталась.
Без тебя я жить не мог,
а ты вослед смеялась.

* * *

Памяти Ю. И. Смоленцева

Утопал июнь в сирени,
Запах душу бередил.
В день седьмой конца недели —
Ты уходил…

Солнышко вовсю светило.
Дождь неожиданно полил.
Знать, для тебя всё это было —
Ты уходил…

Со словом утонченным дружен,
Свободен духом, всё шутил,
Мол, никому-то ты не нужен —
Ты уходил…

Ушёл…
И, не прощаясь с нами,
Исчез в сиреневом тумане…

Юности полет

Не молода, лишь средний возраст…
Он, по-серьёзному, не в счёт.
Мне отчего-то грустно просто —
Вновь день рожденья настаёт.

Ноябрь в пуховом полушалке,
Погоде зябко и душе.
Да и себя немного жалко —
Не восемнадцать ведь уже.

Смешная штука эти годы!
Как будто множатся в запас
И нет в душе былой свободы,
Что возносила к звёздам нас.

А может, это всё осталось?
И только мудрость не даёт
Нам испытать, какая жалость,
Беспечной юности полёт.

Карамель в руке

Детство вижу вдалеке:
Жёлтый плащик налегке,
Карамель в моей руке.
На ладошке.
Я, девчонка-невеличка,
Лупоглазенькое личико,
Под беретиком косичка.
С брошкой.
А на ней цветов букет.
Мне всего десяток лет,
Никаких ошибок нет.
Лишь в тетради.
Всё придёт ко мне потом,
Как покину отчий дом.
Поцелуи под окном.
Рот в помаде.
Карусель моей судьбы,
Где со мною рядом ты.
Наши общие мечты.
Где-то вдалеке.
Только чудится опять —
Мне всего лишь пять и пять.
Вновь мечтаю ощущать
карамель в руке.
…Моё детство вдалеке…

* * *

Рыбалка. Озеро. Карась
Клюёт, лишь удочку закинешь.
И рыбы в озере напасть:
Забросишь — клюнет,
Дернет — вынешь.
С ладошку, чуточку длинней,
По два висят на удилище,
А если дёрнуть посильней,
То удилище звонко свищет.
И рыбаков полным-полно,
И караси круги гоняют.
Я из авто смотрю в окно,
Как муж рыбёшку добывает.

г. Трёхгорный

Ольга Шрейнер

Лирические миниатюры

Как я хотела бы создать и подарить тебе

Как я хотела бы написать для тебя музыку! Сначала это были бы робкие и редкие звуки, но затем они слились бы в уверенную мощную реку, в которой лились бы, перекатывались непрерывным потоком, вливаясь в тебя светом, теплом, заполняя тихой печалью, щемящей нежностью.

Я люблю тебя!

Как я хотела бы создать для тебя мелодию, излучающую сияние сказки, которая звучала бы в твоём сердце, как журчание весеннего ручейка, капель под окном, шорох листка, опадающего с ветки — моё тихое и нежное прощание.

Я люблю тебя!

Как я хотела бы подобрать для тебя изящную композицию из цветов и листьев, в которой была бы былая нежность касания моих ресниц к щекам твоим, трепет крыльев бабочки — прощальный мой привет.

Я люблю тебя!

Как я хотела бы написать для тебя стихи, вставив в них карамелинки слов, которые проникли бы в сердцевинку души твоей, расплавив, размягчив её добротой моего прощения.

Я люблю тебя!

Как я хотела бы всё это создать и подарить тебе, но я умею только любить!

Во мне звучит музыка любви, музыка прощания, музыка прощения, светлая, грустная, торжественно-печальная, она затихает вдали медленно и плавно…

Жалённый

Нежеланный, он может стать жаленным.

Русские женщины способны сначала пожалеть, а потом и пожелать, и полюбить, особенно тех, в кого без остатка и без отдачи нужно вложить: заботу, труд, внимание и ласку. Есть люди, у которых о самого детства из души удалено главное — способность любить, начиная с себя самого (в детстве не долюбили их, не доласкали). Вот и травит, и губит, и топит он себя. А женщина тянет и тянет его из самой глубокой на свете проруби — неумения радоваться себе и жизни, дарящей ему щедрые подарки в виде верной и преданной ему души. Везёт его возлюбленная в гору, пока жилы себе не вытянет, а он ещё и погоняет, и по сторонам глядит: «Ох, нелёгкая эта работа из болота тащить бегемота!»

Письмо 47 — найдёт другой приют

Найдёт другой приют несбывшаяся наша любовь. А у меня впереди ещё бездна времени — без тебя. Бурлит и вытекает в хлопотах наша жизнь по венам дней.

Любимые черты в мерцании свечи времени зыбки, как в тумане, и светлы. Их слизывает пламя бессонных ночей, их размывает вода череды одиноких дней.

И остаются во мне лишь останки оборванной песни недолюбленной тобою души. Песня оборвана в самом пике, на самой высокой ноте. И эти ноты, пронзительные в своей глубине, витают в вышине и будоражат чьи-то души.

А я прощаюсь с тобой — навсегда!

О чужих ошибках

Немало одиноких людей тратят свои дни на то, что подмечают и всем объявляют о чужих ошибках, разоблачают, мусолят чужие грехи. Они находят в этом чуть ли не призвание своё, чуть ли не наслаждаются, чуть ли не торжествуют, возвышая себя над окружением своим, указывают, кому и как надо жить, судят, что правильно, а что нет.

Они забывают, что гордыня — грех, что никому из нас не дано судить и рядить. И ещё неизвестно, как они, святые и великие, жили бы, окажись на месте того, кого они сейчас так беспощадно разоблачают и судят. И дело им есть до всех — и до звёзд, и до политиков.

Да очнитесь же, чем с пеной у рта обсуждать чужие жизни, займитесь своей!

Большая власть

Многие дельцы не ворочают деньгами, а ворочаются в них так, что те проникли в их кровь, в их мозг. Купюры вросли им руки, словно перепонки у земноводных, образовали жабры, чтобы они могли с головой нырнуть в денежные потоки, которые металлом отливают в их глазах. Кроме денег этих монстров никто, ничто не волнует, не трогает, не «вставляет». А к старости им, чтобы чувствовать себя настоящими, надо ещё больше и больше этих знаков власти. Ведь, обанкротившись, они могут очнуться у бездны на краю с высохшей попкой колбаски в руках вместо былого величия.

А как разбудить этих людей для мира, для близких? Как окатить их сильным и властным ветром свободы? Как заставить иных открыть ставни глаз, отодвинуть заслонки души, задуматься, переоценить, переосмыслить жизнь?

Большие деньги не только дают власть, они большую власть имеют…

г. Верхнеуральск

Ирина Воротовова

Взгляд избегает взгляда

Расставание

Запах духов печальный,
Чуть сладковато нежный,
Как поцелуй прощальный,
Ласковый и небрежный.
Слезы тающей свечи,
Горький дым сигареты…
Это последний вечер.
С кем ты теперь? Где ты?
Звонкий холод молчанья…
Взгляд избегает взгляда…
Слов ненужных прощанья
Произносить не надо.
Запах духов печальный,
Горький дым сигареты,
Взгляд виновато-случайный…
Я не забуду это.

Предзимье

Небо цвета линялого ситца,
Загустевшая каша дорог.
Недовольные холодом птицы —
Вот он осени грустный итог.
Это время предзимьем зовется,
Лист последний слетает, шурша.
Значит, лето нескоро вернется,
И зимы уже просит душа.
Просит чистого белого снега
И в сверкающих искорках дня,
Чтоб снежинки, как звездочки с неба,
В хороводе кружили меня.
Я хочу, чтобы легче дышалось,
Чтоб пощипывал щеки мороз,
Я хочу, чтоб слетела усталость,
Как последние листья с берез.

Август

Август. В саду заброшенном
Яблок литая медь
Будет в траве нескошенной
Брызгами солнца гореть.
Будет плескаться в просини
Листьев узорная шаль.
В легкой походке осени —
Грусть журавлиных стай.
В легком ее дыхании
Свежесть ночных прохлад,
Легких шелков шуршание
Под молодой листопад.
Август. В саду заброшенном
Хрустальные бусы рос
Осень небрежно бросила
На рыжие кудри берез.

Черта

Я стою у заветной черты
Где мечты вдруг становятся былью.
Впереди океан пустоты,
За спиной то ли горб, то ли крылья.
Мне бы сделать вперед только шаг…
Чтоб проверить, чем бог наделил…
Так и рвется к полету душа,
Только страх победить нету сил.
Кто то шепчет: «Зачем рисковать?
Упадешь, разобьешься, я знаю:
Не дано человеку летать».
И я тихо назад отступаю.
Сколько нас за заветной чертой,
Не рискнувших мечту сделать былью!
Проверяется лишь высотой:
Что дал бог — горб или крылья?

г. Верхнеуральск

Дина Горошилова

Ты, голубушка, не первая

О поэтах

Можно жить, подавляя крик,
Спотыкаясь, тянуть за гуж,
Представляя в мечтах родник,
Напиваться из грязных луж.

Можно жаждать иметь алмаз,
А бежать за ним в second-hand,
И прельстившись ценою страз,
Отдаваться за комплимент.

Сплюнув пафос истёртых строф,
Закричать: «Я пишу стихи!»
И пусть сдохнет в огне костров
Кто-нибудь за его грехи.

И неважно, что солнца свет
Не сравнится с лучами рамп.
Для себя он всегда поэт,
Хотя, в сущности, просто штамп.

Дождалась-3

Не нужна. В одночасье забыта.
Телефон оглушительно тих.
И, скрывая насмешкой обиду,
Инвалидом рождается стих.
— Был ли мальчик, упрямая баба?!
Постаревший до времени!
— Был…
— Растерявшийся в жизни!
Хотя бы…
— И стихов он твоих не любил.
— Он умело заглядывал в душу…
— Да ты что! И чего разглядел?
Без зазрения совести слушая
Бесноватую музыку тел…
…До рассвета, натужено горбясь,
Сердобольная Муза в очках
Мне дырявую штопает совесть,
Выбирая заплатки в стихах.

* * *

Растаял день, забрав пустые сложности,
И темнота с угрюмой осторожностью
Укроет плечи зябкой безнадежностью,
Подарит грусть.

У ночи, испросив чернил для творчества,
Неслышно выползает одиночество.
А мне сегодня слезы лить не хочется,
Я улыбнусь.

Не по себе в непрошенных объятьях,
И настроенье путается в платьях,
Скупые мысли — ни враги, ни братья.
Пойду я спать.

Летают сновидения-листочки,
Рождаются бессмысленные строчки,
И я сегодня совершенно точно
Могу летать.

Женщина

Ненасытная, ненаглядная,
Словно Родина, необъятная,
Словно истина, неподкупная,
Непонятная, недоступная.

Как в ручье вода, неумолчная,
Словно Мать Христа, непорочная.
Нераскрытая и манящая,
Незабытая, настоящая.

* * *

Когда-нибудь я статус напишу:
«Счастливая!» Ни слова не добавлю,
Быть может, фотографию оставлю,
Где Я и Он, которым я дышу.

А может, встав на маминой руке,
Вам улыбнется с фото наш сынишка —
Смешной бутуз в коротеньких штанишках
И ямочкой на пухленькой щеке.

Смотрите, как сквозь сотни килобайт
Простое счастье весело искрится.
И я закрою интернет-страницу
И навсегда покину этот сайт.

Мое счастье

Проснуться с первым утренним лучом
И улыбнуться миру. Без забот.
Тихонько тронуть дочку за плечо:
— Вставай, родная, солнышко зовет!

И долго наблюдая из окна
За девочкой с портфелем на спине,
Задуматься о том, что я нужна,
И это счастье, посланное мне.

Расписан по минутам каждый день:
Работа — магазин — работа — дом.
— Тебе не лень?
— А что такое лень?
Давай об этом как-нибудь потом.

И сверхурочно. Снова дотемна.
Бегут минуты, тают в тишине.
Согреет мысль — видимо, нужна.
И это счастье, посланное мне.

Ты не пришел сегодня. Я одна.
В который раз встречаемся во сне.
Но мне спокойно. Я тебе нужна.
И это счастье, посланное мне.

Дождалась

Вот и стихло одиночество —
Это он —
Принимай свое высочество!
Где же трон?
И лошадку цвета белого
Накорми.

Что хотела, то и сделала.
Извини!
В голове уныло мается
Пустота.
Не моя мечта сбывается!
Как же так?
Не о нем я тихо плакала
По ночам,
Не его мне воском капала
Лик свеча.
Не его себе пророчила
В женихи!
И ложатся многоточия
На стихи.

Не пойму, чего ты маешься?
Откажи!
А судьба твердит: «Раскаешься!
Поспешишь!
Ты, голубушка, не первая,
Дай-ка срок.
Постареешь, плача нервами, —
Вот итог.
Привыкай к разумной корысти,
Не реви!
И поверь мне, в твоем возрасте
Нет любви».

г. Верхнеуральск

Марина Лукашенко

Года мои стремительно бежали

Лебединое перо

Опрокинута звездная чаша на землю:
Синь у подножья холмов…
Набросаю картину светом и тенью
Лебединым белым пером.

Капли лунного света с печальным мерцаньем
Тонут в уснувшей реке.
Опалённые лаской, живые созданья,
Лилии вянут в руке…

Безутешной реальности скудные строки.
Взрывы ночных фонарей
Избегают молвы, где бесчестья истоки
Колышут фантом у дверей.

На другой стороне ледяного тумана
Лебедь из дивных снов
В лицемерном краю чужого обмана
Захлебнулся горечью слов…

В терновнике

За уступы сумеречной кручи
Куст терновый крепко уцепился,
В зарослях кустарника колючего
Ворковали голубь с голубицей.

Устилала нежно Богородица,
Их гнездо прозрачными шелками,
Наряжала мир святая Троица
На заре душистыми цветами.

Та обитель на краю ущелья,
На венок ромашковый похожая,
Идеальной сделалась мишенью
Для стрелка с повадкой острожною.

А когда тревожною волною
С колокольни звоны покатились,
Примирившись с горькою бедою,
В чистом небе души растворились.

Истоки

Наверно, рано подводить итоги
Прожитых лет и пролетевших дней,
Застыла я на кольцевой дороге
В потёртом рубище несбывшихся идей.

Года мои стремительно бежали
Вдогонку за насмешливой судьбой,
Но никогда её не омрачали
Немым унынием, тайною мольбой!

Нас не любили до самозабвенья,
Но безразличный век благодарю,
За первые шаги преодоленья,
За жертвы, что сложила к алтарю.

Прошла в заботах, резво закрутилась,
Свилась вся жизнь в одну тугую нить…
Однако я недавно научилась
С душой бескрылой по земле ходить,

Смотреть на жизнь из любопытных окон,
Когда они пургой занесены,
Спешить на гармоничный зов истоков,
К целительному роднику весны!

Там мысль туманная значенье обретёт,
И вдохновение волшебное придёт!

Свиданье с провинцией

Получив кредиты доверия.
Жду свиданья с провинцией.
Там суровые лики и лица,
А в домах — открытые двери.
От часовых периодов,
Кожаных пыльных диванов,
Капель на зеркале в ванной
И от машинных приводов —
К уюту старого дома.

Где нет замков и заборов,
К вгковой прохладе садовой
С крепким чаем и разговором!
Сегодня имею смелость
Краски взять разноцветные,
Не важно: черные, белые…
Испытаем дружбу на крепость!
В небе жаворонок проснулся,
Житие-бытие воскрешает.
И провинция нас утешает,
Даже если весь мир отвернулся!

г. Карталы

Нина Белых

Мой гость ночной, мой дождь в июле

* * *

Я жду дождливый перебор
по листьям облетевшим.
И молоком туманы с гор —
предвестники тоски.
И меж домов сосновый бор,
где островки проплешин,
И в небе журавлиный хор,
сжимающий виски.

Когда настанет этот час,
душа неизлечима.
Спеша, зацокает в карниз
мой долгожданный дождь.
Протяжный колокольный бас
польётся нестерпимо.
Забьётся одинокий лист,
не унимая дрожь.

И вдруг настанет тишина,
и ночь накроет город,
подмяв, как курица цыплят,
озябшие дома.
Ах, как мне эта ночь нужна,
как час мне этот дорог,
когда вдали вершины спят,
закутавшись в туман.

* * *

Ну, где ты, звездочка моя?!
Который день туманный полог
тебя, далёкую, храня,
ночами книги тянет с полок.

И вязну я в трясине слов,
в чужих историях-болотах,
плутая в зарослях грехов
вокруг земного эшафота.

И лишь звезда моя тиха —
мигает, как маяк, в спасение.
Моя молитва от греха.
Моё вселенское прощение…

* * *

Топчу листвы скелеты рыжие,
а ветер вдаль уносит выживших.
Ну, вот и август, мной открыженный,
закатом плавится над крышами.

Порвётся ниткою изношенной
остаток дней — поскачут бусами.
И дым над белою порошею
растреплет ветер прядью русою.

* * *

К тёплой ладони хандру прикормила.
Мир за стеклом отголосками лета.
Вкруг родников в Третий спас не ходила,
не целовала рассвета.

Боже, какие рисует картины
август, пронзая до сердца!
Ты мне сегодня принёс георгины,
мною любимые с детства.

* * *

Ах, Анна туманна… Холодной рукою
мою пожимает знобящим рассветом.
Да всё сокрушаясь частит головою,
клянётся взаправду сердешной душою,
что, дескать, «прошло твое жданное лето».
Опять не успела сказать до прощания
о главном. А, впрочем, была бы забота!
Осеннее близится вновь ожидание.
На черном стекле расплывется дыхание,
да псом у двери заскулит непогода.

* * *

сердце как вагон на стыках
больше некого встречать
ем варенье из черники
пью с душицей крепкий чай
а ему бы спелой вишни
чтобы косточкой в закат
кто-то был в совместной жизни
в чём-то вечно виноват
кто-то для никчемной ссоры
находил всегда предлог
под балконом из-под сора
вишни тянется росток…

* * *

Вершины в тумане. На листьях слеза
серебряным блеском играет.
Берёзы промокшей, сплетаясь, коса
к земле тяжело ниспадает.
Зелёный зажегся. Осколки зеркал
разбитого августом лета
метлой торопливою дворник собрал
на крошечной части планеты.

* * *

Листва, промокшая насквозь,
и в лужах пузырей пилюли.
накапал слёз с лихвою горсть
мой гость ночной, мой дождь в июле.
Его не радостен визит —
готовь жилетку вновь, подруга!
Июльский дождевой транзит,
моё тепло везущий к югу.

* * *

Хорошей девушке Рушане

Рушана читает небесные строчки
От буквы заглавной до маленькой точки.
Эх, замысел сложен, плетется интрига.
Ах, как повезло ей — нескучная книга!
Знать, был с хитрецой этот автор небесный,
Словам невесомым под куполом тесно:
Над лесом — экслибрисом витиеватым,
Над озером зеброй бежит полосатой.
Вот стадо баранов над нами пасётся,
И шут в колпаке над земными смеётся.
Амуры кудрявые кружатся в паре.
Мгновенье, и тают в закатном пожаре.
И солнечный лучик, подумав немного,
Поставил три точки в конце эпилога.

Рушана читает небесные строки,
Что пишут на синем весёлые боги.

* * *

Моё почтение калине
горькой
Пирог нарезала, сложила
горкой.
А к чаю — мёд-янтарь, отвар
живительный.
Чего в дверях застыл?
Али стеснительный?
Долу опущены глаза
зелёные.
Не вы ли на меня надысь,
влюблённые,
смотрели омутом, покрытым
тиною?
Отведай-ка пирог с начинкой
винною!
Задёрну шторки я плотнее
к вечеру.
Людской молве о нас судачить
нечего.
А коль охота им — на то язык
метлой,
так всё застелется по осени
листвой.

* * *

не туши свечу пока
сон не взял в охапку
белый парус потолка
в форточку зюйд-ост
кот — в полосочку бока
окунает лапку
в море-лужу молока
измеряя рост

как в уключине весло
стонут сосны в чаще
лист озябший сорвало
словно якорек
и ломая занесло
сентябрём штормящим
за промокшее стекло
к нам на огонёк

г. Трехгорный

Тулеген Наурзбаев

В уральском вырос я посёлке

* * *

Тропкой выйду к речке,
Над обрывом сяду,
С плеском волн сердечко
Застучит как надо.

Обведу долину
Пристальным я взглядом,
Мысленно картину
Нарисую с садом.

Красотой сражённый
У реки в час ранний,
Стану озарённым
В утреннем тумане.

Тёплый ветер тронет
За рукав рубашки,
На ладонь уронит
Погадать ромашку.

Радость и тревога
Зародится в сердце,
За бугром отлогим
Повстречаю детство.

Памятью заполню
Душу, не морокой.
Как делился, вспомню,
С другом хлебной коркой.

Пусть нещадно годы
Сердце раной метят,
Но важней природы
Нет на белом свете.

И, наверно, предок
Молвил так же сыну,
Был отчизне предан,
Как река — долине.

Утро в деревне

Красот заморских не любитель,
До слёз растроган вновь тобой.
К тебе пришел, моя обитель,
Ушедших дней храня любовь.

В уральском вырос я посёлке,
На юге без лесных щедрот,
Где лишь берёзовые колки,
Паслись отары, личный скот.

Но ты в степи полынью горькой,
Звала под скромный дядин кров,
Как громкий плач сквозь сон ребенка,
Как говорящий взгляд без снов —

И к нам, забывчивым, порою.
Тебе тепла не заминать.
Открыта сердцем и душою,
Любима, как родная мать.

Оздоровляюще так спится
На свежескошенной траве.
Уже в саду распелись птицы
Над крышей дома, в синеве.

И в этом долгом птичьем пенье
Сверкнёт прохладный луч росы…
Как ощутимо пробужденье
Здесь
в предрассветные часы.

г. Троицк

Евгений Кривоносов

Цветет калина юности моей

Зачем

Как часто мы уходим
От тех, кто нас любил.
Мы лучшее находим, —
Нас Бог благословил.
Забыть хотим мы прошлое,
Плевать на то, что было.
Там, впереди — хорошее,
Прожитое — постыло.

А на поверку — новое —
Пережитое, старое.
Ненужная обнова,
Колючая, шершавая.
И начинаем мучиться,
Вопросы задавать.
Воспоминанья крутятся —
А стоило ли рвать —
И понимаем, что глупим,
Не Бог благословил,

Зачем же мы уходим
От тех, кто нас любил.

Весна

Отзвенела, отпела капель.
По сосулькам сбежали слезы.
Закружился мохнатый шмель
Виражами вокруг березы.
Между сосен шагает апрель,
На руках несет рыжее солнце.
И клубится седая прель,
Проникая в мое оконце.
Порассыпалась громкая трель,
В вышине колокольчиком звонким.
Кроха-птичка задула в свирель,
Долетев до родимой сторонки.
Я вдыхаю дурманящий хмель,
Улыбаясь зеленой красавице.
И вращает меня карусель
И качает, как горького пьяницу.
Унеслась, улетела метель,
Захватив бессердечную стужу.
Мне весна застилает постель,
Из лучей выткав нежное кружево.

А ты цвети

Когда-то шифер был, как сахар, белым.
С отцом меняли много лет назад.
На крышу я, хоть был не очень смелым,
Взбирался храбро, устремляя взгляд.
С конька смотрел на домик — там Галина,
Моя любовь, нет никого родней.
А за окном цвела, цвела калина,
Цвела калина юности моей.
Прошли года, дождь смыл белила с крыши,
Окрасив шифер в черно-бурый цвет.
Казалось мне, я на минуту вышел,
А возвратился через сотню лет.
На голове моей лежат седины,
Наш дом стоит, нет ничего родней.
А под окном цветет, цветет калина,
Цветет калина юности моей.
Как много лет с поры той пролетело,
На крышу я теперь не заберусь
И, с высоты девчонку в платье белом
Завидев, нежно ей не улыбнусь.
Давным-давно расстались мы с Галиной,
Не запустили в небо голубей.
Ты под окном цвети, моя калина,
Цвети, калина юности моей.

Ты у меня одна

Сегодня он танцует вальс,
А завтра родину продаст.
Он слушал «голос», будто вор,
Знать, скоро свалит за «бугор».
Сегодня он джинсу одел,
А завтра будет не у дел.
По вечерам он виски жрет —
Так быстро родину пропьет.
Сегодня пел под рок-энд-ролл —
За пазухой, знать, держит кол.
А в выходной послушал джаз —
Скосил на Запад мутный глаз.
Резинку смачно пожевал —
Вот он Отчизну и продал.
Порочит наш советский строй:
— Взашей его! Ату! Долой! —
Я ж натощак махры курну,
Кислушки вмажу поутру,
Обуюсь в рваны кирзачи.
— С тобой, родная! Не кричи!
Ты у меня всегда одна!
Любимая моя страна!
Пью за тебя! — и под баян
Валюсь в пахучий твой бурьян.

Подари мне

Подари мне улыбку с мороза.
Я к прохладным губам прикоснусь.
Руки нежно на плечи поло́жу,
Растоплю снежно-белую грусть.

Принеси на ресницах снежинку —
От дыханья вспорхнет мотыльком,
И по комнате плавно закружит,
И замрет над накрытым столом.

Захвати с собой кисти и краски,
Я украшу узором стекло.
В дом поселится зимняя сказка,
Нам расстелет любви полотно.

Донеси свежесть первой метели,
Приложу я к горячим щекам.
Две ладошки, что душу согрели,
Расцелую, прижму их к губам.

Моя Россия

Я люблю тебя, моя Россия! —
За твою рябиновую гроздь,
За твои березовые сини
И за наше русское «авось»!

За луга, пропитанные медом,
За пчелы прерывистый полет.
За траву, что укрывает пледом,
И за наше «точно пронесет»,
За твои распаханные нивы,
За печаль, сиреневую грусть,
За коней, за их густые гривы
И за наше — «плевать! И пусть!» —
За отчаянность, гордыню и ухарство, —
Словно мы последний день живем.
За хмельную удаль и бахвальство
И за наше «все переживем!»,
За радушье, за любовь, беспечность,
За хлеб-соль, за крики журавля,
За — авось — что будет с нами вечность,
И за то, что родила меня.

Объявление

Прочитал в газете я: продается счастье,
Или можно обменять на два любых ненастья.
Я прикинул в голове: «Да у меня несчастий
Только по обмену на десяток счастий».
Покидал несчастья я в большой мешок.
Побежал по улице, не жалея ног.
Наконец избавлюсь я от наивной глупости,
А взамен я отхвачу очень много «умности».
За робость, нерешительность — попрошу нахальства.
Сколько раз я слышал: «Наглость — это счастье».
Обменяю лень на деньги, скуку — на веселье.
За болячку получу здоровье и терпенье.
Скромность просто выброшу, —
Вдруг кто подберет.
А вот славы наменяю — на сто лет вперед.
Подбежал к раздаче — вывернул мешок,
На прилавок вывалил гадости клубок.
Не дослушал старый дед —
Он все понял сразу.
Молча подал мне пакет
С счастьем по заказу.
Который год я бегаю, старика ищу,
Пакет со счастьем менянным
Вернуть ему хочу.
В пакете оказалось все:
И боль, и страх, и мука,
И ужас расставанья,
И встреча, и разлука,
Надежда и страданье,
И вера, и отчаянье,
И сила, и сомненье,
И радость, и волненье.
И сладко-трепетная дрожь,
И белый снег, и теплый дождь,
И бьющая по сердцу кровь,
А имя этому — любовь.

г. Трехгорный

Феликс Андреев

Мне остается Ночь и моё Будущее

Лето кончилось…

Данность дождя — лета скончание.
Зонт доверительно непритязателен.
Мне позволено непозволительное:
сортировать в ладонях
звенящую монету капель.

посекундно отмеряющая переходность —
от звукоПолёта
к звукоПадению!..

Неприступная

Т. П.

скользкая
узкая…
Над размытостью
поступью
Строя…

Бровь за ретушью.
Желтых картин
с-незапамятных-снов-вечеров
вглубь тепла
в синеокую завязь озёр

камышами ресниц
шелковистых…

* * *

Яне Якушевой

чиста и спокойна, как вода.
Руки — струями — в чёрной воде…
бусины-перлы — шаг за шагом…
За гранью лица,
за правом присутствия…

Знать,
как бесконечно бывает…

и не дойти до Большого Круга!

* * *

Aliis inserviendo consumor![*]

…мой дом на небесах…

В бездонной черноте бочки
где ещё не выбита пробка жизни
и картина болезни
рисует мне всполохом зажжённой спички
тонкое кружево жёлтого…

Я вспоминаю
и узнаю силуэты:
чёрных — цветения — линз,
— солнечные — цветения — под!,
обрамлённые солнцем,
отвоёванных у Солнца…

…Винсент, мой мальчик!..
Что здесь н е т а к?..

По кромке света,
по ожерелью из лепестков —
ладонью прижимая стать листопада,
в бледном сне… Пружинящим шагом
лучи их тонкими лапами
вплетаются в рыжую бороду,
в разлёт бровей,
в седину короткостриженных волос.

Лимонный, постзакатный —

Мост между нами в рост!
(Его выпуклое тело,
проросшее сорняками неверья,
кровоточит элем сосновых досок…)
И только красок, купленных
«в зачёт…» Разноголосица разносплетений:

Он вырос из мечты.
Над пропастью,
над речью…
над «Всегда!»

…жёлтый с зелёным приведут на небо,
красный с синим — подарят Ночь,
а яркая охра пустыни
прольется безжалостным Солнцем,
ибо «Любовь к искусству
уничтожает подлинную Любовь!»

Путь краток и горек.
Мне остается Ночь и моё Будущее:

«…Боже, как я хочу домой!..»

В большом окне Вселенной —
на дне бездонного озера —
в Его тишине
очищу сердце…

г. Геленджик

---

[*] Светя другим — сгораю сам.

Галина Енюшкина

Великая тайна была

Сидит дед Матвей на завалинке, «козью ножку» закрутил и покуривает. Сам с бородой взлохмаченной и седой, на старичка-лесовичка похож, но ребятишки-то знали, что он очень добрый и рассказывать мастер. Вот и устроились возле деда, слушать приготовились.

Алешка, вихрастый мальчишка, самый любитель-слушатель, ерзает на коленках и нетерпеливо роняет: «Деда Мотя, расскажи про город, а?»

Дед Матвей кашлянул, может, от старости, может для солидности и начал: «Давно это было или недавно, но говорят, что есть еще в тайге люди и звери, которые помнят эти дни и события, а может, им их родители рассказывали…

Жили в столице люди-правители, которые правили государством всероссийским. Судили да рядили они, заседали, важные вопросы решали. Вот и решили построить город и завод, про который никто бы не знал, и не ведал. Это великая тайна была. В этом городе стали бы жить и работать люди, выполнять все приказы: строить изделия, о которых никто и знать не должен. А город должен стать чудо-городом.

На Урале тайга богатая. Даже заморские птицы не сравнятся с нашими. Одни тетерева чего стоят! Белки да волки, медведи да лисы, лоси-красавцы. Любо-дорого смотреть на красоту эту! Лесная кошка — рысь, хотя и красавица, чувствовала себя вольным зверем, опасна, всегда начеку будь. Прыгнет, не справишься с ней! А сколько ягоды лесной полезной, пахучей: брусника, черника, клубника. А клюквенные места, какие были… Они и сейчас есть, только редко их встретишь.

Так вот, прилетели в наши края правители на чудо-птице место выбрать, где город строить, надо такое найти, чтобы трудно его было бы врагам отыскать.

И нашли-таки! Место на котлован похоже. Болота топкие, туманные, кругом горы. В самый раз место для стройки: ни пешком не пройти, ни на лошади не проехать! Не то, что ворогам, самим трудно добраться!

Между гор Бархотник, Завьялиха да Шуйда — места топкие, туманные. В самый раз град построить, со всех сторон закрыт будет.

Место определили и послали сюда первых строителей. Они палатки ставят, сапогами грязь месят, но выполняют приказ, строят город, строят завод.

В палатках жили люди. Они-то и были первыми. Первую улицу так и назвали в честь строителей: ул. Строителей.

Выстроили бараки, — так назывались одноэтажные, длинные дома. Люди рады были, от ветра к теплу прийти можно, спрятаться, от медведя и рыси скрыться легко. Вьюга воет, а возле печки хорошо : тепло и уютно!

Сильные строители, молодые. Многие поженились здесь, завели семьи, детки родились, а страшно одних-то оставлять. Вот и решили комнату выделить деткам. Так появился первый детский сад в бараке…

Вскоре задымили трубы заводские, праздник для строителей пришел. Да и как же. В срок успели задание выполнить. Школа, больница появилась — людей лечить надо. Заехали в городок ремесленники, пекари, врачи да учителя, и лечить надо, и учить надо. Росли люди, рос город, людей все больше и больше становилось, а своего-то названия город и не имел…

Вот и решили правители нашего города посоветоваться с жителями города. У каждого города должно быть свое имя. Стали люди писать, звонить нашим правителям, как бы хотели они назвать свой город. И посыпались письма в главный дом, люди-то грамотные, все писать умеют.

Опять судят да рядят. Как же город-то назвать? Много дум передумали и решили: коли спасали людей от ворогов да лазутчиков наши три горы Шуйда, Завьялиха да Бархотник, так тому и быть, город между трех гор и название ему — Трехгорный. Вот город своё имя и получил, а имя, как лицо, всё понятно, да и как не понять, коли мы средь трех гор живем, трудимся, солнце встречаем, зарю провожаем. Это наш родной уголок со своими красотами.

Дед Матвей замолчал, насыпал махорки на газету, ловко скрутил «козью ножку», закурил. Глаза у деда погрустнели, видно, далекое время он вспомнил, в молодость заглянул.

Мальчишки, смиренно сидевшие и слушавшие деда, загалдели сразу все вместе: «Дедушка Мотя, а расскажи нам про горы! Ведь ты и про них сказки знаешь».

Дед Матвей переставил затекшие ноги, обутые в валенки, улыбнулся своим мыслям и сказал: «Расскажу, ребятки, но это в другой раз!»

Дым, выдохнутый дедом, рассеялся возле его головы.

Горы Уральские

Как всегда, дед Матвей сидел на излюбленном месте. Ребята старались сегодня не шуметь, не досаждать деду лишней суетой. Как-то необычно было им видеть, что дедушка Мотя не курит. Это настораживало их, потому что ребята знали, — не курит, значит, был у деда сердечный приступ, после которого он старался «поберечься». Вот и дети старались окружить его вниманием, конечно, каким умели.

— Как, дедушка, здоровье? — Виталик был спокойным и ласковым мальчиком, но всем своим видом хотел подчеркнуть, что уже вырос из детского возраста.

Иришка трогательно положила ладонь деду на лоб и тревожно спросила, нет ли температуры.

— Ничего, детки, вот с вами поговорю, пообщаюсь, и полегчает малость, — тронутый вниманием ребят, — ответил всем сразу дед Матвей. — Сердечко стало пошаливать. Я ведь обещал вам рассказать про Уральские горы-то, а обещание выполнять надо.

— Было это так давно, что точно никто не знает, когда это случилось. Земля была разделена на два материка: Европу и Азию. Из вод морских появилась суша, земля, значит. Поселились на земле звери всякие, птицы невиданные, а из степей прикаспийских выполз Змей-Полоз. Красив очень. Отливается самоцветом, чешуя хрустальная, внутри огонь пышет, как у трехглавого Змея Горыныча, жилы медные, да кости рудные. Рос этот Змей-Полоз не по дням, а по часам. Ползет, решил всю землю опоясать. Прямо полз сначала, а потом вилять начал. Извивался, извивался, до льдов холодных морей дополз и задумался, как же дальше ему быть? Решил он через холодные моря напрямик перемахнуть. Хоть лед и толстый был, а полоз — целая махина! Как выдержишь? Вот лед и треснул, осел.

Но не сдается Змей-Полоз, по дну морскому пошел брюхом, а хребет над морем торчит. Такой огромный Змей разве утонет? Только холодно стало ему. Море-то не лужа, да еще холодное. Какой бы горячей не была у Полоза кровь, а море не нагреешь! И начал Полоз остывать с головы. А раз голову застудил — и туловищу конец. Стал коченеть, а вскоре совсем окаменел. Так получилось, что соединил Европу с Азией.

Остыла в нем горячая кровь, в нефть превратилась. Мясо — в руду. Ребра — отрогами стали. Позвонки и хребты в скалы превратились, чешуя самоцветами засверкала, а все остальное в соли красные да алмазы ясные, в серый гранит да золотистый селенит.

Прошли века. Каменистый великан порос ельником, сосновым раздольем, кедровым весельем, лиственной красой, и никому в голову не придет, что горы, которые мы называем Уральскими, когда-то живым Змеем-Полозом были.

Удивленные глаза ребятишек, направленные на деда Матвея, ожидали от него продолжения, но дед по привычке полез в карман за махоркой и, вспомнив, что решил «поберечься» положил руку на колено.

— Устал я что-то, ребятки. Пора домой заходить, а вы в гости наведывайтесь. Мы с Варварушкой будем рады вам. Так в субботу-то и приходите. Бабка всегда блины по субботам печет.

На том и порешили.

Сказы дедушки Матвея

Из домика деда Матвея вился сизый дымок. Сам хозяин, стоя у ограды, и вглядываясь вдаль, кого-то поджидал. А вот и появилась гурьба ребятишек и девчонок. Дед широко улыбнулся, — он всегда был рад им. Что приносили они с собой? Детство или юность, ему самому было непонятно, но с ними он переживал редкие минуты радости.

Ребята подошли к калитке и хором поздоровались. Так же гурьбой ввалились сначала во двор, потом — в дом.

Бабка Варвара, прожившая с дедом уже золотой век, все еще хлопотала возле печки.

Поздоровавшись, ребята остановились у порога, притихли.

— Варенька, я тебе гостей привел. Где там наш душистый земляничный чай? Ну-ка, помощники, давайте-ка, помогайте ей!

Наташка, самая шустрая среди девчонок, быстро освоилась в избе и подошла к Варваре, сухонькой, но еще очень проворной старушке.

— Вот, внученька, блинчики на стол ставь да чашки с блюдцами, а ты, Мотюшка, ласково обратилась она к деду, уж сам самовар-то неси, чтобы ребятишки не ошпарились, да варенье не забудь…

— А вы, быстренько руки мыть, еда чистоту любит, — по-хозяйски скомандовал дед Матвей.

Как дорогих гостей дед Матвей и бабка Варвара потчевали ребят, разлив горячий чай по кружкам и передвинув блины на середину стола.

— Кушайте, детки, кушайте варенье земляничное — силы наберитесь, пейте чай земляничный — кровь по жилам лучше бегать будет… Очень полезная ягода, — бабка Варвара ласково смотрела на ребят, подперев одну щеку рукой.

Изба наполнилась ароматом душистого земляничного чая, слышались хлюпанья, звуки, сопутствующие чаепитию, да иногда гремела мелким звоном посуда. Пиршество подошло к концу. Пришло время рассказов и историй, приключений и сказок.

Пока дед Матвей курил свою «козью ножку», девчонки быстро вымыли посуду, убрали все со стола, кроме самовара.

— Про Полоза я вам рассказывал — начал хозяин. — Так вот получилось, что здесь, на Урале-то, начал он остывать, ну кому хочется в руду превращаться? Боролся он, боролся с этим: как вскипит, как выбросит руду наружу, как рассыплет её мелкими брызгами по земле! Но не мог перебороть Природу Полоз!

Природа, Земля-матушка, сильней оказалась. Пригрело солнышко весной, дождичек полил Землю и там, где упали маленькие кусочки железа, зацвели нежные цветочки, белые, как платье невесты. Над ними летают бабочки, жужжат шмели, пчелы лесные. Запах дурманит своим нежным, но стойким ароматом. Радуются цветы, — любят их все. Всем они нравятся, и летает над ними мошкара лесная, стрекочет стрекоза…

Но Весна ушла, пришло Лето, опали лепестки у цветков, остались только маленькие зеленые комочки. Не летают больше над ними пчелы, не жужжат жуки, только муравьи иногда останавливаются и поводят своими усами.

Грустно стало, обидно, и комочки пригнули свои головки вниз. А Лето обходит свои владенья и проверяет, все ли в природе в порядке. Вот и бугорок, вот и лесок, да что-то грустные стоят маленькие комочки, к Земле поникли. Улыбнулось Лето, легким ветерком обдуло, солнечным лучом осветило, пригрело, теплым дождем полило, чтобы знало растение, что нравится оно всем, и название ей Лето дало. Раз к Земле головой льнет, поникло, быть ей земляникой. Раскраснелась земляника от внимания да солнечного тепла и света, от воды налилась соком, выросла и превратилась в сочную ягоду Землянику.

А в ягоде этой много железа, которое полезно для каждого организма. В ней здоровье, крепость. Вот почему люди, которые любят её собирать, едят по стакану в день — здоровые да румяные. Через ягоду в организм железо добавляют, — дед улыбнулся и посмотрел на притихших ребят.

— Ну, что, пойдем за земляникой?

Ребята загалдели, наперебой начали перечислять, кто что с собой возьмет, у кого какая корзиночка для лесной красавицы.

Сбор назначили на среду, к четырем часам утра. Витя, любивший долго поспать, расстроено посмотрел на деда Матвея, что, мол, так рано? А дед, медленно закрыв и открыв глаза, сказал: «Кто рано встает, тому Бог дает».

Наша речка Юрюзань

Смачно пришлепывая губами по газетной закрутке, дед Матвей оглядел ребят, словно хотел в чем-то удостовериться, и улыбнулся, понимающе кивнув всем сразу.

— Расскажу, расскажу. Историю припас я для вас, не волнуйтесь, но всему свое время, еще деревеньку надо пройти.

Ягодники и в самом деле заметили старые крыши домов, которые светились грязно-серой краской истлевших досок, но более ничего ими замечено не было. Поэтому ничто у ребят не вызвало любопытства.

Дорожка повела ребят вниз, а не в гору, и стало немного легче шагать.

— Ну вот и на месте мы, собираем все дружно ягоды, а ровно к 12 часам жду всех вон у той сосны, — дед показал рукой направление — собираемся.

— Самую жару передохнем в лесу, а потом домой! Далеко друг от друга не отходить, это тайга, ребята, мало ли что!

Для ориентира Наташка, опытная в этом деле девчонка, повесила на сучок белый платок и ярко красную веревочку. Внизу под опознавательным знаком громоздились их рюкзаки, корзинки и припасы в них. Набрав кружку ягод, можно было вернуться и высыпать в свою посудину, с новыми силами набирать следующую кружку.

Все рассыпались по лесу как горох, скатившийся со стола. Замелькали платочки, разноцветные кофточки, послышались шлепанья ягод о дно посудинки.

Ребята сновали туда и сюда, как челноки у швейной машинки. Гул голосов то стихал, то вдруг вырывался на волю, и тогда ничего нельзя было понять: кто что говорит.

Дед Матвей услышал, как забулькала вода из бутылки. Кто-то, значит, захотел попить. Постепенно движения у ребят становились все медленнее и медленнее, и усталость проявлялась все ярче. В воздухе залетали надоедливые мошки, комарики, которые все безжалостнее делали свои налеты на открытые и закрытые места человеческого тела, и слышались не только шлепки, но и визг , как плата в честь укусивших налетчиков.

Вот и полдень. Счастливые и довольные ребята начали собираться у заветной сосны, где им указал дед Матвей.

Первые прибывшие сборщики ягод гордо показывали друг другу свои ягоды и выбирали места , что для отдыха были бы поудобнее. Солнце уже поднялось и заставляло ребят укрыться от её жарких лучей. Когда все были на условленном месте, было принято решение спуститься на берег речки.

Спустившись со склона к реке, ребята и дед Матвей оказались на берегу, где бурлила вода. Из-за многочисленных порогов река резко несла свои воды направо, огибая небольшой островок, на котором громоздилась огромная каменная глыба. Вокруг были рассыпаны камешки разной величины и виден песок, который искрился от солнечного света, особенно после дождя.

Дед расположился рядом с Анютой и Наташей, провел рукой по подбородку и начал свою историю:

— В той деревне, что вы видели, жила одна сиротка. Мать её умерла, когда она еще ходить не умела. Вот и росла она у тех, кто приютит, да пригреет. У кого поживет — у того и научится какому-нибудь делу. Научилась и ткать, и шить, и вязать.

Пробежало время, выросла девочка, девушкой стала, всем на диво, с косой русой, лебединой осанкой. Голос звонкий да чистый, словно ручеек журчит. И характер был золотой, да и не только характер. И руки её золотыми называли: за что ни возьмется — все получается. А добрая да ласковая была. И имя у неё ласковое Ёрусан. Реченька, значит.

В соседней деревне жил парень молодой. Звали его Ильвер. Всем хорош: чернобровый, высокий и статный, да мастер, каких свет раньше не видывал. Дерево в его руках превращалось в сказку, узоры оживали на глазах, когда на них смотрели. Народ любовался его работой, видел, сколько любви, души, частички сердца Ильвер вкладывает в свое занятие.

Полюбили молодые друг друга, мечтали построить свой дом, детей вырастить. Да не суждено было их мечте сбыться.

Как-то раз поздно вечером зашла в деревню Беда. Никто и не подозревал, что с ней и связываться-то опасно, не то чтобы помочь. Пристала Беда к Ильверу, — научи её своему ремеслу, да научи!

Парень добрый, отказать не смог. Учит её своим премудростям, она и хорошеет, да молодеет, а парень слабеет да хиреет. Видит Ёрусан — чем может Беда навредить парню, понимает она, что погибает он, но гордый Ильвер помощи от девушки брать не хочет. Перестал замечать Ильвер свою любимую. Вроде и смотрит на неё, а не видит.

А Беда свое дело знает. Привела мастера к сосне, улыбается ему, а он с неё глаз не сводит, совсем приворожила его. А Ёрусан бежит к милому, крикнуть хочет, чтобы тот остерегся, очнулся от дурмана, — голос пропал, машет рукой, — да не видит её мастер.

Вдруг раздался страшный гром, да такой силы, что только с концом света сравнить можно. От взрыва дым поднялся. Остановилась девушка как вкопанная. Дым постепенно рассеялся. Видит она, превратился Ильвер в огромную глыбу, а Беда исчезла. Голос парня эхом отозвался: «Прости, родная, прощай моя реченька. Будь счастлива…». Слезы покатились из глаз Ёрусан.

Обняла она руками глыбу, льнет к ней, нежно рукой гладит, а слезы все текут и текут. День стоит Ёрусан, ночь, все оплакивает своего милого, утро раннее на землю пришло с ту-

маном и росой, с ранним пением птиц. И вдруг ,большое облако вокруг глыбы обступило, туман стал опускаться вниз, и когда он рассеялся птицы увидели, что нет Ёрусан, исчезла, а вода омывает глыбу, своими брызгами бьет о камень. Потом нежной волной, словно рукой, проведет по основанию и отхлынет от него.

В то раннее утро птицы и разнесли новость, что появилась новая речка Ёрусан. Со временем все стали называть её Юрюзань и только старые жители гор помнят старое её название.

Дед Матвей удобнее уселся на камень покрупнее. Предложил ребятам выкупаться в теплой воде, представил себе свежесть летней реки.

Ребята шумной гурьбой побежали к реке, снимая на ходу с себя одежду. Платья, брюки, майки, рубашки — одежда разного цвета и фасона «украшала» берег.

Гомон подростков напомнил деду Матвею о времени, когда он приходил сюда, на берег речки со своими сыновьями Костькой и Васяткой. Как давно это было! Каким сильным и молодым тогда был Матвей! Давно нет сыновей, они погибли в первый год войны, в 41-м! А он живет… старый, седой.

Понемногу стихал шум. Ребята, получив новый заряд бодрости, приближались к деду, а он в который раз смотрел своими добрыми старческими глазами на детей, в них светилось счастье от общения с ними.

Собравшись в обратный путь, дед Матвей поклонился по пояс сосенке:

— Спасибо тебе, за пристанище.

Замок «Тик-так»

В замке «Тик-Так» жил был Час. Он был очень важным и строгим хозяином. Обходил свои владения, делал замечания, а как обойдет все кругом, напоминает своим служащим, что сейчас надо делать, что потом. Всегда следил он за порядком, да и сам его поддерживал. Однажды пригласил Час к себе на бал соседей, среди которых оказалась Минутка. Веселая, быстрая, стройная… Понравилась она Часу.

«Хорошей хозяйкой будет Минутка в доме», — подумал он и решил жениться на ней.

Ох, и громкая, звонкая свадьба была: с колокольным звоном, с громким боем! Зазвенел в Замке чистый голосок хозяйки. Счастливы молодые! Выбирали время и для работы, и для шутки. В Замке были слышны и песни, и прибаутки. Так и жили в любви и согласии.

Минутка везде успевала. Хозяин один раз обойдет Замок, а Минутка 60 раз успеет пробежать железные палаты, везде порядок навести, со всех слуг спросить!

А вот и новая радость, новое счастье пришло! Родилась у них дочка — быстрая, шустрая, легкая. Назвали ее Секундочкой.

Мама была быстрая, да за дочкой не поспевала. Пока Минутка один раз обойдет Замок — Секундочка 60 раз успеет обежать его.

Но однажды дочка заболела. Испугались Час и Минутка. Ничего не поймут, что случилось с их дочкой. Голова болит, ноги подкашиваются, слабость… И даже такой строгий отец не выдержал: за порядком не следит, встанет и молчит. Мать Минутка вздыхает да горько рыдает.

Не выдержал Час. Доктора вызвал, который недалеко от них жил.

«Доктор Часовщик! Помоги нашей дочери, если она погибнет, и нам не жить без ее веселого щебетания, легких шажочков. Все не в радость, даже работа, которую любим», — сокрушается Час. Осмотрел доктор Секундочку, сердечко ее послушал и понял причину болезни. Бегала она по улице, по Замку, запылилась и температура появилась. Полечил ее доктор: почистил, смазал и дал рецепты всем сразу:

Недаром тот может гордиться,
Кто славно умеет трудиться,
Хорошо, что живете заботами,
Но нельзя жить одною работою.
Помните всегда и знайте:
Поработали — отдыхайте!
Но самое главное
Скажу вам сейчас:
Работе время — Потехе час!

г. Трехгорный

Любовь Хабарова

Огляжу с высоты я красивые дали

* * *

Почему ж мы теряем веру?
Веру в счастье, надежность, силу?
Благородство уже не под силу?
А любовь? Все слова без веры…
Произносим, не чувствуем правды
Оттого и на сердце больно,
Что слова стали просто звуком
Сердце бьется тяжелым стуком
Где любовь, где надежда, где вера?
Почему я другим не верю?
Потому что меня предавали!
Подлость в жизни я испытала!
Ложь и трусость я так же видала,
И мне стыдно за то, что нет силы
На земле, чтоб меня защитила:
От бури, ненастья и вьюги.
Если надо, от злой подруги.
Пусть не радуются мои недруги.
Все равно есть Защита свыше
Бог все видит, и Он все слышит!
Не дает испытаний без меры…
Очень плохо, что теряю я веру…

* * *

Любуясь красотой Урала,
Стихи слагать о нем я стала.
Как в песне, кружится она.
С деревьев сброшена листва,
Что летом нежно укрывала —
Березы, клёны и дубравы
Зеленым мягким покрывалом…
И осень, что зиме подруга,
Ко сну готовит всю округу,
Чтоб зиму сладко отдохнуть
Природе, а весной — проснуться,
И ясну Солнцу улыбнуться,
Готовясь к новым одеяньям,
Из века в век неся преданья
О том, что ничего не вечно,
И наша жизнь не бесконечна.

* * *

Побольше радостных эмоций,
Ищите радость вы во всем:
Что день настал, сияет солнце
И даже, если ветер — гром!
Гроза уйдет и воздух — чист.
Природа, после омовенья
Сияет — просто загляденье!
А в небе радуга видна,
Возможно, даже не одна.
В горах ответит эхо громко,
В лесах ручей смеется звонко,
В полях, пшеница золотится,
Возможно, вновь мелькнет зарница.
А ночь — одарит звездопадом,
Луна осветит вас в награду…
Вы это счастье — рассмотрите
И… берегите… берегите!!!

* * *

Цените жизнь, не только близких,
Смотрите — мир такой большой!
Вы руки солнцу протяните,
В лучах всю радость соберите
И поделите меж собой!
Когда тепло нашей вселенной
Сомкнётся, опоясав шар,
Тогда понятно станет людям,
Что жизнь — божественный им ДАР!

* * *

Говорят, как живёшь, так и песню слагаешь
Про любовь настоящую и о счастье мечтаешь.
Красотой любоваться — никогда не устану,
Если надо, рукой я до неба достану,
Полечу в небо, ввысь перелетною птицей,
Чтобы воздухом чистым я смогла
бы напиться.
Огляжу с высоты я красивые дали,
Восхищаюсь полями, горами, лесами!
Реки нежно струятся, извиваясь игриво,
Задыхаюсь от счастья — как все это красиво!
Красотою такой любоваться несложно.
Просто вы оглянитесь и красе улыбнитесь.

* * *

Хочу любить, мечтать, летать,
Стремительно взвиваясь в небо!
Ведь в МОЁМ МИРЕ никто не был,
Лишь только я в мечтах своих.
Хочу любить неистово и страстно,
Огнём всю душу обжигая
И всё ж, любовь оберегая,
Своё я сердце закрываю,
Боясь идти вперёд за ним.

* * *

Приходим — уходим, теряем — находим.
Мы в поисках счастья по свету все бродим.
Кто взгляд беглый с неба и солнца не сводит,
Такой мимо счастья тихонько проходит.

Кто в землю глядит, видя грязь в ней и лужу,
То в сердце такого всегда только стужа.
Вы сердце своё для любви берегите,
В глаза и сердца всех людей посмотрите.
Вы пару свою, непременно найдёте —
Тогда вы и счастье свое обретёте.

* * *

В моё рожденье — загорелись звёзды,
Судьбу счастливую мне предвещая,
Но заблудилось моё счастье по дороге,
Я всё ж его найду, теперь я это точно знаю!

* * *

Люблю мерцанье звёзд и солнечные брызги,
И снегопад, туман, и ветер, и буран…
Всё это — жизнь нашей Планеты
И мы за мир на ней всегда в ответе.

* * *

Я и Моё сознанье, мы можем разделиться,
Душа моя, легко так может устремиться
Сверкающей алмазной точкой ввысь,
Пронизывая атмосферу, стратосферу, высь.
Земля из вида пропадает, и где она?
Никто не знает… Душа летит
Уже и солнечной системы не видать…
Что ж вижу я — красоты, благодать?
Нет — тьма вокруг!
Как велико всё мирозданье!
Вернись, моё сознание, назад,
Ещё не время мне там обитать!

* * *

Дорожите любовью всегда!
Дорожите на все времена.
Ведь такое бывает часто,
Что придёт к вам любовь, в ненастье.
Вы любовь эту — свято храните,
От завистливых глаз берегите.

* * *

Семья — это Я.
Это мои предки, это мои детки,
Это мои внуки, чтоб не были в разлуке.

* * *

Ночь-королева! Щедра ты на подарки.
Ты землю одеваешь в бархат яркий,
Украсив звездной россыпью, луной —
Свой королевский плащ, а по нему:
Гуляют облака, прикрыты темнотой слегка,
Чтоб шаг твой тихим был,
Ты ноженьки в туманы одеваешь,
И всем любовь на сердце навеваешь.
Ночь! Твоя приёмная я дочь,
Взгляд отвести от неба не могу —
Так сильно я тебя люблю!
Могу смотреть часами на звёзды и луну…
Закрыв глаза, я чувствую тебя,
Настраиваю на Вселенную, любя.
Как быть? Обнять её хочу, но…
Не могу, как сильно этого ни захочу.

* * *

«Расскажи мне сказку — попросила внучка, —
Про страну такую, где не будет скучно,
Чтоб сбылось пророчество — нет в ней одиночества.
В ней сады красивые, люди все смеются,
Дети вместе с папами, по лугам несутся.
Мамы смотрят счастливо, с младшими играя.
Где же есть красивая, где страна такая?
А сейчас иначе: в мире грозы — войны,
Люди погибают по чьей-то злобной воле,
Смотрят телевизор — маленькие дети,
Словно они взрослые и за все в ответе:
За природу сгублену, за низкую зарплату,
За разводы странные, между мамой-папой;
Где-то дети брошены, бегают маньяки
И боятся верить всем, верят лишь собакам,
Кошкам, попугайчикам, в зоопарке — зайчикам,
Но они все в клетке, как брошенные детки.
Как хочу я вырасти — будет все иначе…
Вот, когда я вырасту, я решу задачу!»
Так сказала внучка, СЛОВОМ ставив точку.

г. Нязепетровск

Татьяна Киселева

Майский жук

рассказы

Уж сколько таких сиротливых глаз
Ждут вечно отцов домой.

Катька

Весна в этом году выдалась ненастной. Ещё вчера был солнечный денёк. На дорогах появились первые лужи и весело чирикали воробьи, а сегодня крупные хлопья мокрого снега, падающего из нависших над городом свинцовых низких туч, облепили и прогнули ветки деревьев, превратили появившиеся лужи в кашу из воды и снега, которую разбрызгивали в разные стороны снующие по дороге машины.

Катька медленно брела, попадая носками сапог в этот рыхлый и мокрый снег, не замечая ничего вокруг себя. Занятия в школе окончились сегодня рано, заболела учительница. Идти домой не хотелось. Настроение было такое, как эта мартовская погода. Дома Катьку никто не ждал. У девочки были родители: и отец, и мать, и даже своя комната в двухкомнатной квартире. Отец вот уже как месяц не жил с ними, а с матерью они почти не разговаривали. Катьке было тоскливо и одиноко. Правда, одна радость её ждала — дворовый пёс Рыжик. Они с подружкой отняли щенка у мальчишек, собиравшихся утопить его прошедшим летом в речке. С тех пор кормили, растили Рыжика и играли с ним во дворе. Мать не разрешала приводить «грязную дворняжку» в квартиру.

Пёс всегда ждал Катьку у подъезда дома. И в этот раз, завидев её, со всех ног бросился к ней, виляя хвостом и повизгивая. Подбежав, уткнулся своим носом в её раскисшие от влаги сапоги, а потом поднял морду и, всё так же виляя хвостом, долго смотрел ей в глаза. На душе у девочки стало немного легче. Она поднялась по ступенькам крыльца и вошла в подъезд дома, открыла дверь в квартиру. Мать была дома. Выйдя из комнаты на стук входной двери, не посмотрев на дочь, то ли спросила, то ли просто сказала: «Пришла», — повернулась и скрылась за дверью. «Опять плакала, — отметила про себя девочка, — бледная какая, и глаза красные». Ей вновь стало тоскливо. Катька сняла пальтишко и мокрые сапоги, прошмыгнула в свою комнату. Здесь так же было тихо и неуютно, как во всей квартире. В углу стояла подаренная отцом большая кукла со светлыми глазами и вьющимися локонами. Она с удовольствием играла с ней раньше, рассказывала кукле о школе и о своих друзьях, советовалась с ней. Ей казалось, что кукла понимает её и одобряет взглядом. А теперь ей нечего было сказать своей подружке по играм. Раньше жизнь в их квартире была, как праздник. К отцу и матери приходили гости, звучала музыка, пахло ванильным печеньем. Катьку угощали конфетами, дарили подарки. Родители рассказывали своим гостям об её успехах в школе. Она, нарядная и счастливая, сидела за столом между ними, пока её не отсылали спать.

Дом был пуст. Катька взобралась с ногами на диван, приподнявшись, дотянулась до подоконника и долго глядела на падающие снежинки. «Они такие красивые и холодные», думала она. Затем села на диван, спрятав лицо в подушку, тихо заплакала. Не всё благополучно складывалось после ухода отца и в школе. Порой она ловила на себе насмешливые взгляды одноклассниц, считавших себя первыми в классе. С ними у неё не складывались отношения и раньше. Они шушукались за её спиной, демонстрировали своё пренебрежение и неприязнь при личном общении. Удивило её отношение некоторых одноклассников, особенно мальчиков. Они не смотрели сочувственно, как некоторые учителя, но всегда оказывались рядом, если нужна была их помощь по математике. И Катя, в свою очередь, платила им тем же, на уроках литературы или истории выводя класс из тупика в отсутствии желающих отвечать урок. Эти одноклассники называли её Катей или Катериной, показывая пример отношения к ней: своё уважение, своё расположение. Это ещё больше злило, а порой вызывало зависть одноклассниц. Чтобы отвлечься от горьких дум и одиночества, она всё чаще погружалась в иллюзорный мир фантазий, представляя себя то поющей на большой сцене, то за рулём роскошного автомобиля, как в кино. Доставляло удовольствие и чтение художественной литературы по школьной программе и вне её. Выходные дни она проводила у дедушки и бабушки. Ей нравилось беседовать с ними на разные темы, чувствовать их заинтересованность к её делам и мыслям, их любовь к ней. Часто она отправлялась по дедушкиным «делам», которых у неё было великое множество, держась за широкую и

тёплую его руку. Катька чувствовала себя в эти минуты защищённой от такого непонятного ей пока мира.

Однажды, возвращаясь из школы, она не нашла Рыжика у подъезда дома. Войдя в квартиру, услышала приглушенные голоса за дверью. Заглянув в кухню, столкнулась с любопытным взглядом незнакомого мужчины, повернувшего к ней своё лицо. Мать стояла рядом с ним, счастливо улыбаясь. Катька закрыла дверь. Ей не хотелось больше ни пить, ни есть. У себя в комнате она села на диван и взяла в руки книгу. Мать всё чаще стала оставлять её одну по вечерам, а приходя домой поздно, проскальзывала в свою комнату и ложилась спать. Катька привыкла одна ужинать, садиться за стол с тетрадками и учебниками, предаваться мечтам или читать очередную книжку.

Но однажды всё изменилось. Придя домой из школы, девочка услышала громкие и весёлые голоса, музыку, доносившуюся из комнаты. В квартире опять пахло ванильным печеньем, в воздухе разливался стойкий запах дорогих духов. На кухонном столе ждал своей очереди красивый торт, конфеты в ярких обёртках уложены в самую дорогую вазу, тарелки, заполненные салатами, приготовлены для пиршества. Катька ушла в свою комнату. Чувство одиночества, охватившее её, казалось, парализовало её волю и желания. Глядя на весёлые лужи за окном, деревья, опушённые первой зелёной листвой, легко одетых людей, спешащих после работы в свои дома, она вдруг поняла, что ей сейчас хочется больше всего на свете: собаку. Она бы громким лаем встречала и провожала её выказывая всем своим видом радость от присутствия Катьки. Смотрела бы в её глаза, повиливая хвостом, клала свою морду ей на колени, когда той было плохо. И всем своим присутствием доказывала Катьке, как она ей. собаке, нужна. И как им было бы вдвоём хорошо.

Майский жук

Удивительными свойствами обладает человеческая память. В её тайниках хранятся воспоминания печальные и радостные. Иногда незначительная деталь, какой-то предмет может напомнить целый эпизод из далёкого детства. Обычный майский жук, случайно оказавшийся на рукаве моей куртки прошедшей весной, напомнил мне далёкое детство и настроил меня на размышления о жизни.

Весна и лето — времена года. любимейшие для большинства людей. С оживлением природы, с яркими лучами солнца меняется настроение и взрослых людей и детей.

Во времена моего детства ребятня, живущая в сельской местности, чаще собиралась в «стайки» весной, чтобы погонять мяч или просто пообщаться. С наступления тепла бежала на речку с удочкой или окунуться в майскую, ещё такую прохладную воду.

Ещё одно любимейшее занятие было у нас — это ловля майских жуков. С появлением первой листвы на деревьях на поверхность земли выбирается красно-бурый жук. Чаще всего это происходит под вечер, вдали от жилья. Стряхивает жук со своих крылышек землю, расправляет их и поднимается в воздух с лёгким жужжанием. Обычно жуки летят группами до ближайшего леса подкрепиться молодой и нежной весенней листвой.

Такая жужжащая компания становится лёгкой добычей для птиц и для нас, ребятни, собравшейся где-нибудь на горке с сачками, кепками и просто палками, чтобы сбить низко летящее насекомое. При слове «летит» все напрягаются, готовясь подпрыгнуть и сбить жука. Нас охватывал истинный охотничий азарт. Казалось бы, поймай одного, насмотрись на него вдоволь, потешь свою охоту. Но нет. Нужно было поймать как можно больше, чтобы похвастать перед друзьями своей ловкостью, умением быстро и во время подпрыгнуть вверх пока злополучный жук, ничего не ведающий о своей участи, пролетает над твоей головой. А наутро тишину школьного класса нарушал звонкий визг ученицы, обнаружившей на рукаве или на воротнике школьной формы вчерашнюю добычу. А кто-то из одноклассников довольный, с невинными глазами хихикал у неё за спиной.

С возрастом утрачивается беззаботность. Стирается с лица детское выражение, наивность заменяет серьёзность и сосредоточенность. На человека наваливается масса проблем: работа, семья, дети. Не до воспоминаний о ловле майских жуков. Взрослый человек включается во всеобщую гонку за хорошую жизнь для себя и своих детей. Оглядываясь на окружающих нас людей, приходится иногда потуже затягивать ремень на брюках, чтобы всё было как у других. И мы рвёмся вперёд. Впереди проблемы со здоровьем. Кто-то уже выбыл из ряда бойцов. Смерть близких людей на какое-то время отрезвляет, заставляет задуматься, оглянуться на прожитые годы. Но только на миг. И опять вперёд. Какие уж тут майские жуки.

Приближается день, и ты, пристально вглядевшись, обнаруживаешь вокруг лица людей, рвущихся к жизни, полные сил и молодого задора. А ты свои силы уже поутратил и для них не конкурент. Опомнившись от неожиданных умозаключений, осознаёшь, что пора и о смысле жизни подумать, что сделано тобой, а что ещё предстоит сделать, что упущено. Начинаешь ценить каждый прожитый день.

А однажды весной, выйдя вечером из дома, слышишь знакомое жужжание у себя над головой. Поднимаешь голову и следишь за полётом знакомого тебе с детства насекомого. И тает суровость во взгляде, сменяясь на лёгкую грустинку, разглаживаются морщинки, и грудь наполняется почти детским восторгом при виде низко летящего майского жука.

Далёкое и близкое былое

Воспоминания о былом. Они захватывают нас, всё наше существо, стоит только взять в руки старые фотографии, заглянуть в заветную шкатулку со старыми письмами. Со стен, любовно размещённые в рамочки, смотрят на нас эти воспоминания, эти родные сердцу лица. Как хорошо, что в век электроники мы не бросились уничтожать семейные альбомы и заносить их содержимое на мониторы компьютеров. Мы соприкасаемся с былым иногда мельком, иногда подолгу разглядывая пожелтевшие и потускневшие фотографии. Они способны показать нам нашу жизнь от безоблачного детства до настоящего дня, показать жизнь наших родных. Перед глазами порой проплывают целые эпизоды.

За окном 1952 год, мне 5 лет. Раннее весеннее утро. Тёплые солнечные лучики скользят по белой стене комнаты, отражаясь и переливаясь всеми оттенками цвета в боковых гранях настенного зеркала. Их тепло проникает в поры кожи рук и лица. Меня охватывает чувство умиротворения, необъяснимой радости встречи с новым днём. Приоткрытыми глазами долго слежу за солнечными зайчиками на стене. В доме тихо. Из репродуктора звучит негромкая классическая музыка. Взрослые уже заняты своими повседневными хлопотами, их нет. Вставать не хочется, и я ещё долго продолжаю купаться в покое и счастье встречи с новым днём. Окончательно проснувшись и приподнявшись с кровати, замечаю, что заветный ящик комода слегка приоткрыт, встав, отодвигаю его, и моему любопытному взору открывается недоступное ранее его содержимое. Среди аккуратно сложенных бумаг, не имеющих для меня никакого значения, обнаруживаю коробочку, перевязанную лентой, а под ней странные металлические предметы. Особенно притягивала меня к себе звёздочка, на одном из лучей которой не хватало эмалевого покрытия. Только намного позднее я узнала, что это Орден Красной Звезды, полученный моим отцом за взятие Берлина. А отсутствие эмали на одном из лучей, связано с осколком снаряда попавшего в неё при неизвестных мне обстоятельствах. Так я впервые ещё неосознанно столкнулась с самой жестокой и кровопролитной войной двадцатого века, названной Великой Отечественной. Она раскрывалась передо мной в скупых отцовских рассказах, в военной форме, висящей в шкафу, в отцовском офицерском полушубке, любовно хранящемся матерью в сундуке. Нечто особенное было в том, как общались между собой люди, прошедшие войну, в их посиделках за рюмкой водки, их разговорах, их песнях. В том, как они любили праздники, ощущалось желание жить и радоваться жизни. Они знали цену жизни. Летом в праздник или выходной, если позволяла погода, выходили из домов и устраивались на полянке, несли с собой нехитрую по послевоенным временам еду, и говорили и, пели от души. Мои родители любили петь дуэтом.

Мы ребятишки тоже любили праздники. Поход в магазин с мамой был одним из них. Незабываемое удовольствие, с которым рассматривался разнообразный ассортимент товаров: тканей, посуды, мехов и, конечно же, игрушек, особенно кукол. А вдруг купят, но нет. Осторожно прикоснувшись к пушистому меху, висящих в ряд лис, налюбовавшись переливами невиданных тканей, отправляюсь, держась за мамину руку, в продовольственный магазин. Здесь царит своеобразный пряно-сладкий запах от всего ассортимента, размещённого на витрине: медового, шоколадного и просто солёного сливочного масла за стеклом витрины, гор лимонных, вишнёвых леденцов на прилавке. Бочки с солёной сельдью разместились у прилавка, а также, ласкающие детский взор, банки и баночки из жести с вареньями и компотами из невиданных нами фруктов. Позднее на прилавках появились шоколадные конфеты в ярких обёртках, которые мы с удовольствием собирали и хранили, хвастаясь друг перед другом сокровищами, называемыми «фантиками». Я, конечно же, не знала, что это изобилие было не всегда, и что мне посчастливилось. В год моего рождения, 1947 год, были отменены продовольственные карточки. Страна восстанавливала довоенное

промышленное производство. А продукты, появившиеся в изобилии на прилавках магазинов, стали по доступным ценам Подтверждение тому я получила намного позднее из письма отца, поздравлявшего мою маму с отменой продовольственных карточек в декабре 1947 года.

Праздник Первомая был любимейшим праздником уже подростков так, как нам приходилось, будучи учащимися школы, в нём участвовать. Мы закупали воздушные шары, на уроках труда изготавливали бумажные цветы, рисовали на фанере голубей, затем вырезали и раскрашивали их. Радио в каждом доме оповещало о Дне солидарности трудящихся, звучали первомайские призывы, праздничные марши и песни, помогающие «строить и жить», песни о Москве — столице, прославляющие человека труда.

Другим праздником для нас было кино. В середине 1950-х годов мало кто имел телевизор, а если кто-то его приобрёл, то образовывалась целая очередь из соседей посидеть у голубого экрана. Популярным был поход в кино. Отстояв длинную очередь у окошечка кассы, купив светлую полоску бумаги с указанием ряда и места, пройдя контроль у дверей кинозала, устраивались на своём месте и ждали чуда. Начинался любой фильм с киножурнала «Новости дня», «Пионерия», или «Советский спорт». В них отражались достижения страны Советов в различных областях жизни.

Стране, поднимающейся после войны, было чем гордиться. Успехи в машиностроении, энергетике, в строительстве новых железнодорожных путей, появление ледокола «Ленин», первой в мире атомной электростанции в 1954 году, первого искусственного спутника Земли в 1957 году-были темами для обсуждения средств массовой информации, доходили до наших ушей и сознания. Сидя в полутёмном зале клуба, заполненного такими же мальчишками и девчонками, старались не пропустить ни одного события на экране. Мы не просто сопереживали героям «Молодой гвардии», а всем сердцем, хлюпая носами и вытирая слёзы, ненавидели проклятых фашистов, бросавших героев киноленты, умирать в шурф угольной шахты. Так доходчиво играли героев Краснодона по одноимённому роману А. Фадеева, фильму, поставленному режиссёром Герасимовым, известные актёры кино И. Макарова, С. Гурзо, Н. Мордюкова, С. Бондарчук и другие. Кинолента «Повесть о настоящем человеке», по повести Б. Полевого познакомила нас с героем войны Алексеем Мересьевым, продолжавшим сражаться с врагом и после ампутации ног, на протезах. Будучи учащимися средних классов, мы решили написать герою войны с просьбой поддержать нашего любимого учителя физкультуры, попавшего в такую же беду. И даже получили ответ на наше письмо, чем весьма гордились.

Незаметно для себя наше поколение всё больше узнавало о самой великой и чудовищной по своим масштабам войне двадцатого века. Наши отцы, прошедшие пятилетнее испытание и дошедшие до логова врага, Берлина, рано уходили из жизни. Просматривая письма с фронта отца, после смерти матери, будучи уже в зрелом возрасте, я поняла, что мне, как и многим моим сверстникам, повезло родиться, так как в июле 1944 года мой отец был ранен и находился на излечении в военном госпитале. Будучи выпускницей школы, я по просьбе своей матери получила в райвоенкомате медаль отца в честь 20-летия Победы. Она пришла уже после его смерти.

В 1965 году, год моего окончания школы, эпоху Брежнева, мы услышали и увидели парад в Москве, по радио зазвучали марши и песни в честь победы. 9 Мая 1965 года вновь возобновились после 1948 года масштабные салюты во всех городах-героях и чествования ветеранов войны. Старое письмо с фронта, написанное моей матери 10.05.1945 года из Германии, дало мне прочувствовать состояние отца в те значительные для всего народа дни.

«О чём мечтали и чего ждали мы все, день и время пришло. Поздравляю с Праздником Победы… Не передать всей той радости, которой мы все дождались и живём в данный период времени. Германия поставлена на колени, остатки её войск сложили оружие. Война кончилась с нею. Вчера все мы и я торжествовали. Весна. Тёплый солнечный день. Утро 10 часов. Парад. Знамёна. Гром победных маршей оркестра. Салюты. Вражеская территория. Думали ли люди об этом отходя на восток, думал ли Гитлер. Торжественный обед… Вот чем я жил 9 мая 1945 года. Вспомнили о погибших товарищах, с кем вчера только делили всё. Берлин разбит на 80%…»

Из уроков истории мы знали, что Берлин был разбит англо-американской авиацией. Мне довелось побывать в этом городе в 1989 году, ходить по его площадям, тенистым аллеям, подниматься на известную во всём мире Берлинскую телебашню. С трудом верилось в слова отца.

И все мы, послевоенное поколение детей, наши дети, внуки, правнуки обязаны помнить о Великой Отечественной войне, самой жестокой и кровопролитной войне XX века.

В пути

Непроста судьба простого учителя. Он не может, положив классный журнал, забыть о проблемах прошедшего дня. Очень часто эти проблемы для него важнее семьи и своих детей.

Она сидела на нижней полке вагона скорого поезда, уносящего её в Москву, смотрела то на мелькающие мимо окон вагона огни, то на соседей по купе, раскладывающих свой багаж. Хотя посадка на поезд производилась глубокой ночью, а за долгий день ей пришлось многое успеть сделать, спать не хотелось.

Как человек, занятый повседневными заботами и не имеющий возможности думать о посторонних вещах, оказавшись в этом положении, вдруг растерялась. Не нужно думать о том, чем накормить завтра семью, что надеть на работу, писать планы уроков. Мысли, одна за другой, не давали покоя.

Брат, на сороковой день после кончины которого она ехала, умер неожиданно, прямо на своём рабочем месте. Мужчина 68 лет от роду, мало жаловавшийся на своё здоровье и не пытавшийся обратить внимание дочери на свои проблемы, почувствовал упадок сил и безысходность после смерти жены, с которой прожил почти сорок лет. Это состояние она ощутила и на последних фотографиях брата, уже после его смерти, будучи в Москве.

Вспоминались первые тяжёлые годы её молодой учительницей. Когда с пылающим от волнения лицом она пришла в гудящую от людских голосов учительскую, никто не обратил на неё внимания, заслушавшись весёлой речью всеми любимого историка, рассказывавшего очередную байку. Только одна, уже пожилая, учительница начальных классов повернулась к ней и с весёлой усмешкой на полных губах и искорками смеха в глазах спросила: «Ну как?» «Скорей бы на пенсию», — неожиданно для самой себя выдохнула она. Учительская взорвалась дружным смехом.

Работа давалась тяжело. Ещё бы, две смены, а между ними заботы по дому, да ещё и подготовка к следующему рабочему дню. Она быстро научилась ценить свободную минутку, чтобы и её использовать правильно.

Не всё складывалось гладко и с учениками в школе. Приходилось жалеть о сказанных словах. Чаще ребята прощали молодой учительнице, но не все. Иногда ученики в первый год работы устраивали ей экзамен в коридоре школы, спросив какое-нибудь замысловатое слово на иностранном языке, и на уроке, листая карманный словарик и как бы невзначай задавая ей вопросы. Но она умела выйти из любого положения, не обижалась и никогда не помнила неудобств, доставлявшихся ей тем или другим подростком. Видимо, размышляла она, ей помогала жить незлобивость и желание быть честной с собой и другими. Поэтому ей казалось, что её любили ученики.

Куда трудней было со своим ребёнком. Фактически он не видел её. Унеся утром в детский садик, она бежала за ним, как только оканчивались уроки. Но пообщаться, просто посидеть с сыном, почитать ему сказки ей всё равно не удавалось. Нужно было приготовить обед, подготовить себя и ребёнка к новому рабочему дню. Особенно тяжело дались ей первые месяцы пребывания сына в детском саду. Он ничего не ел, отказывался спать и звал только её. Закрыв глаза, она проходила мимо окна, за которым распластался по оконному стеклу силуэтик её сынишки, протягивавший к ней свои ручонки. «Вот, поди, поработай», — слышала она за спиной сочувственные возгласы. Но работать было необходимо. И, стараясь ни о чём не думать постороннем, она переступала лёгким шагом порог школы с непроницаемой улыбкой на губах.

Прошли годы, выросли и стали родителями её ученики, а она отчётливо помнила свой первый день работы в школе.

г. Нязепетровск

Надежда Гаджиева

Но тебе там хорошо, наверное

* * *

Спасибо за то, что ты рядом,
Спасибо за то, что ты есть.
Моя ты надежда, отрада,
Источник всех радостей, бед.
И горе с тобой, и разлуку,
И радость делю, и беду
И все свои мысли и чувства
К тебе я, любимый, несу.

* * *

Я все перенесу: и горе, и разлуку,
И в тишине возьму протянутую руку.
Сквозь боль пройду и стыд, ни капли
не жалея,
И от твоих обид не дрогну, онемея.
Сиреневый туман прекрасного мгновенья
Растает, словно дым, без слез и сожаленья.
Прошепчет ветерок, лаская тихо пряди,
Поднимет, унесет в неведомые дали.
При имени твоем ничто не всколыхнется,
Лишь солнышко вздохнет, устало улыбнется.
А звезды не спеша начнут кометой падать
И нежная душа прошепчет тихо: «Надя».
Пройдут и пролетят весна, зима и лето,
Глаза мои грустят, как и душа поэта.

* * *

Спасибо за то, что ты рядом,
Спасибо за то, что ты есть.
Моя ты надежда, отрада,
Источник всех радостей, бед.
И горе с тобой, и разлуку,
И радость делю, и беду
И все свои мысли и чувства
К тебе я, любимый, несу.

* * *

Ты пришёл ниоткуда,
Ты уйдешь в никуда.
Мой духовный учитель,
Ты — частица меня.
Медитация к богу,
И порывы в душе.
Словно музыка льется
Непрерывно во мне.
Очищается воздух,
Дарит космос лучи
И небесные строки
Ниоткуда пришли.
Я беру эти строки,
Как награду, в ладонь
И на сердце отрадно,
И в душе лишь покой.

Курск

Мир встревожен, и люди не могут понять:
За какие грехи молодым погибать?
Молодые девчата стали вдовами вдруг
И земля почернела от горя вокруг.
Сколько горя еще предстоит испытать,
Сколько траурных лент нам в запасе держать?
И заплакало небо, застонала земля,
Не хотели мы верить, но случилась беда.
Не решили проблему, не спасли моряков
И осталось в порту очень много сирот.
Чьи-то матери, сестры и жены опять
По ночам до утра будут слезы глотать.
Жизнь идет, а проблемы-то были всегда:
Карабах и Афган, Фергана и Чечня.
И подлодка не просто осталась лежать
Это всем нам урок, это надо понять.

Памяти ребят

Красной нитью проходит через наши сердца
Боль тупая в груди — и Афган, и Чечня.
Гибнут наши ребята ни за что, ни про что…
Молодые солдаты, дует ветер в лицо.
Вы простите, ребята, что пришлось
вам умнеть,
Гибли вы, как солдаты, не успев повзрослеть.
Вы простите, что мы не смогли вам помочь
И теперь эту боль нет, нельзя превозмочь.
Не забудем ваш подвиг, подвиг всех матерей,
Что отдали любимых своих сыновей.
Не успели жениться, семью завести
И надеждам не сбыться, а в бессмертье уйти.
На открытке мальчишка с автоматом стоит.
Со смущенной улыбкой на тебя он глядит.
Он не знал, и не ведал, и не думал о том,
Что вернуться домой он не сможет потом.
…Боль тупая проходит через наши сердца.
По ночам будет сниться и Афган, и Чечня.
Еще долго ребятам будет сниться кошмар
А вчерашним солдатам —
плач стареющих мам.

* * *

Все твердят, что на Кавказе климат скверный,
А не то что в вашей стороне.
Но тебе там хорошо, наверное,
Потому что очень плохо мне.
Я иду, а мысли устремляются
К тем моим непрошенным годам,
Когда сны почти всегда сбываются,
Когда веришь и не веришь снам
Я иду, а дождь все не кончается,
Заливает все мои следы.
Я иду, а мысли устремляются
В мой далекий город — Фергану.

* * *

Пришло письмо, пропахнувшее дымом,
Овеянное запахом берез
Повеяло родным, неповторимым,
Я вспомнила тебя и море слез.
Припомнила я встречи, расставанья
И гордый и надменный взгляд
Когда ты бросил тихо на прощанье,
Что, мол, прости за все и позабудь…
Летят года, и мчатся дни и ночи,
В груди осадок жжет мне сердце,
Когда вдруг вспомню с поволокой очи,
Забыть которые не суждено, наверное.
Но я сильна и сердцем, и душою,
Забыть тебя стараюсь, хоть и трудно.
Я заглушаю боль свою работой,
Но взгляд холодный на всю жизнь запомню…
Пришло письмо, как будто озаренье,
Швырнула я его навстречу буре.
Да, наступило для меня прозренье,
А ты, мой милый, для меня лишь просто
умер.

* * *

Люблю тебя не понарошку,
С каждым днем любовь моя сильней.
И прошу я, стоя у окошка,
У судьбы еще немного дней.
Знаю, что отпущено мгновенье,
Пролетела стороною жизнь.
Молодость, как будто озаренье,
Впереди — тонюсенькая нить.
Как могла, детей оберегала,
Заслоняла от беды собой.
Слезы ночью по ночам глотала
И мечтала о любви большой.
Дочь и сын, а рядом подрастали
Внуки, что дороже всех детей,
И опять, как в молодости, тоже
Думала, что ты им всех нужней.
А когда-нибудь устанет сердце,
Головой положат на восток.
Внук придет с молоденькой девчонкой
Возложить к ногам букетик роз.
Прошумят осенние деревья,
Скинут пожелтевшую листву.
Вспомнишь ты в какое-то мгновенье,
Как шептала тихо я: «Люблю».

* * *

Мне приснился опять удивительный сон,
Я в смятении утром проснулась:
Тот же дом, те же окна, и ты за углом,
Только я в этот дом не вернулась.
Как же быть? Как же время мне вспять
повернуть,
Чтоб расставить все точки на месте?
Только б юности запах весенний вернуть,
И чтоб были с любимым мы вместе.
Прокручу этот сон, словно ленту в кино:
Звездопад, летний сад и березы,
А в просвете мелькнет дорогое лицо,
А на столике — белые розы.
Я ладони свои протяну небесам,
Попрошу хоть немного удачи.
Распахну свою душу навстречу ветрам,
И на мир взгляну я иначе.

* * *

Говорят, разлука только лечит,
Говорят, любая боль пройдет
И души она не покалечит,
А любовь со временем пройдет.
Потянулись вереницей годы,
Промелькнули лето и зима,
Позабылись горе и невзгоды,
А в душе по-прежнему весна.
Осень, осень, золотая осень…

А душа во сне о чем-то просит,
И летит, взмахнув своим крылом.
Улетает в небо синей птицей,
И, купаясь нежно в облаках,
Хочется ей просто раствориться
И забыть о прожитых годах.

* * *

Посвящается отцу

Ты пришла и склонилась над могильной плитой,
А в душе растопилась боль горячей слезой.
Расползлась и рассеялась по холодной груди,
А тебе всё не верилось, что ушел, не простил.
Ищешь ты оправданье — и себе, и ему,
Словно в зал ожиданья ты стремишься к нему.
Запоздалые розы ты к могиле несешь
И украдкой слезинку незаметно смахнешь.
Время вспять повернуть не дано никому
И прощенье твое вновь летит в пустоту…
Может, он и услышит боль твою и тоску
И тихонько погладит ветерком по лицу.
А весною березы белоствольные в ряд,
Как тревожным набатом листвой прошумят.
И, склонившись ветвями над могильной плитой,
Успокоят прохладой, напоят росой.

г. Нязепетровск

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

3-го декабря 2013 г. исполняется 60 лет замечательному поэту,
руководителю литературного клуба «Светунец»,
одному из самых активных авторов альманаха «Графоман»
Олегу Николаевичу Павлову.
Друзья и читатели поздравляют именитого поэта и прозаика с юбилеем
и желают доброго здоровья и творческих успехов.

Рашида Тимакова

Поеду на край света

Как ходил Марат*

Не испить вовек
Горечи войны,
Помни, ЧЕЛОВЕК,
Горести страны!

О сражавшихся,
На фронтах, тылах…
Об оставшихся,
В бронзе и стихах.

Написала песнь,
Пропою навзрыд
И слезами весь…
Мой мотив омыт:

Как ходил Марат
Во степи с конем.
И тому был рад,
Что всегда при нем.

Добрая жена,
И совхоз «Рассвет»…
Но пришла война,
Принесла семь бед!

Загрустил Марат,
И в слезах жена.
Он теперь солдат,
Не его вина…

Что с конем одной
Пулею сражен.
Ну, а дом с женой,
Был дотла сожжен.

Памятник стоит
Литый бронзою,
А под ним горит
Пламень звездная.

Как ходил Марат
Во степи с конем…
А теперь стоят
В бронзе над огнем.

Рай земной

Пройдет зима, растает снег.
Я заведу свой скутер.
И совершу лихой побег
Весенним ранним утром.

Хочу на встречу с новизной,
Мне бы кусочек лета.
Тряхнув слегка я стариной,
Поеду на край света.

Колки объехав стороной,
В ложбинке, рядом с пашней,
Найду подснежник голубой,
С небес упавший каплей.

Сюда я привезу внучат.
Прекрасное услышат,
Узнают, как ветра звучат,
Леса и поле дышат.

Вот здесь, ребята, рай земной.
Он есть на белом свете.
И даже раннею весной
Такого нет в Инете.

Давай встретимся!

Под землею нет тропинок и дорог
И никто не забредет на твой порог.
И никто не скажет: «Здравствуй и прощай»,
Не нальет тебе с дороги крепкий чай.

Пока живы и здоровы, заходи!
В моем доме дверь открыта, отвори!
Я теплом тебя согрею, обниму;
Добротой тебя умою и пойму!

Хорошо, что вечно крутится земля!
Хорошо, что очень круглая она!
Хорошо бы снова встретиться с тобой,
Повести к добру и счастью за собой!

Песня ивушки

Ой ты, ивушка,
Над речной водой
Умывалась ты
Поутру росой.

Ты, как девушка,
У реки со мной,
Любовались мы
В тишине зарей.

Ты, голубушка,
Не играй с волной,
Не печаль меня
И не плачь слезой.

Ой ты, ивушка,
Мы сродни судьбой.
О любви моей
Не шепчись с травой.

с. Агаповка

* Совместное творчество с поэтом-песенником Брахмапутрик (Сергей Лыткин), Брахмапутрик удачно соединил мой стих «Песнь о войне» со своей песней «Ой, гулял Марат».

Людмила Владимирова

Стихи детям

Мой учитель!

Золотой сентябрь стучится в двери.
Так бывает только раз в году.
Ранцы, формы разом запестрели,
Всюду первоклашки на виду.

Будут падать ручки и пеналы,
Криво лягут в строчках «А» да «Ю»,
А терпенья надо и немало,
Чтобы волю выковать мою.

Устали в труде своём не знаешь:
То склоняешься у парты надо мной,
Дома, в ночь, тетради проверяешь,
Классный час проводишь в выходной.

Мой учитель! Слово не простое.
Ты раскроешь знаний мне красу!
Радость, беды встретим вместе, стоя,
Образ твой по жизни пронесу!

Что такое семья?

Каждый человечек имеет свое «я».
Семь человеков вместе — большая уж семья.
Дедушка и бабушка — старше всех годами.
Много они видели и делали руками.
Их дети — папа с мамой. Нам они —
родители,
Наши воспитатели, наши вдохновители.
Ну, а я и младшие братишки —
Внуки их и дети-шалунишки!
Живем в квартире мы одной
И называемся — семьёй.

Дружная семья

Папа, мама, брат и я —
Это наша вся семья!
Дома нам уютно и тепло,
От мамы, как от солнышка, светло.
А папа — самый сильный и умелый,
Берётся смело за любое дело.
Брат — собрать конструктор помогает,
Во дворе от забияки защищает.
У нас добрая и дружная семья,
А самый младший в ней, конечно, я!

Из семьи — Человек вырастает

Без семьи не прожить нам на свете,
Без семьи очень грустные дети.
Без семьи нет еды и одежды,
Вырастают одни лишь невежды.
А семья согреет и обласкает,
Из хорошей семьи — Че-ло-век вырастает!

Брат

Внуку

У меня родился брат, ребята!
Маленький, забавный и смешной.
Ведь о брате я мечтал когда-то,
А теперь он будет жить со мной.

Почитаю я братишке книжки
И во двор за ручку поведу,
Поиграем мы с ним в «Кошки-мышки»,
Подрастёт — я в школу с ним пойду

Он пока играет с погремушкой,
Смесь сосёт и громко так «гулит»,
С колыбельной тянется к подушке
И в коляске очень сладко спит.

Разная осень

Осень разная бывает:
Золотая, хмурая.
В ясный день лицо сияет,
В дождь иду понуро я.

А у бабушки бывает
Осень в волосах,
Серебром она сверкает
И слезой в глазах.

Но бывает эта осень
Ярче летних дней,
Когда внук цветы приносит
В день рожденья ей!

Милое создание

Внуку

Наш Арсюха — умиленье,
Это радостное пенье,
Меха чудного клубок,
Мир мурлыканья, зеванья,
Мир ночного замиранья
И дневной игрок.

Это рыжая тельняшка,
Мой любимый чебурашка,
Настоящий друг.
Это милое созданье —
Для людского обожанья
И для наших рук!

Декабрь-проказник

Чудо, чудо за окном!
В белой краске двор и дом.
Не видна трава совсем,
А кусты в панамках все.
Кто-то кисточкой чудил —
Краской город наш покрыл.
А декабрь картине рад.
Он проказник, говорят!
Радуюсь и я сама:
В Снежинск к нам пришла зима!

Я люблю Урал

Я люблю изумруд наших сосен
И кудрявую нежность берёз,
Разноцветную, яркую осень
И трескучий уральский мороз.

Я в Синаре дельфином ныряю,
Мчусь зимой по блестящей лыжне
Летом грузди в лесу собираю,
И живётся здесь радостно мне!

Берёза

Красавица берёза
У нас в лесу живёт.
Ей не страшны морозы,
Она, как мы, растёт.

С годами выше станет,
Кудрявей и стройней,
К себе уральцев манит,
Мы ходим в гости к ней.

Друг

Без дружбы не прожить на свете.
Ведь друг поддержит, защитит,
Мои ошибки он подметит,
А в грустный день развеселит.

Я без него всегда скучаю,
Навстречу с радостью бегу,
С ним поделюсь конфетой, чаем,
А надо — в деле помогу!

Красный конь

Бродит по лесам жестокий конь.
«Красный конь», оранжево-косматый.
А зовут чудовище — огонь!
Он губит всё, что свежестью богато.

Если по полянам пробежит —
Потемнеют и поникнут травы,
Берёзонька обугленной стоит,
Сосёнка стонет от его облавы.

«Конь» шипит, из нор зверьё гоня,
И гибнет муравейник с муравьями.
Лес просит: «Человек, спаси меня!
Ведь с тобою были мы друзьями!

Ты приходил грибы здесь собирать,
И ягоды, и травы для леченья,
Любил свежайшим воздухом дышать,
А для поделок выбирал коренья.

Но гибну я от "Красного коня",
Пожарные спешат к нам на спасенье,
С сиреной мчатся укротители огня,
Защищая лес — природное творенье».

Откуда появился здесь огонь?
Его ребята спичкой сотворили.
От неё родился «Красный конь»,
Потом «коня» на волю отпустили.

Край уральский — Родина твоя!
Расти, друг мой, природу сохраняя.
Лес береги от «Красного коня»,
Ведь каждая травинка в нём живая!

г. Снежинск

Илья Весенин

Под сенью ангелов

Та моя командировка была, мягко говоря, хреновой! Впрочем, судите сами — незадолго до Нового года в один из морозных и снежных дней начальство приказало экстренно выехать в столицу за «жизненно важными для предприятия приборами и устройствами». Уж лучше бы оно приказало долго жить. К тому же в напарники мне достался молчаливый и меланхоличный сотрудник нашего отдела Антон, убеждённый холостяк, к которому прочно приклеилось прозвище «Флегматон». На самом деле, его флегматичность, внешняя невозмутимость, а порой и откровенное безразличие к окружающему были выше человеческого понимания.

Срок окончания командировки был неопределённым, так как зависел от срока изготовления приборов на смежном московском предприятии, и мы договорились с Антоном, что билеты туда берёт он, а обратно я. Начались скорые сборы и сумбурное завершение многочисленных неотложных дел. На следующий день Флегматон, за три часа до отъезда передал мне билет и отрешённо произнёс: «Отправление в половину девятого вечера…» Я метнулся домой, с помощью супруги оперативно собрался и попрощался с домом. Тепло одетый, влез в промёрзший до состояния инея внутри салона и основательно забитый пассажирами автобус-маршрутку. Представлялось, что до отправления поезда оставалось достаточно времени. Я расслаблено сидел у бокового окна, покрытого изнутри морозными узорами. Дыханием отогрел смотровое окошко и задумчиво смотрел на искрящиеся сугробы, парящие вентиляционные решётки в домах и на тротуарах. В голову лезли мысли, типа, всё ли успел доделать и всё ли нужное взял с собой? По снежной шуге автобус полз медленно, подолгу замирая у светофоров и на остановках. Неприятное предчувствие подтолкнуло меня уточнить время отправления поезда. Из внутреннего кармана дублёнки достал билет и стал изучать. Когда посмотрел время отправления, то буквально бросило в жар! Оказывается, поезд отходит не в тридцать, а в пятнадцать минут девятого, значит, до его отправления оставалось всего-то минут десять, а до вокзала ещё несколько кварталов езды! С той минуты моим секундомером стал собственный пульс.

Расталкивая пассажиров увесистой дорожной сумкой, я продирался к передней двери автобуса, одновременно поминая непечатными словами и выражениями раздолбая Флегматона. Встал за спиной у водителя и через лобовое стекло смотрел вперёд, желая, наконец, увидеть долгожданный вокзал. Примерно в 11 минут девятого мы наконец-то въехали на привокзальную площадь. Я умолял водителя остановиться среди площади, так как очень опаздываю. «Не положено!..» — хамовато буркнул тот, и невозмутимо проследовал дальше на конечную остановку. До отправления поезда оставалось не более двух минут, а до вокзала метров пятьсот, когда я стартовал из автобусного чрева… А далее, говоря солдатским языком, состоялся кросс по пересечённой местности при полной боевой выкладке в суровых климатических условиях.

Бежал я так, как никогда — ни до, ни после того случая! Нёсся кратчайшей дорогой, практически по прямой, не замечая сугробы, пешеходов, ограждения, урны и прочие «подставы». Дублёнка распахнулась и словно крыльями хлопала за спиной, а шапка едва держалась на голове, приходилось прижимать её к голове свободной рукой. Сумка, болтающаяся на плечевом ремне, нещадно молотила по телу и путалась в дублёнке. Когда я увидел свой красный поезд-экспресс, стоящий на первом пути, до него оставалось метров восемьдесят. Тут объявили отправление, из репродукторов донёсся марш «Прощание Славянки», и поезд тронулся!..

Я вбежал на перрон, когда состав набирал ход и двери в вагоны были уже закрыты. Лишь в последнем вагоне проводница, заметив меня, держала дверь открытой. На бегу ухватился за поручень и подтянулся в тамбур. Сипло дыша, но с чувством радости (успел-таки!), я остановился, чтобы передохнуть. Проводница напоследок выглянула наружу и воскликнула: «Скорее, скорее же!» — наверное, ещё кто-то опаздывал. В распахнутой двери мелькнула крыша легковушки с жёлтым фонариком сверху — такси догнало поезд прямо по перрону. Почти сразу кто-то невидимый в темноте стал забрасывать багаж в тамбур. Затем на ступеньках появилась румяная, расфуфыренная и смешливая блондинка. Она была в красивой белоснежной шубке, без шапки, а ее кудри на голове трепал морозный ветер. Блондинка бегло поздоровалась и прокричала в темноту по-английски: «Come to me, my

Angel! Quickly, please! (Иди ко мне, мой Ангел! Поспеши, пожалуйста!)» Следом за ней в тамбуре появился некий мужчина, одетый явно не по погоде. Это был коренастый и седовласый мужчина, с лицом красным от мороза. На его голове красовалась экстравагантная коричневая ковбойская шляпа с серебристым пояском, завязанным на подбородке. Широкие поля шляпы были залихватски загнуты. Мужчина был в приталенной лёгкой кожанке с висящими «индейскими» оборками на рукавах. Однако, несмотря на широкую белозубую улыбку и явные признаки остаточной спортивности, даже при тусклом тамбурном освещении были заметны глубокие морщины на мужественном лице, показывающие, что возраст «ковбоя» значительно больше пятидесяти. На мой взгляд, он ничем не напоминал ангела, но для натуральной блондинки, очевидно, был тем самым волшебником, исполнившим её самые сокровенные «девичьи мечты». Ковбой, смеясь и балагуря на своём заморском языке, заключил в объятия спутницу, и они смачно, не стесняясь присутствующих, поцеловались. Их суматошные возгласы, шлейф винных паров, а также длинное, богато отделанное, шелковое платье, выглядывающее из-под женской шубки — явно указывали на то, что эта парочка попала на поезд прямиком от свадебного стола. И теперь американский жених увозит русскую «гёрл» на своё ранчо в далёкую Калифорнию.

Закончив любезничать, девушка попросила меня помочь донести один из чемоданов. Тот оказался не только громоздким, но и очень тяжёлым — можно было предположить, что в нём уместилось всё приданное состоявшейся невесты. Чувство галантности и российской доброжелательности, возникшие в тот момент, не позволили отказать, и я с чувством обманутого верблюда, нагруженный поклажей, потащился за «молодыми». «Сладкая парочка», увлечённая друг другом, не обращая внимания на моё отставание, налегке ушла в отрыв. Мне же стало совсем тяжко. Громоздкий, тяжеленный, и к тому же чужой чемодан, узкие вагонные коридоры, вибрирующие и качающиеся полы, да ещё и собственная сумка — всё это делало мои движения неприятными до тошнотворности. Особенно противно было в переходах между вагонами, где мотало, дёргало, нижние панели разъезжались под ногами, а безжалостные двери на скрипучих петлях наотмашь били по рукам и бокам! Таким образом я пробирался через десяток вагонов, в том числе через купейные, плацкартные (где, кажется, обнюхал все ноги, торчащие с верхних полок!), через вагон-ресторан с резким запахом солянки и варёной курицы. Наконец добрался до места, где меня ждала «американка». Она весьма сухо поблагодарила меня, и с помощью «ангела» стала заталкивать чемодан в купе. Я же тупо побрёл дальше в начало состава и вскоре оказался возле своего купе.

Дверь в купе была приоткрыта, постели заправлены белоснежными простынями, а окна закрыты голубыми занавесками с изображениями розовых ангелочков в окружении белых облачков. На нижних полках у столика с одной стороны восседал Антон, а напротив сидела девушка-попутчица. Они, дружелюбно беседуя, попивали из стаканов в узорчатых подстаканниках ароматный чай и аппетитно хрустели печеньями… Собеседники нехотя прервали разговор, и взглянули на меня. На лице Флегмона отразилось небывалое удивление, а девушка просто обомлела. Очевидно, было чему удивиться и даже ужаснуться. Я представил себя на их месте. Действительно, почти через сорок минут спокойной поездки в дверном проёме вдруг возникает непонятный мужик с потной рожей, в мохнатой шапке набекрень, из-под которой в разные стороны торчат мокрые волосы. На этом субъекте распахнутая дублёнка, из-под которой струится пар. Мне даже показалось, что меня тут вовсе не ждали и не вспоминали! Стало обидно до чёртиков. «Вот какая вы зараза, “Антон Флегматонович”! Своих кидаете, а потом и чай со смаком попиваете!» — ярость закипела в моей душе. Однако присутствие незнакомки несколько охладило мой пыл. Не хотелось в глазах посторонней девушки показаться ужасным злодеем. Поэтому, не обращая внимания на глупый вопрос Антона о том, где я долго пропадал и по какой причине, лишь сказал: «Наливайте и мне! Третьим буду!». И бесцеремонно стал раздеваться да развешивать на верхних пустых полках для просушки свою насквозь промокшую от пота одежду.

Вся дорога до Москвы прошла для меня как мгновение. Сказался резкий переход от стрессовых моральных и физических нагрузок к состоянию покоя и полного расслабления. Почти сутки я проспал сном праведника. При этом не были помехой для меня навязчивое ухаживание холостяка Антона за попутчицей, их оживлённые беседы, перешептывания и смешки, а также чаепития, сопровождаемые хрустом печений и сушек.

В самой столице всё прошло по заданной программе, без сучков и задоринок.

Вовремя согласовали со смежниками все рабочие и производственные вопросы, определили срок подготовки приборов и, соответственно, дату нашего отъезда из «белокаменной».

В свободное время я даже успел «окультуриться», посетив Художественный музей, картинную галерею Глазунова и театр на Таганке, и, конечно же, следуя нашему уговору, заказал билеты на обратную дорогу. А вот Флегматон, вопреки прозвищу, вечерами вёл активный и независимый от меня образ жизни. Его знакомство с недавней попутчицей переросло в нечто гораздо большее. Екатерина, так её звали, оказалась коренной москвичкой, отец которой служит капитаном 1-го ранга. Всю командировку Антон был неузнаваемым в хорошем смысле слова, он словно светился изнутри и совсем не спешил возвращаться домой.

Увы, с билетами вышла непредвиденная заминка. Купить их за пару дней до отъезда проблематично в любом городе, а чтобы выехать из Москвы, да ещё в канун новогодних праздников — это архисложно. В железнодорожных кассах подходящих билетов не оказалось, а на самолете лететь мы не планировали, так как наш груз, состоящий из электронных устройств и приборов, мог вызвать большие проверки и объяснения при входном контроле! Поэтому пришлось обратиться к знакомым москвичам. Один из них пообещал «железно достать» ж/д билеты и в день отъезда привезти их нам в гостиницу. Однако у знакомого возникли непредвиденные трудности и в оговоренное время билеты отсутствовали. В такой неопределённой обстановке было невозможно вызвать такси, а когда с билетами прояснилось, то многие таксисты отказались, т. к. не могли приехать вовремя. Согласилось подать машину лишь агентство под названием «Ангел». Для выбора других вариантов времени не оставалось! Вначале пришлось ехать за билетами в противоположную от вокзала сторону. Практически на ходу, не выходя из такси, через приспущенное боковое стекло я забрал билеты у знакомого, расплатился, и мы помчались на привокзальную площадь. Мельком глянул в билет и понял, что до отправления поезда оставалось более двух часов, времени вроде хватает… Однако Москва знаменита своими автомобильными пробками. Маршрут нашего движения пролегал через центр по Садовому кольцу, как раз в вечерний час пик. Сплошные многокилометровые потоки автомобилей растянулись в каждом направлении в пять рядов. Если в одном из рядов возникала заминка, то замирал весь ряд. Почему-то всё время казалось, что машины в соседних рядах едут гораздо быстрее. К тому же, наш водитель управлял слишком осторожно, сверяя маршрут с навигатором. С каждым километром движение всё больше стопорилось, и порой вовсе замирало на пять—десять минут. Антон дремал на заднем сидении, безмятежно склонив голову на баул с приборами, я же сильно нервничал и поглядывал на часы. Ехать до вокзала оставалось километров пять и менее получаса свободного времени. Но когда осталось полкилометра, то движение встало окончательно. Занервничал и водитель, понимая, что попали в ловушку, и стал соображать, как нам помочь вовремя добраться. Он нашёл на обочине свободное место и завернул туда. Мы с водителем покинули машину и с громоздкими баулами побежали к площади трёх вокзалов. В тот день в столице после 20-градусных морозов потеплело до нуля, выпал обильный снег и образовалась слякоть. Наша обувь сразу промокла, но это не остановило. Одетые как полярники во все тёплое, мы с грузом лавировали среди стоящих рядами машин. До отправления поезда оставалось две минуты, когда мы вбежали в здание вокзала. Оставляя на полу мокрые следы, за минуту проскочили через огромный и суматошный зал ожидания. За считанные секунды до отправления мы выскочили на общий перрон и стали искать свой поезд… Но его почему-то не увидели, хотя все пути были заняты. На информационном табло название нашего поезда тоже отсутствовало! Неужели мы не успели?! Как же так получилось? Ведь поезд должен отправиться в 19:12 по московскому времени, и большие часы на стене вокзала показывали 19:12! Судорожно достал билеты и начинал их изучать. Антон с водителем пристроились рядом, также пытаясь разобраться. Плохое освещение, волнение и множество слов и цифр на билете не позволяли выделить главное. «Время отправления 20 часов 16 минут, а не то, что вы назвали!» — вдруг радостно воскликнул водитель. «Где, где это написано?!» — в один голос переспросили мы с Антоном. «Да вот же!» — показывает водитель пальцем в нужное место. И тут на полутёмном вечернем перроне, накрытом сверху огромным стеклянным куполом, словно включили яркое освещение. Наступило прозрение и стало понятно, что, заполучив билеты от знакомого, я посмотрел совсем не туда куда надо, и поэтому перепутал время отправления с датой отправления поезда! На самом же деле наш поезд отправлялся 19 декабря именно в 20:16. Такой вот казус произошёл, как бы Антону в отместку за то, что он в начале нашей командировки также неправильно назвал мне время отправления поезда. Однако в столице самообман со временем нас, по-видимому, спас! Мы невольно получили существенный запас по времени и в условиях непредсказуемых московских пробок сумели заблаговременно добраться до своего поезда.

Попрощались с водителем, и едва пришли в себя, как к перрону подошёл наш состав. В числе самых первых пассажиров, неспеша, с достоинством мы вошли в вагон и прошли к своим местам. Разложились, переоделись, поболтали о том, о сём и решили, что пора перекусить. Вдруг у Антона затрезвонил мобильник. По радостной интонации и весёлому «чириканью» в трубку я понял, что звонит Катя. Немного пообщавшись, Антон произнёс: «Катюха, сейчас выйду!». Парень накинул куртку на трико и, сказав, что не надолго, выскочил из купе. «Понятно, дело молодое, неотложное!..» — подумалось мне, и я стал готовить бутерброды к ужину.

Объявили отправление, затем пожелали счастливого пути. Немного погодя, поезд мягко тронулся и начал набирать ход, а Антона всё не было. Стало волнительно, куда он запропастился? «Наверное, в коридоре стоит, расписание изучает» — успокаивал себя. Прошло ещё немного времени, а потом — ёщё три раза по столько же, Антона всё не было. На всякий случай выглянул в коридор, и увидел бредущего там Флегматона… Ах, в каком виде он был! Растрёпанный, с багровым лицом парень зашёл в купе, тяжело дыша и, не раздеваясь, сел к столу и торопливо стал глотать остывший чай. Отдышавшись, Антон произнёс: «Понимаешь, решил Катюху до подземного перехода проводить и не заметил, как поезд тронулся! Едва догнал его и запрыгнул в последний вагон… Хорошо, хоть проводница добрая попалась, впустила! При этом вспомнила, что в прошлой поездке с Урала какие-то американцы к ней также на ходу запрыгивали».

Я смотрел на этого парня и думал, что эта командировка ему, впрочем, как и мне, надолго запомнится! А ещё показалось, что возле людей постоянно и настойчиво вьются маленькие-премаленькие, эфемерные бледно-розовые амурчики, которые норовят запустить свои стрелы в чьи-то одинокие сердца. И ещё представилось, что нас, наши души охраняют, а порой и спасают от бед невидимые ангелы-хранители. Именно поэтому порой так удачно всё кончается хэппи-эндом, несмотря ни на какие козни. Очевидно, и наша поездка с Флегматоном прошла под сенью ангельских крыльев, ведь своё присутствие ангелочки обозначали на каждом шагу. Надо было только это чувствовать и восхищаться их покровительством!

Ну а дальше произошло следующее. Через шесть месяцев после той командировки Антон женился на Екатерине, а ещё через полгода у них родились белокурые и кучерявые близнецы — мальчик и девочка — вылитые херувимчики. Вот для кого наша поездка оказалась явно во благо!

г. Миасс

Галина Савельева

В туманной дымке тает осень

* * *

Наполнен светом этот день,
Цветёт душистая сирень.
Бокалов звон, приветствий град
Друзей, которым очень рад.

Над залом музыка плывёт,
Душа ликует и поёт.
Прелестной женщины черты
Так обаятельно чисты.

Ловлю её лучистый взгляд,
Как было много лет назад.
Кружимся в лёгком танце с ней —
Богиней царственной моей.

Ладонь в ладонь — рука горит,
Ошеломляет и пьянит.
Потоком нежности земной
Вдруг захлестнуло, как волной.

Нежданной встречи чудный миг
Всем существом своим постиг.
И пусть душа сгорит дотла,
Любовь безумна и светла.

Весенний этюд

Весна неслась в стремительном потоке
Сияния ласкающих лучей.
Цвела сирень. Свет мая яснооки
Напоминал о нежности твоей.

Но ветерок унёс тебя далёко.
Не мыслимо доплыть иль долететь.
Печально, грустно, очень одиноко.
Остыло сердце. Как его согреть?

Верни надежду весточкой желанной,
Чтобы капелью радости звенеть.
Я верю, что весною долгожданной
Сумеет моё сердце вновь запеть.

Путник

Встревоженный ветер позёмку метёт.
Неведомый путник куда-то бредёт.
Что гонит его в беспросветную даль?
Нелёгкие думы, тоска иль печаль,

Иль время настало, что нужно идти,
Чтоб горе развеять, признанье найти.
Он ищет за этой сгустившейся мглой
Лишь точку опоры, душевный покой.

Любимые глаза

Жизнь пронеслась неуловимо.
Ей повторенья больше нет.
Но всё горит неугасимо
Весны немеркнущий рассвет.

В туманной дымке тает осень.
Печально, грустно иногда.
Виски слегка покрыла просинь,
Отметив прошлые года.

Заводит ветер песнь тоскливо,
Листву опавшую кружа.
Но так искрятся, всем на диво,
Твои любимые глаза.

Луна

Под темным куполом
Луна средь звёзд плывёт,
Земле-подруженьке
Привет небесный шлёт.

Её холодный свет
Морей касается,
И гладь поверхности
Преображается.

Не зря слывёт Луна
Любви кудесницей.
Всевышним ей дано
Быть счастья вестницей.

Идёт, идёт в ночи
Луны свечение —
Мятущейся душе
Несёт прозрение.

Родная деревня

Мелькали вдали перелески,
Домишки деревни родной.
Неслось босоногое детство
По узкой тропе полевой.

Бежали весёлой ватагой
К ручью за высоким холмом.
Сливалися брызги со смехом
И прятались в эхе лесном.

Но эту счастливую пору
Сменила лишений волна,
Когда левитановский голос
Промолвил тревожно: «Война».

Подвластные зову природы
Отцы, никого не кляня,
Ушли защищать нас собою
На линию смерти, огня.

И долго страдали родные
От этих внезапных потерь.
На женские, детские плечи
Легли все заботы теперь.

Не многим случилось вернуться,
Пройдя под свинцовым дождём,
Избёнке родной улыбнуться
Приветливым, солнечным днём.

Живёт и поныне деревня
И пашет, и сеет, и жнёт.
А к дому погибшего друга
Тропинка из детства ведёт.

г. Снежинск

Татьяна Аверкина

Вдруг понимаю — здесь мое начало

Родник

У пруда
круто вниз
сквозь зеленое буйство крапивы.
По тропе,
по камням,
мимо хмелем обвитых дерев;
Не спеша,
осторожно,
держась за плакучие ивы,
я иду
к роднику
поклониться на милой земле.
И к воде
наклонясь,
как к святому кресту, припадаю,
а потом —
приглядись —
средь зеленых кудрей ивняка,
сквозь гранит
до небес
я черемухою прорастаю,
По весне,
напоенная
сладкой водой родника.

* * *

Струит родник через года, струит.
Давно открыта тайны дверца:
Несет родник от памяти до сердца
Родни моей живую нить.
Я, воду черпая из родника,
Вдруг понимаю — здесь мое начало, —
И сердце четко-четко застучало,
От осознанья — слезы на глаза.

Я возвращаюсь

Я на встречу с тобой — по встречной,
На обгон — через скалы и лес.
Целый месяц я ждал этой встречи,
Мчит по трассе меня мерседес.
А подъем впереди слишком долгий,
Но меня не пугает подъем —
Через ельники, сосны и колки
Я к тебе возвращаюсь, мой дом.
Разрывается сердце на части:
Степь мила мне, и мил косогор;
Там — мое синерекое счастье,
Здесь — я счастлив средь синих озер.
Воздух там терпкой хвоей наполнен,
Он струит меж холмов невпопад,
Но с тобою я, город, спокоен —
Ведь мне мил здесь степи аромат.
Не ругай меня, я понимаю,
Что ты очень скучал без меня,
Но и эта земля мне родная, —
Отчий край забывать нам нельзя.

Писк моды

Сегодня модную прическу
Не так-то просто навести:
Ну, вот, к примеру, скажем, косы.
Вы сами можете плести?
Я научилась, в ту субботу —
Наш класс собрался в «Киномакс».
Вы не поверите, работы
У всех прибавилось у нас.
А Светка, ну, моя соседка —
Она такая егоза,
Сказала: «Знаете, писк моды —
Теперь французская коса».
Нам Светка принесла журналы, —
Мы были так восхищены —
На всех страничках предлагали
Косички дивной красоты.
И мы попробовали сами
По моде волосы сплести.
Мы косы заплели кругами,
Вплели в них пряди с кружевами,
Еще украсили цветами —
Старались, словом, как могли.
В трамвае бабушки шептали:
— Какие косы наплели!
— Ты посмотри, какие крали!
— Как модно волосы сплели!
— Мы раньше-то — совсем несложно —
Три пряди свили — вся краса,
А мы все хором: «Просто модна
Теперь французская коса!

Из цикла «Удмуртия»

В родном краю

Сердце бьется в груди от радости, —
Может выпрыгнуть невзначай;
И вдыхаю я воздух сладостный, —
Вот он милый родной мой край:
Разнотравьевый, растуманенный,
Раззелененный муравой,
По зиме-зиме разбураненнный,
Расчеремуховый весной;
Васильками во ржи рассиненный,
Разромашковый вдоль дорог,

Расплакучий березово-ивовый,
Я к тебе! Безт ебя не смог!

На земле отцов

Меня встречают хвойные леса
И елок пирамидки вдоль дорог.
Приветственные слышу голоса
Сестриц-синиц и стрекоток-сорок.

Река Июль струится летним днем,
Улыбкой ярко-рыжих солнц рябит,
Родных полей прогретый краснозем
Медвяным запахом к себе манит.
А я остановлю автомобиль
На изумрудно-бархатном лугу
И, переждав, когда осядет пыль,
Я босиком по мураве пройду.
И с упоеньем землю обниму
Бескрайних рек, цветных холмов.
Нет! Не отдам тебя я никому,
Удмуртия — земля моих отцов!

г. Еманжелинск

Анна Белобородова

Все в жизни так запутанно порой

Анти-lady

Губы в цвете — вызов дня.
В волосах настырный ветер
провоцирует меня.

Сумка в моде — цвета бренди.
В мыслях, словно на свободе
имитирую ребрендинг.

В каблуках — отличный шейпинг.
В небывалых сантиметрах
завоевываю рейтинг.

Сети шарма — смелый взгляд.
В атмосфере светлой кармы
генерируют заряд.

К черту возраст — статус «в тренде».
Пробуждаю дерзкий образ
нешаблонной *анти-lady*.

* * *

В порывах ветра словно задыхаясь,
Не чувствуя щемящей жуткой боли,
Душа молчит, и, робко улыбаясь,
Я отвечаю «нет» своей забытой воле.

Воспоминания становятся все дальше,
Не разобрать их сквозь туман печали…
Любовь не выдержала этой фальши
В конце любви, как в песне, что без слов,
С тобою мы — всего лишь промолчали.

* * *

Серебряный звон улыбки,
Теплая, вскользь, ладонь…
Волшебные звуки скрипки
Разжигают в груди огонь.
Из тысячи звездных песчинок
Рождается Млечный путь,
Сотни небесных картинок
Зовут нас в ночи утонуть.
Бескрайний магический атлас
Раскроет секреты миров,
На белых крыльях Пегаса
Умчимся в долину мы снов.

Без ответа

Все в жизни так запутанно порой,
Как в мыслях, чувствах и словах.
Не дать ответа на вопрос самой,
Не прочитать его в твоих глазах.
Я часто брежу наяву или во сне,
Вслух говорю не то, о чем хотела,
И сложно разобраться мне в себе,
Раскрыть, в душе что долго накипело.

Как больно вновь об этом вспоминать,
Листать воспоминаний тусклых кадры.
Многозначительно и глубоко вздыхать,
Произносить спасительные мантры.
Как трудно в темноте нащупать путь,
И не свернуть в обрыв с дороги верной,
По ветру парус жизни повернуть
И наконец, узнать всю правду первой.

Смотрю на расплывающуюся даль,
И жду разгадки нужного секрета —
Туманом белым все окутала вуаль,
У сердца нет пока достойного ответа.

* * *

Забываю — молчу. Вспоминаю — и плачу.
Захочу — закричу. Много сил не потрачу.
Утешенье — вода. Капли. Слезы. Рыданья…
Сердце колют слова. Не поймешь — до свиданья.

Тишина — просто сон. Торопливость — ответы.
Раздирающий стон. И усталость — советы.
Подожду — обойду. Не спрошу — и забуду.
Все вернуть — что могу, не хочу — и не буду.

г. Челябинск

Татьяна Рубцова

Наш дом родной от счастья светится

Судьба

Если встретится предательство,
То проникнет в дом, как вор,
А потом, как в лучшей драме,
Вынесет тяжелый приговор.
Скрытое, такое незаметное,
Тенью, невидимкою живет,
А когда раскроет свою маску,
Как змея, по жизни проползет.
И кусает медленно и больно.
С наслажденьем, как вампир,
Из души вытягивает жилы,
По крупицам разрушая мир.
А какое хитрое, коварное,
Кажется приличным нам оно.
Как красиво в ложь замаскировано,
Рядом с нами ходит не одно.
Что ж, судьба, со мною несговорчива?
Подскажи, как справиться с бедой.
Я хочу одно спросить у бога:
«Крест сей тяжкий мне нести одной?»
Раны заживают понемногу,
Вслед судьбе кричу: «Разлучница, постой!
В сеть твою я угодила ненароком,
Надо ж было быть такой слепой!»
Задаю вопрос и жду ответа,
И ответить может мне любой:
«За любовь, надежду, веру
Расплатилась ты высокою ценой».
На коленях у судьбы стоять не стану,
Пусть мне в жизни меньше повезло,
Все равно счастливой буду
Всем невзгодам и тебе, судьба, назло!

* * *

Ах, жизнь моя!
На бурелом похожая.
Работа, мужики, опять дела,
А вот родных мне так увидеть хочется,
Хоть нанемного, хоть на полчаса.
Взглянуть в глаза отцу
И слезы спрятать от волнения:
Немного сдал, но все еще шустрит.
И мамина походка изменилась,
Но не показывает вида, что болит.
Хочу у вас я попросить прощения
Что забываю, мало вам звоню.
Учили меня доброму, хорошему.
В ошибках только лишь себя виню.
Вот брат живет в круговороте мегаполиса.
Уж очень возмужал, еще серьезней стал.
Гляжу, браток, ведь с бешеною скоростью
И ты свое здоровье растерял.
Наш дом родной от счастья светится
Уют, покой не помешают нам.
Давай, как в детстве,
Мы с тобою встретимся,
Поговорим по-братски, по душам.

с. Чесма

ПОЗДРАВЛЯЕМ
Дашу Гладковскую
с присуждением ей премии имени Виктора Петровича Поляничко!

Ахмет Нуретдинов

Четверостишия

* * *

Помигнул девчонке парень
и решил судьбу свою.
Вот и этой юном паре
час настал создать семью.

* * *

Мир спутал свет и тьму.
Что совесть — быть бы живу!
Теперь лафа тому,
кто смог поймать наживу.

* * *

Друзьям, кто помощи просил,
я помогал, забыв про взятки.
Теперь остался я без сил,
друзья пропали без оглядки.

* * *

В державе сказочно богатой,
земля отнята у людей.
Обида с горечью расплатой
за торжество дурных идей.

* * *

Своих врагов гони и презирай
и за добычей легкой не гонись.
Придет пора — вернет родимый край
твоим крылам утраченную высь.

* * *

Культура своя у любого народа,
и лишь перед богом все люди равны.
В культуре есть ценности разного рода,
в науке истоки единой цены.

* * *

Неравенство земных людей среди
природой установлено от века.
Но пусть одно главенствует в груди —
достойнейшее званье человека.

* * *

Болезни нас пугают и калечат,
но есть врачи, которые нас лечат.
И сам себе будь опытным врачом,
тогда болезни обойдут твой дом.

* * *

Когда держал ты каменный топор,
был древним дикарем ни взять ни дать.
Учись и верь, чтоб с некоторых пор
вселенной тайны взять и разгадать.

* * *

Бездомный обделен своей судьбой.
Он жалок и несчастен, как всегда.
И бедственной подавленным мольбой
не выбьется он в люди никогда.

* * *

У безработных только горе на пути,
у бедолаг ни денег нет, ни пищи.
Труда достойного несчастным не найти.
Похлебка жалкая — спасение для нищих.

* * *

Не ведают владыки, что творят.
Неужто мы опять идем ко дну?
И, поглощая этот горький яд,
порой мне стыдно за свою страну.

Перевод Сергея Борисова

г. Верхнеуральск

Валентина Харько

Лучший день детства

Чем старше становлюсь, тем ближе детство, ну всё как на ладони.

Было мне этак лет десять, отправила меня мама погостить к своему брату Василию в Кременкуль. У дядюшки семья большая, дружная, шестеро ребятишек, да самих двое. А избенка-то маленькая, русская печь занимает половину кухни, лавки вокруг большого стола, да полати под потолком. В горнице пара железных коек да сундук огромный в простенке между окнами. Вот и весь обиход деревенский.

Тётушка Лиза зачастую с ухватом да чугунком возится у печки, накормить ведь такую ораву надо. А если ребятишки расшалятся, всплеснёт руками по своим бёдрам, как наседка крыльями, поворчит на них тихим голосом, глядишь, детки и разбегутся по своим делам. Ни крика, ни шума в доме, теплота да ласка. И я среди них, как своя.

Вот и в этот день накормила нас тётушка Лиза лепёшками с молоком и говорит старшей дочери:

— Надя, положи в сумку буханку хлеба да бутылку воды, сходите с ребятишками к отцу на пасеку, он вас мёдом накормит, а я хоть маленько с Мишанькой прилягу, отдохну.

Мишаня был грудным карапузом.

Сборы невелики. Надюшка, двенадцати лет, третий ребёнок по возрасту, отвечала за младших Любашу и Валюшку. Чтобы солнце не напекло наши белобрысые головки, Надя сделала из газет всем пилотки, надела на нас. Взяв воду и хлеб, мы отправились на колхозную пасеку к Малому озеру. Дорога не ближняя, километра три будет. Мы шли с хорошим настроением, весело болтая.

Стоял солнечный июльский день, дул легкий ветерок, на голубом небе ни одного облачка. По краям дороги росли плодовые кустарники и деревья. Начинала буреть смородина. Ну разве можно пройти мимо таких крупных ягод! Надюшка потрясла грушу и яблоню, на землю осыпались совсем еще зелёные плоды. Мы погрызли немного и, набив оскомину, хотели бросить их в траву. Старшая сестра посмотрела на нас строго и сказала:

— Природу засорять нельзя. Посмотрите, как здесь красиво. Положите огрызки в мою сумку. Одно яблоко оставим под деревом для ёжика, он унесёт его своим ежатам.

Маленькая Валя положила своё яблоко под дерево и мы пошли дальше. Вокруг щебетали птицы, аукались мы, хотя шли рядом.

Вдруг стало сумрачно, птицы умолкли, наступила какая-то тревожная тишина. Мы посмотрели на небо, солнце закрыла небольшая туча. Надя, взяв шестилетнюю Валеньку за руку, сказала, что надо торопиться, пока дождь не пошёл. Мы припустились бегом, наперегонки, весело соревнуясь, кто обгонит. Но нас остановил резкий звук такой силы, что мы присели, завизжав от неожиданности. Будто огромным молотом ударили по горячему камню, и его осколки разлетелись по воде, шипя и булькая. Потом небо озарилось от стрелообразных молний, и снова глухие удары грома. Ветер, подхватив дорожную пыль, бросал её на деревья. Они раскачивались и возмущённо шумели листвой. Мы все испуганно посмотрели на небо, как бы умоляя его пощадить нас.

Надя строго скомандовала:

— Падайте на колени и говорите: «Боженька, спаси нас, Боженька, помоги нам!»

Мы, упав на колени, повторяли за ней. Валюшка захныкала:

— Я боюсь.

Мы с Надей взяли с двух сторон её за ручонки и бегом к пасеке. Но через минуту снова разверзлось небо, засверкали молнии, загрохотал гром. Потом полил такой сильный дождь, что исчезли деревья, дорога. Мы небольшими перебежками двигались вперёд. При очередном раскате грома и вспышке молнии, мы по команде старшей сестры падали голыми коленками в грязь, грязными ручонками неумело крестили мокрые лбы и просили Боженьку спасти нас от такой страшной стихии.

Как-то неожиданно из-за сплошной стены дождя перед нами оказался голубой вагончик пчеловода. Дождь быстро стал стихать. Надюшка заставила нас остановиться, посмотреть на небо, чтобы дождик помыл наши лица и руки.

Скинув мокрую обувь, мы ввалились в вагончик, довольные тем, что приключения закончились. Дядя Вася разволновался, увидев нас такими мокрыми и грязными. Он быстро затопил чугунную печку-буржуйку, поставил чайник с водой. Минут через десять мы, пере-

одетые в чьи-то старые свитера и кофты, подпоясанные верёвочками, в шерстяных рваных носках, сидели за большим столом и пили горячий чай с душистым мёдом, жевали медовые соты в прикуску с хлебом и весело вспоминали эту страшную грозу. Не заметили, как дядюшка вышел. Возвратившись, он с улыбкой посмотрел на нас и сказал:

— Сторож разрешил вам пособирать ягоды с самого крайнего рядка, но очень аккуратно, чтобы дальше ваших следов не было, не то будет вас ругать. Возьмите с собой кружки.

Мы вышли из вагончика. Погода снова была чудная. Ярко светило на голубом небе солнышко, громко щебетали птицы, пахло зелёными листьями и мокрой землёй. Через дорогу раскинулось огромное поле садовой клубники. Я увидела её впервые. У нас на хуторе, где я жила, ягода росла в диком виде: лесная глубянка, вишня, костянка, малина, калина, черёмуха. А здесь такая невидаль! Я срываю самую крупную ягоду, споласкиваю в кружке с водой и в рот. Какая вкуснятина, только на зубах скрипит, после дождя столько земли на ней.

Вернувшись в вагончик, мы с Надей все ягоды хорошенько помыли, истолкли, разложили по кружкам и залили молоком. Вошёл дядя Вася в вагончик и увидел отрадную картину: сидят его малыши и усердно уплетают ягодную тюрю, только ложки стучат да губы чмокают. Он бросил на пол широкий ватный матрац и сказал:

— А сейчас, пока жара не спала, отдохните немного, а вечером я вас на лошади домой отвезу.

Мы улеглись поперёк матраца, малыши тут же засопели, окунувшись в сладкий сон. Я лежала с открытыми глазами. В моей детской головке прокручивались все события сегодняшнего дня, такие фантастические и сказочные.

«Вот как просто растут яблоки и груши, — думала я. — А какие огромные и сладкие бывают ягоды! У меня сегодня самый счастливый день в моей жизни! Вот приеду домой, расскажу обо всем братику и маме, ну точно, не поверят».

Убаюканная радужными мыслями, я погрузилась в чудную сказку своего неприхотливого детского счастья. А этот день для меня так и остался самым, самым лучшим днём детства.

с. Дубровка

Светлана Шитлина

И от воспоминаний я пьяна

Девушка, горящая в огне

Девушка, горящая в огне,
Зовущая на помощь.
Пришедшая, к тебе во сне,
Растаявшая в полночь.

С острой болью в сердце ей кричишь:
«Сесилия, не умирай!»
Уйдет она, ты не простишь,
Что не сберег. Проклятый рай.

Девушка, тонущая в тебе,
В твоей любви и ласках.
Уставшая в своей мольбе,
Зато всегда без маски.

С нежностью в душе ты шепчешь ей:
«Сесилия, живи, борись!»
Ее на свете нет важней,
Она дороже, чем вся жизнь.

Девушка, любившая стихи
И свет луны сквозь шторы.
Прощавшая тебе грехи,
Пустые разговоры.

С дрожью ты касаешься лица,
Мечтая ад остановить.
Которому и нет конца.
И словно гром: «Я буду жить!»
Девушка, стирающая боль,
Навеки будет лишь с тобой.

Твоя задумчивость

Blanco

Твоя задумчивость и отстраненность,
И я не знаю даже, как мне быть?
Внутри огонь, снаружи лишь холодность,
Ты запретил другим тебя любить.

В оковы одиночества вместился,
А сам ты задыхаешься в слезах.
С реальностью тупой ты не смирился,
Но все вернуть назад уже нельзя.

И эта мысль вновь тебя съедает,
Ты временами разъярен до боли.
Но ничего сейчас не помогает,
И организм дает одни лишь сбои.

Коньяк и разговоры не по теме.
Наутро — снова разочарованье.
И эту пустоту несешь как бремя,
Ты ненавидишь слово — расставанье.

Сжимаешься, что рухнул мир в минуту,
Себя ты ненавидишь, остальных.
Что так мучительно любое утро,
Что невозможно счастье для двоих.

Твоя далекость, нежность все же манят.
С твоей ладони молча пью вино.
А колкость фраз порою больно ранит,
Ты говоришь: уже все решено.

Так кем ты все же был? И что же было?
Такие странные вопросы, боже!
И за двенадцать лет я не забыла,
Но неужели так еще возможно?

Я помню все тебе что посвящала.
Пророчества в моих стихах так много.
С тобой нас осень нежно обнимала
И подвела к суровому порогу.

Мне остается просто раствориться
На жизненном твоем пути.
В твоей судьбе другие будут лица,
Другие встречи, мысли и мечты.

Твоя задумчивость и отстраненность,
И я не знаю даже, как мне быть?

Marcas de ontem*

Настигли тени прошлого меня,
Сама так захотела.
Наверное, искала их.

И от воспоминаний я пьяна,
Иголочки по телу,
В тенях, как много смысла в них.

Вы дороги по-прежнему, увы…
Что делать? Я не знаю.
Пущу их вновь на свой порог.

Не скроюсь я от той своей любви,
Отлично понимаю.
Терзания все видит Бог!

Настигли тени прошлого меня…

Безумие Матильды

Мой черный конь несется во весь дух,
Подобно смерти опозданье будет.
Мой принц, тебя спасу от страшных мук,
Без разницы, что скажут злые люди.

Матильда мчится лишь к нему, вперед,
Небрежно волосы рассыпались у ней.
Она его от палача спасет,
Всех обстоятельств жизни женщина сильней.

Как будто вся она была в огне,
Порывы ветра поднимали платье.
Такая смелость и не снилась мне:
Неслась навстречу бурям и проклятьям.

«Мой черный конь — гроза для темных сил.
Мы победим», — она вновь повторяла.
Уже погиб, кто так ее любил.
Матильда опоздала, опоздала.

И небо становилось ярко-красным,
Под цвет ее души, ее наряду.
Безумие испанки так опасно,
Бороться с ним бессмысленно, не надо…

Не нужна

Я тебе не нужна.
Взгляд твой пуст,
Он не ищет меня средь толпы.

Горечь истины жжет,
Вновь из уст
Вылетают слова: что же ты

Причиняешь мне боль?
В сердце скрип.
Я должна в одиночку пройти

Этот путь, миг разлук.
Жизнь, как клип:
Цвета много, но мало любви.

Я тебе не нужна,
Ход назад,
В темноте, чтоб не видел мой шаг.

Ты держать бы не стал,
Пуст твой взгляд,
Но загадкой осталась Душа.

---

* Следы прошлого (*португ.*).

Роза и перо

Увядала так медленно роза,
А перо обнимало ее.
Жизнь прошла, не оставив следа.

Менуэты, свидания, грозы,
Как дыханье весны все ушло.
Навсегда, жаль, уже навсегда.

Увядала так медленно в красном,
А перо очень нежно ласкало,
Наперед зная завтрашний день.

Лепестки потеряют все краски,
Их душе места здесь будет мало,
Словно кошка придет ночи тень.

Увядала так медленно нежность,
А перо белизною манило.
Они рядом шагают: жизнь-смерть,

Счастье-горе, утраты-надежды.
Пусть сегодня перо всех затмило,
Ну, а завтра ему вверх лететь…

Танцую

Полуобнаженный профиль на стене:
Танцует тень,
И в танце выражает душу.

Все движения, как будто бы во сне.
Погашен свет.
И люди стали как игрушки.

Одиночества не избежать. Никак.
Кричать нет сил.
Прелестна куколка, однако.

С красотой соседствует лишь мрак.
Мечту разбил.
Марионетка и бояка.

Утонченная фигура на стене.
Гостей зови,
Устрой им пир, пусть танцы будут.

Что-то просыпается в ней и во мне.
Свет от любви,
И этот свет подобен чуду!

Посиди со мной

Ты посиди со мной,
Пусть за окном метель,
Побыть хочу теперь
С тобой.

Ты посиди со мной,
Ладонью вновь коснись,
Мгновенью удивись,
Постой…

В глаза мне посмотри,
Так нежно-нежно очень.
В объятьях ночи.
Я. Ты.

Ты посиди со мной,
Мне большего не надо.
Тебя и твои взгляды.
С тобой…
Хочу побыть с тобой!

Прежняя любовь

Не знаю, правда ли,
Что прежняя любовь уже не так сильна?
Не так огромна
И все же…
Я люблю ее не меньше!

Мануэль Гутьеррес Нагера

И прежней любви догорает огонь,
И снова молчит ледяная ладонь.
И губы твои предвещают разлуку,
Целуешь меня, прогоняя лишь скуку.

И прежней любви так неясны слова,
И сердце стучит, неспокойна душа.
И наших всех встреч, позабытых признаний,
Красивых сближений, опять расставаний

Настала пора, быстро крутится лента.
Ты хочешь уйти, потонуть в лучах света.
И кадр за кадром, картинка другая
Теперь не тебя, пустоту обнимаю.

Корабль уплыл неизвестно куда,
Маршрута не знает царица-луна*
И простыни руки сжимают так нервно,
Уж скоро эпоха Renacimiento**.

---

* Стихотворение Карлос Пельнсер. «Корабль столкнулся с луною».
** Возрождение (*испан.*)

И прежней любви догорает огонь,
И снова молчит ледяная ладонь.
Недавно ты был здесь со мной, а теперь?
Пространство меж нами из дней и ночей.

И прежней любви размывается след,
И в небе давно даже птицы все знают,
Они от тоски лишь слетаются в стаи,
А я вновь ищу всем понятный ответ.

Ты послан мне как знак

В момент стремительный столкнулись две звезды…
Меж ними свет родился чудно-дивный.
Неповторимым стало все — миг красоты.
Оттенки чувств не смоют даже ливни.

В момент волнующий — орбитами пересеклись
Планеты две похожие так сильно.
И в новую Вселенную направилась их жизнь.
И их мечты все обрели вдруг крылья.

Подобное случается раз в триста лет
В момент загадочный, невыносимый.
Нашелся сам собой единственный ответ,
Что встреча Богом послана. СПАСИБО!

г. Челябинск

Александр Кульпин

Мы друг друга простим благодушно

Напишу о своем…

Напишу о своем сокровенном,
Все, как было и есть, расскажу,
Спрятав новый букет откровений
Под желаний и чувств паранджу.

…Вытекала последняя капля
Из сосуда, что был до краев,
И цветы в ожидании чахли,
Обветшал и разрушился кров.

Все острее тоскуя по ласкам,
Я исполнился целью одной —
Снять с себя эту глупую маску,
Называющуюся виной.

Словно ангел, лучистый и светлый,
Свою душу, открыв, как Грааль,
Вопреки заклинаниям тщетным,
Распахну необъятную даль,
Где все просто и чисто, как утром,
Где легко и свободно любить,
Где судьба благосклонно и мудро,
Позволяет мне попросту жить.

Мы друг друга простим благодушно
За падения наши и взлет,
Чтоб в гармонии с сердцем послушно,
Принимать все, что небо пошлет.

Живой

Как по-летнему лихо и весенно
Встрепенуться б однажды зимой,
Между сосен свободно и песенно,
Как мелодия жизни самой,
Поскользить, пролететь, позабавиться,
Наслаждаясь морозным теплом,
Чтоб душа, как лесная красавица,
Заискрилась под снежным крылом.
И лыжня, повинуясь приветливо,
Серебрилась на солнце слегка.
То дразня, то виляя кокетливо,
Раззадоривая ездока.

А когда вечерок забагрянится,
Я вернусь утомленный домой.
Все искрится во мне и румянится,
Значит, я еще молод, живой.

Вот и все

Вот и все. Не финал, не кончина — последняя точка,
Словно нашей любви истекает назначенный срок,
Вопреки ожиданья святого рождения дочки,
Необдуманных фраз неизбежный фатальный итог.

Мне бы взять да пойти у реки, как дитя, разрыдаться,
Чтоб увидеть себя в отражении босым мальцом,
Видно там не успел я серьезно в любовь наиграться,
Не донес, растерял, что завещано было отцом.

Кто же в силах понять то, что нам уготовано свыше,
Видно, каждый из нас исполняет последнюю роль.
Мудрый Бог все простит, откровенье такое услышав,
Чистотой наших душ, растворит в небесах эту боль.

Не молю, не кляну, мы друг друга испили до капли,
Я с тобой намолчался на несколько будущих лет.
Но так хочется вновь наступить на знакомые грабли,
Чтоб открылся портал, предлагая обратный билет.

г. Верхнеуральск

Ирина Аникина

Дорог моих пересеченье

Усталость

Я отпускаю тебя
С Богом или Дьяволом —
Выбор за тобой.
Я боролась с собой, и… саваном,
И с самой судьбой.
Я ждала, наивная, милости
Для нас двоих,
Только вот чужое —
Хоть крести — не крести —
Отпусти.

Отпускаю я тебя —
Грешно жалиться —
Уходи.
Поздно причитать и печалиться.
Впереди
То, что расположено по судьбе,
И… вот карты сложены — все тебе.
Ну а я… счастливая —
Бог со мной,
Окунусь, игривая,
В мир иной.
В мир, где нет обмана, лжи, нет долгов,
Где любовь единственный людям кров.

О нас

Венчаны ветром,
Дождями и солнцем,
Луною и звездами,
И… оконцем.
Венчаны радостью,
Болью и счастьем,
Богом обвенчаны,
Служителем в рясе.
Наше венчание —
Жизнью даровано,
Вестью благой
И любовию сковано.
Свидетели наши —
Родниковые воды,
Снежные горы,
Все силы природы!
Кричу «Аллилуйя!»
Счастью благому,
Счастью семейному,
Родине, дому!

На вершине

Дорог моих переплетенье
Сродни запутанным речам,
Под треск божественным свечам,
Душой оправданным смятеньям,
Молитвослов читая с рвеньем.

…Бликом-отблеском в глазах,
Расплавляя воск в слезах.

Дорог моих пересеченье
Под выстрел поперечных нот,
Не навзничь, но, увы, вот-вот…
Сначала болью со смиреньем —
Молитвой тихой… песнопеньем.

…К Богу взором обратясь,
Каждый день перекрестясь.

Дорог моих соединенье
В единый ангельский маршрут,
Где каждый прихвостень и шут
Остался позади в смятенье,
Держа закостенелый кнут.

…А на вершине бытия
Соединились ты и я.

Огни

Утро раннее. Чай. Пирожки.
Сон, оставшийся за порогом.
Запетляла дорога. Дожди.
Богом выгнана с сердца тревога.

Закудрявилась отблеском фар
Безучастная к нашей разлуке…
…Осень золото скинула в дар,
Завершая пробег времен в круге.

Так среди слепой беготни
Сквозь дни, ночи, вселенной пространства,
Очага — стоп-сигналом огни
Отмеряют свое постоянство.

Где бы ни был, куда бы ни шел
Тонкой нитью любви ожерелье,
Скатерть белая, явств полный стол…
Даже кошка встречает с почтеньем.

Антиквариат

Прильнув к стеклу
Разглядывая все предметы,
Один сказал:
«Вот сволочи,
все это мне бы!»
Махнул рукой, так
сплюнув горечь всех утрат,
Побрел он дальше,
Восвояси, и был рад.

Вдруг заскрипела дверь.
Вошел другой.
Не слишком любопытный,
но мирской.
Решил поближе он на дар взглянуть…
Взглянул.
Подумал (лишь немного).
Стукнул в грудь и…
В путь дорогу.

Но… снова скрип,
И уже третий,
В ком любопытство и апломб заметив,
Вдруг пальцем показав,
Решил поближе посмотреть…
Вертел,
Осматривал и трогал он руками,
Но…
Головою покачав,
Вернул на место,
Увеличивая расстоянье, как цунами.

Затишье. Дверь молчит.
Прохожих тьма.
Лишь солнце движется по кругу.
И… пылью зарастает антикварная Она —
Бесценная
(быть может, нужная единственному другу).

За солнцем всходит вновь луна,
Зима сменяется весною,
Но в один миг почищена она,
Одной добропорядочной рукою.

И… засияла!
Засветилась в тишине!
Так, освещая бренность всю лучами…
……
Дверь отворилась,
Дыханием отозвалось во тьме —
Бесценным сердцем, душою и очами…

…Верной спутницей она,
И по сей день ему дана.

Сентябрь

Как маятник часов,
Свою ты жизнь обрек на бесконечный
Круг, безудержного бега.

Как шар, который зацепился своей веревочкой за что-то,
Висишь на волоске.
Подвержен бурям и ветрам.
И случай воспарит лишь в небеса.
А в остальном — конец один — на издыханьи сил
Погибнешь в том же месте,
Сдувшись от бессилья,
И будешь говорить, что лучше нет на свете места,
Забыв о сути о своей, о небесах и о полете.

Без названия

Я не жена, и не подруга,
Не любовница не дочь.
Я не хозяйка, и не мать,
Без рода и фамилии.
И все бы это в паспорт я не прочь,
Да только видно не из той породы,
Да впрочем… и не по той я линии.
Хотя…
Я мать, хозяйка и жена,
Любовница, подруга, надежная подмога.
И венчана я звездами, луной, ручьем сполна,
Горами и степями, дочкой, наконец, дождями, вьюгой.
И это в паспорте Вселенной
Записано пером нетленным!

г. Белорецк

Павел Волченко

Плешивые крылья

Из тумана над низким каменным мостом доносился размеренный перестук копыт, мягкий, приглушенный, сырой, и за ним пронзительный скрип тяжелых, промокших тележных колес. Медленно, неторопливо… Старый каменщик Фердис поежился, запахнул потуже свою древнюю линялую куртку и шагнул в холодную изморось сизого тумана. Скрип становился ближе, и вскоре стал виден темный, едва пробивающийся через пелену тумана силуэт, становившийся все четче, вот уже и клячу черную видать: на тощих боках влажно блестят капли росы — печальная лошадь, усталая. А следом и скрипучая телега, в ней двое: один широкий, с крепким пивным пузом, второй тощий, высохший, сутулый.

— Фердис, шельма, ты? — крикнул тот, что с пивным пузом, и сразу стало ясно, что это Агнис, могильщик — мужик яростно веселый, тяжелый на руку, пьющий по-черному и поющий басом песни, а рядом с ним — это, конечно, Дукас, тоже могильщик, только старый уже, с тяжелым длинным носом, бугристым и вечно красным.

— Я это, — Фердис ответил нехотя. Агниса он не любил, не за тяжелые руки, Не за пьянство и громкую глотку, а за отношение к мертвецам: нельзя так, хохотками да тяжелой пятерней по струганному дереву гроба — нехорошо это.

— А я думаю, кто это идет спозаранку, — телега уже почти поравнялась с Фердисом и буйный, бас Агниса бил по ушам, — не Фердис ли это сердобольный? А вон, так и есть, Фердис, кто же еще, — обитое жестью колесо, поскрипывая, прокатилось рядом с Фердисом, Агнис обернулся, громыхая басом через плечо, — работа для тебя есть, готовь плиту тесать,

вона какую девку знатную нашли! — и кивнул на крытую соломой телегу. А там, в жухлой желтизне старой соломы лежала бледная белая девчушка в драном платьице. Вся словно из мела, только ссадина на лице, а там, где драными клочьями оканчивалось платье, белели ноги — гладкие, бледные, с налитыми густой синевой синяками. Фердис отвернулся, ему стало стыдно этих ног с синяками, лица этого бледного с широко распахнутыми глазами, что смотрели сквозь туман прямо в низкое серое небо.

— Как тебе красотка, а, Фердис? — Агнис хохотнул.

— Помолчи, — сипло сказал Дукас, обернулся, так что из-за плеча показался его длинный, налитой краснотой нос, сказал: — Снасильничили девку, а она, вот, с моста. Жаль…

— Жаль, — тихо согласился Фергис, отвернулся и скоро пошел прочь, но еще долго слышал он, как скрипят обитые медью колеса, как гулко отдается мерный перестук копыт черной тощей клячи.

Вечером в мастерскую, где работал Фергис, прибежал худенький мальчишка, шмыгнул мокрым носом, почесал грязной ручонкой за красным оттопыренным ухом, и сказал, что его сюда послал булочник Игнатис, и вот, записку велел передать. Мастер взял записку, прочел, вздохнул, потрепал мальца по голове, и сказал:

— Завтра будет.

Когда мальчишка ушел, мастер отдал записку Фергису, сказал:

— Надо к завтра.

Фергис кивнул, глянул на записку, там было написано: «Анна Кёльман: 1683—1698» — синяки на белых ногах, холодные глаза в серое небо.

— Слышали, — торговка подалась вперед, так что тяжелые груди ее мазнули по испачканному рыбьими кишками прилавку, — на площади то что было. Там, говорят, — она оглянулась в сторону собора и быстрым шепотом зашипела в ухо Фергису, — говорят, что у ангела, ну тот, что на площади у ратуши, из крыльев перья выпали!

— Что? Перья? — Фергис посмотрел на торговку недоверчиво.

— Как есть! Перья! — она отстранилась, скоро перекрестилась и сказала с истовой верой в глазах. — То за грехи наши, как есть, за грехи!

— Перья… — Фергис, посмотрел в глаза торговки, та скоро закивала, и глаза ее глупо округлились.

— За грехи, за грехи-то, — скороговоркой выпалила она, — от дьявола это.

— От дьявола, — глупо повторил Фергис, взял с прилавка такую похожую на торговку выпотрошенную рыбину с таким же глупо распяленным ртом и выпученными глазами, сунул ее в корзину, отвернулся и вновь повторил: — От дьявола.

Этот слух о статуе ангела с площади он за сегодня слышал уже в третий раз. Сперва этой новостью с ним поделился седой плотник Юнг. Рассказал он ему об этом с опаской, оглядываясь — страшно все же. Потом рассыльный мальчик в мастерской, то и дело крестясь и закатывая глаза, скороговоркой нашептал слушок и мастеру, и Фергису, и двум тощим подмастерьями, а теперь вот еще и торговка.

— Может, и за грехи, — грустно сказал Фергис и пошел прочь с базара: хотелось поскорее добраться до дома, и, может быть, даже, забыв про эту купленную рыбу, улечься в койку и спать.

Про рыбу он конечно не забыл: сварил из нее похлебку, в которой кроме лука, соли и той самой рыбы больше ничего не было, поел, и только потом, когда уже стемнело, потушив свечу, улегся спать. На душе было легко и покойно.

Скрипела телега, наверное, скрипела, — не слышно было скрипа за людскими криками, гневными воплями, за воем и проклятьями. На телеге была клетка с черного кованного железа — ведьмы боятся работы кузнецов. То и дело звенели о железные прутья брошенные камни, а иногда не звенели, иногда протискивались и тюкались в податливое тело. На дне клетки, свернувшись калачиком, облапив костлявыми бледными руками голову, лежала она — ведьма. Мятая, в рубище, пальцы сбитые, разлохмаченные сальные волосы. Она вздрагивала всякий раз, когда камни бились в прутья, тихо скулила.

Толпа расступилась и телега выкатилась на центр площади, как раз к тому самому каменному ангелу, что смиренно сложил в молитве ладони, и лицо его, мирное, почти мальчишеское лицо, было обращено к небесам, к грязным, заляпанным кляксами жирных туч, небесам.

Грузный, с большими, какими-то куцыми руками палач, звякнув длинным ключом, открыл клетку, остановился на секунду, разглядывая утлое тельце ведьмы, и потом хвата-

нул сильными пальцами за волосы, сграбастал и потащил ее по помосту за собой к высокому ошкуренному столбу. Веревки были толстые, казалось, они были толще чем ведьма, казалось, они мнут ее тело, продавливают до самого столба. Ведьма не брыкалась и не вырывалась, она только шептала что-то неслышно, губы ее говорили, изгибались беззвучной пантомимой слов. И вдруг как-то разом все стихло — это вышел на площадь высокий, прямой как жердь епископ. Его поджатые губы, его лицо — каменное, без единой эмоции, его холодный взгляд утихомирили толпу, испугали, и даже фиолетовые губы ведьмы остановились, перестали бессловно молить. Рывком он вскинул руку с пергаментом, рывком развернул его, сургучовая печать на веревке болталась из стороны в сторону, и громко, так, что услышал каждый, прочел:

— Урожденная Вероника признана виновной в грехопадении. Вероника признана виновной в колдовстве и смуте, в подговорах и наговорах, в совращении душ. — Его сухие костистые пальцы скоро свернули пергамент, и он закончил речь своими словами: — Она виновна в том, что Господь и ангел божий отвернулись от нас.

Он развернулся, и, так и не глянув в сторону ведьмы, пошел сквозь расступающуюся толпу. И только когда сомкнулось за ним кольцо людей, когда палач с промасленным трещащим факелом шагнул к вязанкам хвороста под столбом, только тогда заголосила ведьма Вероника, дико завопила, как животное, и толпа грянула ревом, и заполыхало разом пламя под голыми бледными пятками, и…

Фергис, пытаясь не слышать истошных криков, пробивался прочь с площади, протискивался, проталкивался, а потом долго еще бежал по улицам, забыв про свою старость, про одышку, про болящие ноги…

— Перья-то снова… — тихий шепоток из подворотни остановил Фергиса, он замер, прислушался, а шепот из-за угла продолжил: — Сам утром видел. Иду, а там, у ангела почитай, уже остья одни, как у курицы щипаной, и перья кругом по ветру…

Неподалеку заржала лошадь, Фергис вздрогнул, как от удара, и скоро пошел прочь. На скулах его зло надувались желваки, шел он чеканно, с силой впечатывая каблуками в камни мостовой. Но почему-то казалось, что в ярости его есть еще и радость, злая, дикая, но радость.

В мастерской он был тих, работал весь день не покладая рук, чтобы успеть сделать и нужную работу, и…

Рука мастера мягко легла на плечо, так, что Фергис вздрогнул, оглянулся испуганно. Мастер склонился над камнем, смахнул рукой мелкое крошево, прочел надпись, что была уже почти окончена, кивнул, будто соглашаясь, и пошел дальше, так ничего и не сказав. Фергис посмотрел ему вслед, и, хоть уже и понимал, что ничего страшного не случилось, все никак не мог унять сердце, что бешено колотилось в груди, отдаваясь буханьем в ушах. На плите было выбито: «Вероника. Бесчестно осужденная».

Когда стемнело, мастер подогнал свою телегу, они вместе погрузили плиту, и уже к ночи, когда порядочные люди должны были спать, поставили ее на безымянную могилу.

— Где он? — Фергис вскочил с кровати, заполошно оглядываясь. На улице шумели, слышался топот многих ног, в щели ставень пробивались красные отблески огня от факелов. На улице шла травля…

— Там! Туда колдун побежал! — и грохот, грохот по мостовой, зубодробильный, будто кости меж жерновов, и пляшущее пламя меж щелей, тянущееся, гримасничающее. Шаги все дальше, и темно снова, даже луны нет — черно.

И тихо-тихо, как мышь за ставней, то ли стук, то ли не стук, а может показалось. Зябко идти по холодному скрипучему полу, подошел к ставне, ухом приник и шепотом:

— Есть кто?

— Я это, Фергис, открой.

Голоса не узнал, но пошел открывать, засов тихо вытащил, дверь приоткрыл едва лишь, чтобы не скрипела. Кто-то скорой тенью во мраке прошмыгнул во внутрь и пахло от него соленым и горелым, а еще железом пахло — кровью. Фергис тут же дверь закрыл, засов на место задвинул.

— Я у тебя, — тяжело он дышал, с сипеньем и дыханье у него было горячее, — до завтра пока, погреб есть?

— Есть, — Фергис все узнать не мог. И голос вроде знакомый, и вроде бы другой совсем, не вспомнишь — изменился голос.

— Я там, в подпол, тихо буду. Хорошо?

— Хорошо.

— Ты только это, — тяжелый вздох, — в мастерскую завтра не ходи, лучше не надо пока.

И узнал Фергис — это мастер, его мастер!

— Ладно. А за что они тебя так? Пить хочешь?

— Да. Видела меня Матильда, курица старая, телегу мою вспомнила. Помнишь то, что… — и замолчал, будто что не то сказал, будто обидел нечаянно. А ведь и правда, ведь из-за Фергиса это получилось, из-за плиты той, наверное. Фергис подал мастеру кувшин с водой, тот жадно ухватил его, послышались жадные глотки, потом громкий вдох, — Говорят, что на кладбище за колдовской надобностью ездил, ведьму, говорят, выкопать хотел, а на другие могилы — проклятье… Чтобы ангел без крыл остался…

— Били? — после долгого молчанья спросил Фергис.

— Я у тебя в подполе пока, хорошо? — не ответил мастер.

— Так утром бы, поспал бы сейчас.

— Нет, в подполе… Где тут? Я уйду скоро, ты не бойся, мне бы только пока…

Мастер ушел следующей ночью. Фергис упрашивал, чтобы тот остался, но мастер ушел. А потом Фергис слышал, что поймали колдуна, далеко уже, и, говорят, на площади казнили: сначала руки отрубили, и только потом сожгли.

Он работал тихо, без света, ощупью. Работал он медленно, очень медленно — тут нельзя было спешить. Долго гладил руками шершавый холодный камень, искал трещинки, выступы, а после уже прикладывал железный клюв зубила к камню и тихо-тихо, легкой киянкой, какой отродясь мастер по камню в руках держать не должен был, постукивал по зубилу. Вот и еще малый кусочек отколол — незаметный вовсе, а все же дело спорится — пусть знают люди, что не колдун в том виновен, не мастер его, ни ведьма Вероника, а сами они грешны, и потому перья в ангельских крыльях редеют. Пусть перестанут видеть врага в других, пусть в себя заглянут, в черноту свою кромешную, и пусть ужаснутся. Каждое утро Фердис рано вставал на работу, каждое утро навстречу ему скрипуче ехала телега, а в ней белые, бледные, драные, окровавленные и хорошо, если закрыты глаза, хорошо не видеть неживого взгляда сквозь все в свинцовое утреннее небо. Каждое утро, каждое…

Вдали, на том краю площади, промелькнул короткий отсвет, будто лучину кто зажег, а после разгорелся свет поярче — наверное, фонарь запалили. Фердис отступил на шаг от ангела, вперяясь в далекий подрагивающий огонек, замер. Свет двинулся, двинулся к площади, и Фергис обернулся, и хотел бежать, но увидел, что и с другой стороны, издали, к площади большим желтым светляком плывет фонарь и красноватый, с резко очерченными тенями, силуэт за ним, а там, позади, еще вроде идут.

Фергис метнулся в третью улицу, да не улицу даже — подворотню, гнутую всю, узкую, извилистую — и там свет навстречу.

Звонко упало под ноги зубило, тихо тюкнулась о камни киянка. Фергис метался, Фергис скребся в запертые двери, стучал в закрытые ставни. Он спрятался, он зарылся в вонючую груду мусора за невысоким деревянным заборчиком, но его уже видели, просто почему-то не торопились, будто растягивали свое шальное удовольствие. Со всех сторон, со всех трех улиц свели сеть облавы крепкие рукастые мужики.

Фергиса выкопали из мусора, он упирался, он выгибался, а они только смеялись, кричали радостно, а потом кто-то крикнул, что тут и тянуть нечего, что прямо сейчас его надо кончать. Фергис будто и не слышал этого, он глазел по сторонам широко раскрытыми глазами, и все хотел сказать что-то, но не мог — только рот открывал, будто рыба на горячем песке.

Двое мужиков подтащили чью то скрипучую телегу, кто-то сорвал с себя длинный кушак и им наскоро привязали руки Фергиса к дырявому плетеному борту, кто-то распахнул фонарь, плеснули маслом, и заполыхало пламя. Жадно и жарко…

Огонь еще только подбирался к нему, старое сердце колотилось быстро, в бешеном галопе выстукивая ухающий шум в ушах, и сквозь языки пламени он до последнего видел смиренное лицо ангела, что отвернулся от земли в своей вечной молитве, будто не хотел видеть того, что здесь творится. А потом острая мгновенная боль пронзила истраченное годами сердце, и все — он так и не успел почувствовать пожирающего жара огня.

Медленно скрипела старая телега, черная худая кляча неспешно брела по мощеной улице, гулкий стук копыт мягко тонул в утреннем тумане. Дукас и Агнис ехали молча, в телеге их уже лежала пара тел — утренний обход всегда был с уловом, а негоже, если люди

увидят на улицах мертвецов. Вот уже и площадь видна, а на площади обгорелый остов телеги — угли одни, гарью воняет, мясом, изжаренным до черной сажи — это уже не разбойники, это правый суд дело свершил.

— И кто бы мог подумать? — удивился Агнис басовито, — Фердис, и такое богохульство! И не страшно ему было, грех такой на душу брать?

— Грех? — спросил Дукас, вскинув длинный красный нос, потом кивнул, вздохнул, — Да, грех…

Дукас с Агнисом вместе подняли черное, будто головешка тело, бросили поверх двух мертвецов в свою телегу и поехали дальше — еще половину города надо было объехать. Телега их ехала с площади неспешно, медленно, старая кляча устала тащить за собой мертвецов, а в след им слепыми невидящими глазами смотрел ангел с уродливыми плешивыми крыльями.

Сергей Калашников

Ни кем ни в чем не повториться

Сенокос

Шорох шин,
гул машин,
зной и пыль.
Суховей
со степей
гнет ковыль.
Только летом
скучать
не с руки —
Вышли в поле
косить
мужики.
Косарям
разнотравья
не жаль,
Собирают степной урожай.
Реки пота
текут
по спине,
Ноги вязнут
в колючей стерне.
У лихих,
загорелых
ребят
Только косы,
как сабли,
свистят.
И рядами ложатся цветы,
И лишается степь красоты.

Масленица

От сугробов запахло весной.
Чудеса происходят со мной.
Крыши плачут, теряя снега.
Мне, как в юности, жизнь дорога.
Уходи, надоеда-зима,
Подобру-поздорову сама.
Иль тебе мы ухмылку замнем,
Словно солнцем, горячим блином.

Просыпайся , земля ото сна —
Снова к людям приходит весна!
Мы коней вороных запряжем
И с любимой помчимся вдвоем.

Клубы пара из конских ноздрей,
Мчатся сани быстрей и быстрей.
Хлопья снега на шубе твоей
И румянец, и крылья бровей!

* * *

Мне захотелось удивиться,
Тобою снова возгордиться,
Ведь ты мне продолжаешь сниться
Поющей в поднебесье птицей.
Река струится,
солнце мчится,
Но мне все это не годится —
Спешу я в юность возвратиться,
В любви, как прежде убедиться.
Я так хочу с тобою слиться,
В тебе, как в небе, раствориться,
Ни кем ни в чем не повториться
И не забыть,
и не забыться.

Кузнец

Над просыпавшейся деревней
Уж плыл кузнечный перестук.
На голом торсе фартук древний —
Кузнец у горна, на посту.

С устатку он потел нещадно
И самогонку попивал,
Но, между дел, он для любимой
Стальную розу отковал.

И эта роза не завянет,
Не потеряет лепестки —
В ней теплота, любовь и сила
Большого мастера руки.

г. Копейск

Грустное

Какая скучная забота —
Пусканье мыльных пузырей…
Вот так и кажется, что кто-то
Нам карты сдал без козырей.

Недолго разочароваться,
Безвольно крылья опустив,
В красивой рамочке прорваться
В тиражный траурный курсив.

Так, надрываясь вхолостую,
Рукав капризно теребя,
Лелеешь мысль совсем простую,
Чтоб лишь услышали тебя.

Артист приехал

Негаданно и нежданно,
Как будто его допекло,
Артист разговорного жанра
Приехал в родное село.

И в сельском ДК «а-ля Сталин»
Он в зрительном зале затих.
Подмостки бессильно молчали,
Никто не затаптывал их.

А прежде на эти подмостки
Мальчишкой артист выходил,
Стесняясь, в костюме неброском,
Он зрителей взглядом ловил.

И был для мальчишки наградой
Тот зрительский сельский азарт
И мама счастливая рядом,
И милый девчоночий взгляд.

От маленьких сельских подмостков
До сцены культурных дворцов
Растут, вырастают артисты,
В селе оставляя отцов.

А в сельских ДК «а-ля Сталин»
Все меньше танцующих ног
И доски забытых подмостков
Своих не скрывают тревог.

Зашоренный мерин

Весь век лошадиный, стирая копыта,
Крутил сивый мерин судьбы колесо,
Шагал вкруг колодца, чтоб воду в корыто
Поднять, поливая горячий песок.

Вода по арыкам струилась, мерцая,
Поила собою поля и сады,
А он в круг колодца ходил, запинаясь,
Не зная траву и деревьев плоды.

Лишь торба с овсом на измученной морде
И слезы, что сохли на впалых щеках,
А солнце, смеясь как обещанный орден,
Калило песок, что скрипел на зубах.

Чтоб мерин башкой не вертел понапрасну,
Он с шорами был из дешевой кирзы,
Крутил колесо день за днем, ежечасно,
И спал на ногах он под шорох слезы.

Всю жизнь хомута и узды не лишался,
Топтал глубину круговой борозды,
Но кончились силы и круг не вращался,
Арык обезвожен и вянут сады.

Коня заменили и в степь отпустили,
Чтоб он хоть немножко пожил на траве,
Но шоры всю жизнь возле глаз его были
Как страх в лошадиной его голове.

Всю жизнь, надрываясь, шагал он кругами,
И в сторону шага ступить не умел.
Он выел траву у себя под ногами,
Еще покружился и в ночь околел.

На болоте

Я подумал, что все мне уже по плечу,
И однажды решил спозаранку
Окунуться по самое не хочу,
Чтоб понюхать жизни изнанку.

Мне и раньше не все удавалось в масть,
Но изнанку пощупать охота.
Захотел у судьбы впечатлений украсть
И пошел по росе на болото.

Я и трех шагов не успел пройти,
Провалился в гибкую ряску —
Кто же знал, что на этом гнилом пути
Ждет меня вонючая встряска?!

Сразу вспомнилось, что как наглый транжир,
Порывался я вширь и высоко,
Но меня, возвращая в реальный мир,
По глазам резанула осока.

Я осоку сдвинул мокрой рукой
И обнялся с болотною кочкой.
Мне бы в меру тихий болотный покой,
А прибрежный илистый — точно!

Твердь земную ногою с трудом отыскав,
Лез я в тине по самые уши.
И такое среди камышей сказал,
Что вам это лучше не слушать.

Я болотные травы с хрустом жуя,
Всеми членами намокая,
С удивленьем подумал: «Вот ни х… рена,
Интересная жизнь какая!»

г. Верхнеуральск

Александр Горшивет

Пресвятая дева

Молодой пенсионер Антон Горяев ехал в троллейбусе на работу после посещения поликлиники. Ночью невмоготу разболелись суставы. Прописали таблетки; боль вроде утихла. В троллейбусе качалось человек пять. Основной поток машин и людей схлынул. Антон давно подметил: автомобильчики победнее начали работать значительно раньше. Приятный женский голос, воспроизведённый магнитофоном, объявил: «Следующая остановка «Кирпичный завод». На той стороне дороги привлекательная особа невысокого роста, явно торопилась успеть на троллейбус. Видимо с ночной смены. Горяев припомнил слова знакомого водителя общественного транспорта: «Нам категорически запрещено поджидать людей, перебегающих дорогу в неположенном месте». Женщина играючи накинула капюшон на голову, хотя и снег не шёл и ветер деревья не беспокоил. «Кокетничает! — подумал Антон. — Как и моя жена! А зря! Балахон ограничивает обзор, а стоящая слева громоздкая фура, заслоняет тебя от водителей, спортсменка!» Так Горяев окрестил незнакомку за энергичные движения. Спортсменка глянула влево, Антон невольно тоже кинул взор вперёд, на сколь хватало глаз, на шоссе никого. На обгон троллейбуса уверенно шла легковая машина, глухо шурша шинами. Женщина пропустила её, и не успела сделать и полшага вперёд, как вдруг, словно из фантастической дыры вынырнул «мерс». Почудилось: благополучно миновал незнакомку, фары оказались чуть впереди её. Увы! Со всего маху припечатал несчастную к асфальту! Видимо, зацепил зеркалом. Она рухнула правильно: на бок, прижав подбородок к груди, подогнув ноги в коленях. «Как самбистка! — отметил Горяев. Но правильное падение спортсменку не спасло: она ворохнулась раненным воробушком, пытаясь подняться, но не живому организму соревноваться в выносливости к удару металлического монстра. «Переедут!» — Антон, всплеснув руками, вскочил с сиденья. «Следующая остановка “Восточная проходная”», — объявил приятный голос. Двери закрылись, троллейбус тронулся. Горяев глянул в кабину водителя — мужик, неужели не видел? Вспомнил инструктора по вождению: «Если ты не врач, и не можешь ничем помочь, лучше не суйся на место ДТП! Некоторые от вида только крови теряют сознание. Прибывшие спасатели не знают, кому первому помогать: потерпевшим, или их добровольным помощникам». Перед сбитой спортсменкой резко затормозил джип, из него выскочила женщина в кофте-радуге, не закрыв дверцу. За джипом остановилась ещё одна иномарка. Ну, слава Богу — теперь не переедут! Сбивший незнакомку, «мерс» остановился далеко, метров за тридцать. Из него выскочил совсем молодюсенький паренёк в спортивном костюме. «Головастик!» — обругал его Антон за длинную, тонкую фигуру, облегающую одежду, и крупную черноволосую голову. Головастик на полусогнутых побежал по газону, по дуге, очевидно страшась приблизиться к своей нечаянной жертве. Две жизни покатились под откос: его и этой несчастной женщины. Горяев, сам садясь за руль «жигуленка», больше смерти боялся именно этого! А никакой фуры нет, и не было! Не могла же она незаметно исчезнуть! Антон свыкся, что часто видит какие-то непонятные тени, которые другие не в состоянии лицезреть. Наверное, фура существовала в его сознании как предостережение. Но почему знак наличествовал для него, а не для неё. Надо рассказать жене: она вечно лезет под машины, считает, что все обязаны уступать ей дорогу! Ещё и Антона ругает за осторожничание. Если не поздно! Слишком лихо стала ездить молодежь: такое впечатление, вместе с машиной покупают и

права! Горяев огляделся: никто не смотрит. Перекрестился, прошептал: «Пресвятая Дева Мария — единая и непорочная! Помоги и сохрани рабу божию Плюсика…»

— Передо мной сегодня автомобиль сбил пожилого мужчину! — опередила рассказ Антона Плюсик вечером на кухне. — Когда идешь с работы уже сумерки, а дядька был одет в серую одежду. Ходим мы, как ты выражаешься: «козьими тропами». Акация у дороги сильно разрослась. Раньше её обрезали. Старикан только обогнал меня и тут же за кустами смачный шлепок. Водитель лепетал: «Не успел среагировать, не успел среагировать, не успел…»

— На его месте могла оказаться ты! — только и смог вымолвить Горяев и перекрестился.

г. Миасс

Светлана Медведева

Перестало быть тревожно

Полет бабочки

Лечу как бабочка на свет,
И оправдать себя пытаюсь,
Но погасил свечу рассвет,
И я на Землю опускаюсь.

Из мира грёз, где всё невечно,
Где сладок яд и горек мёд,
Любви дыханье безупречно,
Увы, прервался мой полёт.

Не объясню любовь словами,
Бездумно бабочкой лечу,
Шепчу неслышно я губами,
Какой ценою заплачу.

Счастье

Счастье по ступенькам
Весело бежало,
Каблучками тонкими
Ритмы выбивало
Невзначай как будто,
Камешек попался,
И коварный очень
каблучок сломался.
Счастье покачнулось,
Видно, растерялось,
Жизнь перевернулась,
Опоры бы, хоть малость!

Не нарушу

Твой покой не нарушив,
Я растаю, как тень,
Лёгкой веткой качнётся,
Под окошком сирень.

И, касаясь ветром безликим,
Я родного плеча,
Не оставлю тебе улики,
Лишь щека горяча.

Если капли дождя пролегли —
То слезинки мои,
Не смогла я исчезнуть вдали,
Как прощанье легли.

И туманом поля застелю,
Припадая к груди,
Поутру я его пригублю,
Лишь любовь позади…

А я любила

А я любила, я так любила,
Любила смело и горячо,
Совсем забыла, представь, забыла,
Меж нами третий стоит ещё.

Иду дорогой, иду тернистой,
Спешу к тебе я на склоне дня,
С тобой сегодня, сегодня вместе,
А завтра сможешь забыть меня?

Горят закаты над речкой быстрой,
Туман спустился мне на плечо,
А я любила, как я любила,
И, как ни горько, люблю ещё.

Разлюбил

Ты разлюбил,
Понять тебя несложно:
Немолода,
С морщинками у глаз,
На сердце
Перестало быть тревожно,

Не стало
в этом мире больше нас.

И кто сказал,
Что по тебе тоскую,
Придумал,
Тяготит любви урок,
Пройду
Через молву людскую,
Пройду,
И подведу тогда итог.

Нет, не таю́
Надежду я пустую,
Теплом души
Судьбу благодарю,
Пусть она пеплом
Стелется над миром,
Кто не любил,
Тому её дарю

Если…

Если сердце станет пустым,
И холодным, как зимний лёд,
Отправляемся с ним к святым,
А душа начинает полёт.

Если сердце станет глухим,
И чужую боль не поймёт,
Я не стану искать причин,
Я пойму, что старость идёт!

Если сердце станет слепым,
Не заметит, как солнце встаёт,
Значит, стало оно больным,
Скоро жизнь из него уйдёт.

Но кружит ещё ветер шальной,
И спасенья в покое мне нет,
Изумляет Земля красотой ,
Забываю я, сколько мне лет!

Красноармейский район

Анатолий Омельчук

Пограничник и другие стихи

Деда Куприян

Деда, деда Куприян,
Расскажи про партизан.
С кем в разведку ты ходил?
Как под Курском танк подбил?
Шрам знакомый у виска,
Знаю: метка «языка».
Деда, деда, расскажи,
Как вы ставили «ежи».
«Я тогда был пионером,
Клятву Родине давал.
И мой дед — мне был примером,
И ему я подражал».

Мяч

Мячик круглый, полосатый,
Ну какой же ты пузатый.
Без движения лежишь,
Будто кот на печке спишь.
Вот малыш его хватает
И на пол, смеясь, бросает.
Мячик прыгнул: скок да скок,
По квартире покатился,
В угол, озорник, забился
И под койкою умолк.
Петя хочет мяч достать,
Чтоб заставить вновь скакать.

Пограничник

Пограничник я, Алешка,
Охраняю огород.
Огурцы в нем и картошка,
Много зелени растет.

Вдруг, увидел я хавронью:
«Стой! Граница» — говорю.
От нее, ну как спросонья,
Звук услышал громкий: «Хрю!»

Храбрая мышка

Крадется мышка, кот лежит,
Она его не испугалась.
«Мурлычет» — значит: сладко спит;
Вдруг в когти острые попалась.
«Ты думала, что Васька спал,
Тебя я, крошка, поджидал»

Десантник

Смело лезу я на вышку
И до верха доберусь.
Не трусливый я мальчишка
И в десантники — гожусь.

Моряк

Учит плавать в речке мама,
Объясняет, что не так.
Я — мальчишечка упрямый,
Выйдет из меня моряк!

Солнце

Целый день оно в небе трудилось,
Согревая всю землю теплом.
А под вечер как мячик скатилось
В свой хрустальный и сказочный дом.
Мне лучом на прощанье мигнуло
И шепнуло чуть слышно, тайком:
«Вот вернусь я к тебе с караула,
День по новой с тобою начнем».

г. Челябинск

Денис Рахманкулов

Ты идешь босиком по песку

* * *

Проникну к тебе прямо в сердце,
Я верю, я знаю, там место моё.
Сердца твоего половину
Я занял уже давно!
Навсегда в нём приживусь я,
И в сердце не пущу никого.
Ты со временем скажешь: «Спасибо!»,
Что когда то я занял его.

* * *

Любовь нам не дает покоя,
Но с Верой мы с тобой живем.
Надежда в нас, хранит с тобою,
Одной тропой к мечте идем…

* * *

На крыльях веры и надежды,
С любовью в сердце — только ввысь!
Летим с тобою над планетой,
Благодарим с тобою жизнь.

* * *

Никому тебя не отдам и не отпущу от себя,
Кричи не кричи, ругайся, можешь даже матом.
Все равно буду рядом, потому что люблю тебя,
Ты моя, ты такая одна, и других мне не надо.

* * *

На двоих одна любовь, на двоих дыхание,
На двоих с тобою нам ночи и желания.
На двоих одни мечты, на двоих страдания,
На двоих нам жизнь одна и без расставания!!!

* * *

Мой Воробушек, ты мне нужна!
Как всему живому солнце, вода,
Как птицам крылья, как душе вдохновение.
Ты моя ненаглядная, ты — меня повторение.

* * *

Мы с тобой совсем не с этой планеты,
Мы с той, где тепло, где вечное лето.
Ты идешь босиком по песку,
Где берег ожидает прилива,
Я иду за тобой и кричу:
«Я счастливый!»

* * *

Спит Воробушек, время позднее,
Сны приснятся, расскажешь их мне?
Ты, наверное, Богом мне послана,
Все мечты про тебя, о тебе.

Доброй ночи, Воробушек-Неженка,
Пусть создатель оберегает твой сон.
Ты любима! Об этом знает вселенная,
Ведь сердца наши стучат в унисон.

* * *

Сижу за компом, смотрю в экран монитора.
Она не в сети. Звоню и только гудки…
Словно колокольный звон мне.
Молюсь, Бога прошу: «Сбереги, сохрани её!
Пусть будет счастлива под твоим небосводом!
Дай нам веру в тебя, дай веру нам в нас.
Мы любим с ней жить. Дай мир всем
народам».
С ней думаем вместе.
Она бывает ранима, глядя на мир весь…

Ведь какая-то сила свела её и меня.
О, Бог мой, спасибо!!!

* * *

Я с сердцем дружу,
Это оно говорит
Про тебя, о тебе,
А когда тебя нет,
Оно просто болит,
Тяжестью тянет к земле.

* * *

Я устал. Боль утраты не дает полной грудью
вздохнуть.
И встретив тебя, я подумал, жизнь идет —
И с тобою мы вместе продолжим наш путь,
Вновь о будущем, осуществляя наши мечты,
Ты и я пройдем этот путь под названием:
жизнь.

* * *

Я уверен, не просто так все это,
Что-то свыше нас свело.
Любовь свела с ума, наверно,
А вера и надежда помогали жить и ждать,
Что лучшее наступит непременно,
И нас с тобою на века соединит.

* * *

Любимая, моя родная,
Сердце — как вселенная без края,
И в нем место только для меня,
Моя мечта, моя судьба — Светлана!

* * *

Я искал ее среди людей, навстречу шедших,
Я искал ее в степях открытых, чистых, честных.
Годы шли… Спрашивал у солнца я:
— Ты планету видишь с разной стороны,
Скажи, звезда, та, что сердцу милая, где
она?
И молвит мне звезда в ответ:
— Среди людей ищи, все сам поймешь —
Она такая же, как ты!

с. Чесма

Валентина Григорьева

Курочка Рябушка

На одном хозяйском дворе, в большом курином семействе жила странная курочка Рябушка. Наряд её был действительно пёстрый, красивый. Пухленькая особа имела спокойный характер, но с хитринкой, себе на уме.

Держалась она на особицу, не крикливая, из-за корма в драку не лезла, спокойно стояла в сторонке, всё равно накормят. Питалась далеко не остатками. Ей хозяйка всегда приносила новую порцию пшеницы, и Рябушка не спеша, как бы нехотя, склёвывала их в гордом одиночестве, думая, при этом свою думу.

Ежегодно у неё были планы на изготовление и благоустройство гнезда для кладки яиц, для будущего потомства. Сначала нужно найти место, где построить гнездо. Она не любила душные гнёзда в курятнике, где несушки постоянно скандалят из-за права сесть в него первой. Такая мышиная возня была не для неё. Она не любила скандалы. Её сердцу была мила тишина, покой, ласковый свежий ветерок, который играет её пёрышками и дурманящие запахи трав, цветов.

Всё это уводило её от обыденной реальности в сладкие мечты, и в них она чувствовала себя королевой. Своё гнездышко она любовно обкладывала пёрышками, неважно, откуда брала потомство. Был ещё один самый главный момент: никто не должен знать, где находится кладка ни хозяйка, ни товарки по курятнику. Ни одна живая душа не должна даже приблизительно догадываться об этом укромном местечке.

Она никогда не высиживала своих птенцов в одном и том же гнезде, это не гигиенично, считала она, да и опасно — могут обнаружить.

Она и гнёзда строила разнообразные: среди камней или кучки хвороста или в крапиве. Найдя такое местечко и благоустроив гнёздышко, стала подыскивать претендентов на роль папы. Обязательным условием её было красота, спортивное телосложение и нежность, чтобы её крошки имели отменное здоровье.

После каждого флирта она откладывала в гнёздышко яичко, любовно прикрыв перьями. Когда нужное число яиц было уже в гнезде, начинался самый трудный этап и не менее ответственный — высиживание птенцов. В этот момент она склёвывала зёрна второпях, быстро пила воду и на крыльях любви, с оглядкой, путая, как заяц, следы бежала к своей ненаглядной кладке.

За это время она резко теряла в весе и за собой уже следила абы как, всё на ходу.

С появлением первого птенца у неё сердце трепетало от тихой радости.

Когда появлялся последний — наступал настоящий праздник.

Пеструшка ласково приводила в порядок каждого цыплёнка, а в заключение себе поправляла причёску, наряд. Потом дав им указания, вставала в голове отряда, и постоянно оглядываясь на своих партизан, выводила их на свет божий, громкими возгласами извещая двор и хозяйку о своём с потомством появлении.

Она была горда своими крохами, да и было чем гордиться. Пухлые комочки, жёлтенькие, словно солнышко были не хилые, красавцы, все как на подбор.

Во двор вышла хозяйка с кормом для неё и птенцов.

— А, явилась наконец-то пропащая душа, — сказала она.

— Ах, каких красавцев привела, молодец, умница, ненаглядная моя Рябушка.

— Давай веди их в ясельки, а я угощение вам разложу.

Пеструшка с полуслова поняла свою хозяйку и неспешно, с гордой осанкой повела цыплят в просторный и светлый домик, из мелкой сетки, сверху накрытый фанеркой, от вороватых хищных птиц и от дождя.

Пеструшка проследила, чтобы цыплята не толкались и все клевали мелко искрошенные яйца и только потом приступила к трапезе сама.

Поклевав пшена и попив водицы, Рябушка позвала всех к себе — отдохнуть. Они полезли под крылья, а кто побойчее прямо на спину мамы, зарывшись там в нежные перья.

Она их, сонных, ласково подправляла клювом, чтобы не свалились.

Хлопотно и счастливо закончился первый день для неё и малышей, она расслабилась и забылась спокойным сном.

Во сне она видела своих цыплят красивыми, здоровыми, большими.

Рябушка-оптимистка в это твёрдо верила.

Значит, так оно и будет.

Кошка Солнышко

Жила-была у дедушки с бабушкой кошечка по кличке Солнышко. Она была рыжая-прерыжая, хорошенькая такая. На солнышке шёрстка её просто искрилась, она ухаживала за собой, тщательно вылизывая шёрстку.

Все знакомые кошки очень завидовали ей.

Ранней весной кошка Солнышко исчезла.

— Что мы теперь будем делать без нашей красавицы, мыши нас одолеют, — причитала бабушка.

— Ну, хватит тебе причитать, даст бог придёт, ведь мы же её любим, и она это знает, — сказал дед.

Спустя некоторое время кошка Солнышко и впрямь появилась.

— Мяу, — жалобно пропищала она. Она была такая худая, свалявшаяся шёрстка уже не блестела, а клочьями свисала с худых боков.

— Боже, что приключилось с нашей красавицей? Бабка, иди скорее, смотри, что с кошкой стало.

Бабушка, выйдя на крыльцо, только руками всплеснула.

— Матушка ты наша, эко похудела. — И, позвав кошку в дом, накормила её, осмотрела.

— Всё ясно, окотилась она, скоро у нас будет пополнение.

— Приходи есть, я тебе буду еду оставлять, а то рёбра торчат, до чего ж исхудала, — сказала добрая бабушка.

Кошечка, немного отдохнув, снова убежала. По ночам, когда её детки спали, она приходила и съедала всё, что ей оставляли.

Спустя две недели, она на крыльцо перетаскала своих деток.

— Мяу, — звонко позвала она.

На улицу вышел дед.

— Бабка, иди сюда, смотри, кто к нам пожаловал.

На его зов вышла бабушка и увидела свою кошку с тремя котятами.

— Какие вы красивые, и такие разные, — сказала она, беря на руки то одного, то другого котенка.

Кошечка была чёрной, и её назвали Ночкой. У неё белыми были только кончики ушей и хвоста, да подушечки лапок.

Котик белый, и только уши, хвост и лапки-чёрные. Назвали его Снежок.

Третий котёнок был весь рыжий, как огонь, и назвали его Рыжиком.

Дед и бабка долго удивлялись: вот учудила, так учудила природа матушка.

— Да, такого я ещё не видывал, чтобы все были настолько разные, — сказал дед.

— Давай, заноси своё потомство в дом, всем места хватит, я и подстилку уже приготовила.

Кошка поочерёдно перетаскала всех котят домой, и сама прилегла вместе с ними.

Котята сразу же принялись сосать маму, а поев, стали забавляться её хвостиком, ушками, при этом смешно подпрыгивая. Они поняли, что им ничего не грозит, и ждет их только хорошее.

— Да, котята, действительно, баские. Подрастут — мамке помогать будут, поди, не объедят.

— В хозяйстве всё пригодится, глядишь, и мышей станет меньше, пусть остаются, — сказал дед.

На том и порешили — стали жить вместе и были все счастливы.

г. Миасс

Андрей Смолюк

Червячок по имени Федя

сказка

Жил-был маленький дождевой червячок по имени Федя. Жил он в навозной куче, что представляла из себя парничок, в котором росли огурцы-молодцы. Так, по крайней мере, они себя называли.

Впрочем, червячок Федя был и не такой уж маленький, целых пять сантиметров в длину, что по червячиным меркам было совсем и неплохо. И хотя некоторые его собратья, которых Федя встречал, когда делал ходы в навозе, были и десять сантиметров длиной, но Федя считал себя большим. Так он считал и, наверное, был прав.

Жил он в навозной куче припеваючи, так как тепла хватало, еды хватало, питья хватало, а что ещё нужно для червячка?

Было у Феди любимое занятие — это ползать внутри кучи навозной, тем самым рыхля почву, что очень нравилось всем огурцам-молодцам.

Федя не понимал некоторых своих сородичей, которые целыми днями могли спать, свернувшись в этакий клубок из червяков. Федя спать не любил, а любил, как я уже говорил, просто ползать, делая в навозе ходы и радуясь этому.

А тут, значит, как-то раз в сад пришли двое мальчишек, да не просто так, а с удочками. Было видно, что они собирались половить рыбку в озере. Федя же со своей кучи внимательно стал наблюдать за ребятами, так как ему было интересно, что они будут делать.

А ребята взяли в кладовке садового домика лопаты и подошли к парнику.

«Интересно, что они здесь будут делать? — подумал Федя. — Не будут же они ковыряться лопатами в навозе, так как это может навредить огурцам-молодцам, которые после такого ковыряния могут молодцами и не стать».

А мальчишки, стоя у парника с лопатами, так рассуждали между собой.

— Я бы всё же покопал червей в малине, — сказал один, — там мы, по крайней мере, ничего не навредим. А тут можно и огурцы повредить, что совсем не понравится папе и маме.

— Если хочешь, то иди ковыряйся в малине, — ответил другой, — но должен тебе заявить, что земля там очень твёрдая, и много ты не накопаешь. А вот здесь в парнике этих червяков полным-полно. Поверь мне. К тому же мы поковыряемся в парнике осторожно и огурцам не навредим. Тут червяков должно быть полно.

— Интересно, — подумал в этот момент червячок Федя, — ребята пришли в сад за нами, за червями. А вот зачем?

Просто червячок Федя был ещё молод и не знал, что рыбку, как правило, ловят на дождевых червей. Если бы он это знал, то поскорее бы залез куда-нибудь поглубже в навозную кучу в надежде, что до него ребята не докопаются. Но он этого не знал, а потому вылез совсем из навозной кучи и стал открыто наблюдать за ребятами.

А ребята между тем всё же решили, что сначала они поищут червей в малине, и если там червей окажется мало, то тогда поковыряются в навозе, причём осторожно и бережно. Немного, слегка поковыряются лопатами сбоку.

Так что ребята взяли лопаты в руки и пошли в малину.

Но там действительно червяков было мало, да к тому же они были такими тощими, что смотреть на них было даже страшно. Так что, поковырявшись в малине, ребята вновь подошли к парнику и принялись за дело, то есть ковырянием в парничке.

— А вот смотри, — сказал один парнишка, — вот уже один прямо сверху сидит. А ты говорил: не надо. Тут и копать не придётся.

С этими словами парнишка взял в руки червячка Федю, который от любопытства действительно вылез на край парника.

Федя почувствовал, как его берут рукой и опускают в железную банку с землёй.

После этого, видно поковырявшись в парничке достаточно, туда же в банку ребята положили ещё с десяток дождевых червей.

— Зачем нас сюда положили? — спросил Федя у своих сородичей.

— А мы почём знаем? — ответили они. — Главное, тут тепло и сыро, так что можно поспать, свернувшись в наш червячий клубок. Пошли, Федя, с нами!

Но Федя отказался, так как спать ему совершенно не хотелось, а было интересно, зачем их положили, да так много, в банку и куда теперь эту банку понесут.

А ребята, наполнив банку червяками, бросили туда маленечко земли, затем капнули чуть-чуть водички и заткнули банку обрывком старой газеты.

— Во, где кайф! — сразу заулыбались все черви за исключением Феди. — И земля, и вода, и темно. Дурачок ты, Федя. Сворачивайся с нами в клубок и спи.

— Нет, — ответил Федя, — меня очень интересует, куда нас теперь понесут. Что-то мне всё это не нравится.

— Скоро узнаешь, — проворчал старый и толстый червяк и тут же свернулся в клубок.

А в банке действительно червякам было удобно. Было всё для отдыха и блаженства. Даже Федя на некоторое время утратил осторожность и чуть было не вздремнул.

А банку ребята куда-то несли примерно с полчаса. Наконец банка была поставлена на землю и свёрнутая газета из неё была вытащена. Федя сразу встрепенулся и почувствовал запах воды, то есть озера. Однако он был уже научен некоторым горьким опытом, а потому постарался залезть поглубже в нутро банки.

А ребята, о чём-то поговорив, навострили удочки и вытащили из банки первого попавшего червяка. К счастью, это был не Федя. После того как ребята вытащили червяка из банки, он был разорван пополам и нацеплен на крючок.

Федя от увиденного ужаснулся. Вот оказывается какова его и всех его собратьев участь. И тогда он забил тревогу!

— Ребята! — крикнул он червякам. — Надо срочно выбираться из этой банки!

— А нам и тут хорошо, — ответили ему его ленивые сородичи.

— Но нас же разорвут, нацепят на крючок и отправят на съедение этим ужасным рыбам. Не знаю как вам всем, а мне это совсем не по душе, — так сказал Федя.

Но червяки его сородичи плюнули на всё и, свернувшись в новый клубок, преспокойненько задрыхли.

— Будет — не будет, — так проворчали они, — время покажет. Может, ещё и ничего не будет. Например, клёва, и нас спокойненько высыпят из банки.

Да тут ещё ребята вновь заткнули банку свёрнутой газетой, так что, как выбраться наружу, Федя не представлял. Но делать и тем самым спасать себя от раздирания и съедания что-то надо было.

Если честно, то сначала у Феди возник страх: как же вылезти из банки? Но он почувствовал, что от страха толку мало, и надо искать выход. Надо первым делом найти хоть какую-нибудь дырочку в банке. И Федя принялся изучать саму банку, ползая по ней, как в навозе. Этим он вызвал неудовольствие сородичей, дескать, мешают тут всякие, но Федя не стал обращать ни на кого внимания, так как спасение своей души и тела было без этого ползанья невозможно.

Сначала Федя исследовал газету, которой была закрыта банка сверху. Но тут его ждало разочарование, поскольку никаких щелочек он в ней не нашёл. И хотя ребята периодически вынимали эту газету, чтобы отправить на корм рыбам очередного червя, но потом они всё плотно прикрывали, не оставляя никакой щелочки, через которую можно было бы вылезти наружу.

Тогда Федя стал изучать стенки и дно баночки. И тут его ожидало открытие! В дне баночки были проделаны пять маленьких отверстий. Просто когда-то эту банку, видимо использовали для выращивания рассады, вот и проделали в дне баночки отверстия, чтобы стекала вода.

Конечно, Федя не знал, для чего эти отверстия, но им он чрезвычайно обрадовался. Пусть отверстия были и маленькими, но это был шанс на спасение.

И тут ему повезло. Видимо, от ветра баночка качнулась и упала на бок. Сородичи Феди — эти толстые лентяи, опять заворчали, дескать, не было заботы, но Федю это обрадовало, потому что в отверстия стал проглядывать солнечный свет.

«Пусть я весь исцарапаюсь, но в какое-нибудь отверстие я уж пролезу», — подумал с радостью Федя.

И он стал искать отверстие побольше, которое вскорости и нашёл. Федя опять было обратился к своим сородичам, дескать, вот он, путь к спасению, но сородичи его опять сонно проигнорировали, что-то злобно пробурчав в ответ.

«Ну и чёрт с вами, — в очередной раз подумал Федя, — не хотите спасаться — не надо!»

И он начал спасать свою душу и тело. А для этого надо было как-то протиснуться в отверстие. И тогда Федя стал вытягиваться. Как умеют вытягиваться дождевые червяки, думаю, все знают. Сначала Федя из пяти сантиметров длиной превратился в семисантиметрового, затем в девятисантиметрового, потом в одиннадцати, затем в одиннадцати с половиной. Больше он вытягиваться не мог, как ни старался. Всему свой предел.

А надо было действовать поскорее, чтобы ребята вновь не поставили баночку в горизонтальное положение, закрыв тем самым все пути к свободе.

Лезть в отверстие даже такому длинному и тонкому было нелегко. Федя весь исцарапался, но лез, лез и лез и, в конце концов, вывалился из баночки прямо на землю, на прелую листву.

Свобода! Теперь надо было скорее Феде принять свои нормальные размеры и зарыться в прелую листву, чтобы его не заметили.

А принимать обычные размеры было больно. Уж очень Федя исцарапался о края отверстия, пока лез через него. Но Федя терпел и, в конце концов, стал опять длиной в пять сантиметров, то есть самим собой. Всё тело его болело, но Федя этого практически не замечал, потому что вокруг была свобода и его никто уже не отдаст на съедение рыбам.

Залезть под прелые листья было нетрудно. Здесь пахло землёй, водой и прошлогодней листвой. Федя успокоился и перевёл дух.

«Теперь можно и отдохнуть», — сказал он сам в себе и попытался на десять—пятнадцать минут задремать. Это ему удалось. Проснувшись, он опять почувствовал себя нормальным дождевым червяком.

Так вот Федя остался живым. Ну, а что касается его жирных и ленивых собратьев в банке, то все они в конечном итоге были насажены на крючок и скормлены этим ужасным рыбам, у которых сегодня на горе всем червякам был и жор, и клёв.

«Кто ищет, тот всегда найдёт», — с радостью думал Федя, наблюдая за всем происходящим из-под прелых листьев.

Так что живёт теперь Федя не на навозной куче парника, а на берегу озера, среди леса. И ему здесь уютно и хорошо, поскольку и еды, и воды, и воздуха, да и темноты ему хватает. Тем более что он тут же нашёл себе подружку в виде симпатичной червячихи, которую звали Маша. Теперь они живут вдвоём и иногда сворачиваются в клубок, что на свободе очень даже и приятно и хорошо. И скоро у них появятся детки, маленькие червячки, что уже само собой совсем замечательно!

г. Снежинск

Тебя себе я подарю

* * *

Кому я лгу? Себе, конечно,
Что всё прошло и чувств былых уж нет,
Что всё спокойно в нашем королевстве…
Но чем же объяснить горячей крови бег?
Чем объяснить: мечтательность, тревожность
Мятежных дум и трепетность стихов?
Я лгу себе, что всё прошло, быть может…
А чувства так и рвутся из оков.

* * *

Нарисуй мне цветов букет.
Стань художником-чародеем!
Жизнь продли им на много лет —
Мы о смерти их так жалеем…
Ну, а мне будет чудиться вновь,
Как мы этот букет собирали:
Запах трав будоражил кровь…
И слова здесь нужны едва ли…
Всё пройдёт: и томленье души,
И восторги, и наслажденья…
Только этот букет в тиши
Мне напомнит былые мгновенья.

* * *

Я на вино наговорю и выпью с верой,
Что испарятся все химеры,
Очистятся земные сферы,
Тебя себе я подарю!

* * *

Для многих весна — пробуждение чувств,
А для меня — расставанье и грусть…
Мне осень шептала листвою: «Он твой!»
Весна же в ответ — разлучила с тобой.
Пусть годы промчались, а чувства всё те же:
Весною — тоскую, под осень — надежда.

* * *

Расставанье было долгим,
А разлука без конца…
Помнишь, как ты с ней прощался
У высокого крыльца?
Говорил ты веско, жёстко.
Не жалея, не скупясь.
Ведь тебя уж захватила
Ко другой девице страсть.
Били те слова наотмашь —
Не хотелось верить, жить…
Как, наивной той девчонке
Мог ты голову вскружить?
Лишь Любовь смогла девчонку
От безумства удержать.
И опять меж вами были
Расставанья, встречи, страсть.
Да, разлука, баба злая
Развела на много лет.
У тебя — семья другая.
У неё — и мужа нет.

* * *

Пусть губ уголки опущены,
Глаза, как у птицы раненой,
Нам так мало в жизни отпущено…
Не будем бояться заранее!
Бояться несхожей зрелости,
Обид и непонимания.
Начнём всё сначала,
Как в юности —
С ухаживаний и свиданий.
Пусть были необщими вёрсты,
И мы с тобой встретились поздно,
Но я не хочу,
Чтоб — просто.
Хочу, чтобы было всё
Сложно.

* * *

Не всегда седина — это признак старенья.
У меня в двадцать три на висках серебро — пережитого бремя.
Видно, я отношусь к тем, кто за ночь седел, словно лунь,
Видно, всё близко к сердцу, хотя и противится ум…
«Плюнь на всё!» — мне услужливо разум кричит.
«Не могу…» — непослушное сердце стучит.

* * *

В квартире тихо и темно…
Лишь мысли с сердцем в унисон:
«Кто ты? Зачем пришла? И бытие твоё не сон?»
И принят вопль немой ночными небесами…
И в тишине бездушно время отмеряет жизнь часами.

* * *

Природа в обиде на человека, и он получает сполна:
Потопы, цунами, засухи века… нет бы набраться ума…
Куда там! Заводы дымят — нам мало! Жгём всё вокруг — не жалко!
А где-то бабочек, птиц не стало и вместо деревьев — палки…
В рощах, у дома деревья «мешают» — их рубят иль бреют под ноль…
Неблагодарные забывают — чья была первая роль…
Взгляни на карту: какие просторы пустыни заняли… Жуть берёт!
Послушай землю! Сними с глаз шоры! С зелёной планетой верши полёт!

п. Агаповка

Юлия Габдракитова

Забытое в песочнице ведро

Улыбка лета

Поцеловав красавицу луну,
Июльский день уснул в моем саду
В объятьях ласковой звенящей ночи.
Прохладе отдаваясь в тишине,
Мороз и вьюгу видит он во сне
И в солнца жар вставать совсем не хочет.

Но дождь веселый принялся с утра.
Умывшись, день глядится в зеркала,
Что ливень подарил земле с рассветом —
Улыбка лета отразилась в них!
И засмеялся день наш — озорник,
И затерялся в пряных травах где-то.

В тусклом свете мокрый перрон

В тусклом свете мокрый перрон.
Жутко в автобусе — Я и Ночь.
Ждет тебя холодный вагон.
Как же нам эту боль превозмочь?

Как забыть отчаянный зов,
Что слетел с нацелованных губ,
Не найти нашим чувствам кров,
Как зайти в старый дом, что не люб?

И смотреть мне в его глаза,
Что давно так не видят меня,
Те забыть, что как образа —
Наглядеться не могут, любя.

Волшебный ожил мир

В. Хомякову.

Ожил орга́н
и в томной тишине
запел фальцетом колокольчик чудный,
ему ответно — колокол во мне —
загрудно.

Взыграл орга́н
нутром, басами труб —
волшебный ожил мир непостижимый! —
наполнились эфиром звуки вдруг —
жасминным.

Затих орга́н —
ноты плавно таят,
но не отпускают — завладели мной…
душа играет в бисер, летает
под луной.

Впервые

Я вижу сон.
Снег. Новый год и ты.
Впервые — поцелуй нежнее шелка.
Бокалов перезвон, смех, конфетти
И елка!

Я жду тот сон.
В нем распахнулась дверь —
Впервые взглядов жаркое касанье.
Рука в руке. Поет любви свирель…
Признание!

Приди, мой сон!
Из юности привет.
Впервые, в вихре лет — так откровенно.
Пошлю мальчишке милому ответ
Мгновенно!

Пурпурный сад

Пурпурный сад. Родимый дом. Окно.
Глазница детства. Пристанище мечты.
Нежно-зовущие чувства — в одно —
Цветной картинкой мелькнувшее кино,
Где вереницей милые черты —
Улыбки, песни, безоблачные сны.
Осенним золотом горит стекло,
Умыты звонким слепым дождем кусты.
Забытое в песочнице ведро,
А на душе покойно и светло…
Пурпурный сад.
Родимый дом.
Окно…

Все спит в белесо-хинном сне…

Стихло все в преддверьи долгой стужи,
Застыл ноябрь слезами на рябине.
Лес гол — он вымер,
Вымер на предзимье.
На обескровленных худых тропинах
Гуляет морось, сжимая лужи.
Воздух колок…
Резкий крик вороны
Тупо улетает в тлеющий закат, —
Словно ртутно-рыхлый разметался плат;
Рвется птахой сердце, бьется невпопад,
Утро ткет холодный холст посконный.
Бесцветье, неприкаянные дни.
Ноябрь долог…
Тоскливо-тягостны,
Безрадостно длинны те проводины.
Пустынны скверы,
Парки нелюдимы.
Все спит…
Все спит в белесо-хинном сне…

Отголоском лета…

Все стало пусто, морошно, бесцветно.
Осень мирское платье сняла.
Монашкою уходит неприметной —
Отцвела.

Дождь-плакальщик с ней спутник неизменный,
Сжимает душу, как тяжкий сон.
Бетонной глыбой небо давит гневно
В унисон.

И замер лес, — его затихли твари.
Жива поляна отголоском лета —
Рябиновым шатром из киновари
Согрета.

Спаси меня, детство…

Верни меня, детство, в уютный, счастливый мирок,
В старый двор, где с горчинкой ранет — слаще меда зимой,
В тот родной уголок, что зовет пышным цветом весной,
Угости и утешь бабулиной булочкой впрок.

Позови меня, детство, на новогодний каток —
Там, на новых «снегурках», кружу я в мерцаньи огней,
Папа ласково смотрит за маленькой дочкой своей…
Ложится на лист о снежинке мой первый стишок.

Спаси меня, детство, от серых замотанных дней,
В бессонную ночь ласково маминой шалью укрой.
Погали со мной в этой, без правил игре скоростной,
Помоги не стареть, наполни любовью своей.

п. Старокамышинск

Галина Крестникова

Капитаном стать хочу

Разочарование

Сегодня воскресенье,
Недели день седьмой.
Могу гулять я долго
И не спешить домой.

С соседом, другом Колей,
Мы вышли погулять.
И будем на площадке
У дома мы играть.

Сосед мой Коля сильный,
Он взрослому подстать,
Он лучше всех умеет
Свистеть и мяч гонять.

Я Колю уважаю,
Ему я подражаю,
Хочу таким же стать.
Сегодня Коля вышел,
Он вышел не один.
Красивый, новый, синий
Велосипед был с ним.

Вот сел он и поехал
С сияющим лицом.
Он ездил по площадке,
А иногда за дом.

Он очень долго ездил,
Ни разу не упал,
А я за Колей бегал,
Его сопровождал.

Я бегал, задыхался,
Но я светился весь —
Уж очень мне хотелось
На место Коли сесть.

Я смелости набрался
И робко попросил,
Чтоб он остановился,
Меня бы поучил.

И Коля мне ответил:
«Ведь ты же не умеешь,
Его ты разобьёшь
И, может, после этого
Его не соберешь!»

А мама говорила:
«Во избежанье бед,
Ты береги, пожалуйста
Свой велосипед!»

Я очень огорчился,
Ведь я не ожидал,
Но Коле почему-то
Об этом не сказал.

А просто отвернулся,
Домой я заспешил,
И с этим другом Колей
Я больше не дружил.

И будто вдруг я понял:
Не друг он, лишь сосед,
И никаких симпатий
К нему теперь уж нет.

Строитель

В песочнице лопаточкой копается малыш,
Там строит домик из песка крепыш.
Сосредоточен и серьёзен его лик.
Он занят делом в этот миг.

Вот дом готов и радость на лице.
Было трудно, но приятно так в конце.
А вы поверьте чудесам:
Он этот дом построил сам!

И ничего, что из песка —
Строитель маленький пока.
Пройдут года, он подрастет —
Авось, в строители пойдет!

Снег идет

Снег идет, идет, идет.
Вот гора уж у ворот.
И метелка, и лопата —
Все теперь уж в ход пойдет.

Деда вышел убирать,
Снег он будет разгребать.
И дорожки подметать,
А я лопаточкой своей
Разгребаю у дверей.

Мы работаем с ним дружно.
Зазывать меня не нужно —
Никуда не убегу,
Когда надо — помогу.

А прохожий весь народ
Умиляется, зовет:
«Посмотри-ка ты, Михалыч,
Ведь помощница растет!»

Девочка со скалкой.
Вот у нас во дворе
Есть одна девчонка —
Ходит в черненьком пальто
И в красненькой шапчонке.

А из шапочки у ней
Кудряшки выбиваются —
Когда прыгает она,
В такт они качаются.

А уж прыгать то она
Такая мастерица.
И скакалка всюду с ней —
Вот и не ленится.

С удовольствием смотрю
На эти упражнения.
Появляется в душе
Какое-то волнение.

Я не знаю, почему,
Может, я её люблю?

Я буду капитаном

Я на пристань прихожу
И подолгу тут брожу.
С интересом наблюдаю,
Как заходят в порт они,
Все большие корабли.
Вижу, как спешит народ,
Чтоб успеть на теплоход.
«Жизнь в порту всегда кипит», —
Так мой дядя говорит.
Ну, а я пока молчу —
Капитаном стать хочу.
Буду в рейсы уходить,
Океаны бороздить.
Но всегда в поселке нашем
Будет ждать меня Наташа!

г. Миасс

Виктор Фатеев

Нить бытия или Вокруг себя любимого

Глава XI

Индустриальная Магнитка встретила меня «с распростертыми объятиями» — здесь таких «умников» пруд пруди. Походил я по предприятиям недельки полторы, благо жить есть где — родственников полно и по линии бабки и по линии дедки. На должность художника-оформителя кое-где согласны были взять, но, как только предъявлю паспорт, взглянут, что семейный и — от ворот поворот.

Не солоно хлебавши, поехал я в Агаповку. Здесь тоже жили родственники, но главными и уважаемыми мамой Верой были кум Бучинский Иван Михайлович и кума Анна Федоровна. Вот к ним я и направил свои стопы.

Встретили меня доброжелательно, поведал я им о причине своего «нечаянного» визита. Дед Иван проработал на доломито-обжиговой фабрике Известняково-доломитового карьероуправления, вероятно, с начала её пуска. Он находился уже на заслуженном отдыхе, но слыл уважаемым человеком на предприятии. Выслушал он меня, почесал за ухом и заверил, что без работы не останусь. Наутро пошли с ним в отдел кадров ИДК. Инспектор по кадрам Мария Наумовна развела руками: «Иван Михайлович, на основных участках вакансий нет, можем принять в ЖКО истопником отопительных котлов, тобишь кочегаром. С жильем уж решайте сами, но в течение двух лет разговора о жилплощади быть не может». Дед Иван говорит: «Соглашайся, поработаешь, присмотришься, и к тебе приглядятся, там, возможно, где что и появится».

Вот так я и связал свою судьбу с «солнечной» Агаповкой, стала она для меня малой родиной, как принято сейчас выражаться. Но и полвека прожитых здесь, из жизни не выкинешь, и другой родины уж — не приобретёшь. Важно, наверное, не где родился, где крестился, а где прошла большая часть жизни. Но это уже из области философии, а мы вернемся к реальной жизни.

Приставили меня в напарники к старушке бабе Насте Зайцевой. Была она очень строгая, спуску никому не давала, не любила шептать в рукав, говорила прямо в глаза, если была с чём-то не согласна. Её за это недолюбливали и не хотели с ней работать. Ну, а мне к строгости не привыкать, с пелёнок воспитан на ней, поэтому мы с бабой Настей отлично и довольно быстро сработались. Я её уважал за прямоту, старался выполнять все её указания не из страха, а просто по-человечески. Безусловно, это её подкупало, и она

прощала мне даже некоторые «проколы», за что моих предшественников «выметала» с треском. Однажды пришлось явиться в смену прямо с гулянки, в изрядном подпитии. Им со сменщицей пришлось натягивать на меня комбинезон. Она тёте Поле Уралевой строго наказала: «Полинка, чтобы ни одна живая душа об этом не знала!» И не знали. Ну, а мне-то она всыпала после того, как проспался. Всю ночную смену она парилась возле трёх котлов, это с её-то диабетом и прочими болячками. Был этот случай единственный, и я ей очень благодарен.

Для начала все складывалось положительно. Снял «квартиру» за пять целковых в месяц — землянку в полном смысле этого слова — наполовину в земле, «музейную», уцелевшую от первостроителей Магнитогорского металлургического комбината. Привез Нину с Людочкой. Нина вскоре устроилась на Агаповскую торговую базу РПС учеником фактуриста с месячным окладом в 20 рублей. Я получал 68 рублей — семейный бюджет до 100 рублей не дотягивал, но жить все-таки можно. Я два раза в неделю выкраивал время для посещения изостудии ММК в левобережном Дворце культуры металлургов, продолжал заочное обучение в школе им. Н. К. Крупской, дочку устроили в детсад на круглосуточное пребывание, забирали её только на выходные дни. Текла размеренная трудовая жизнь. Через год получили комнату в бараке в 16 метров с печкой вместе, на так называемой Новостройке, существующей, к слову сказать, и по сей день. Радость наша длилась, ненадолго. Хотели мы того или нет, но маманю надо забирать из деревни. Жить ей одной, немощной, без посторонней помощи явно тяжело, чужим людям с её характером она не нужна. Мама Вера это прекрасно понимала, согласилась на переезд без колебаний. Продали хату, за которую она так цепко держалась, забрали наиболее необходимые вещи, остальное оставили.

Поначалу жили спокойно, потом маманя чуток пообвыкла к новым условиям и потихоньку стала «выпускать коготки». Посыпались жалобы теперь уже с обеих сторон. Пытался как-то урезонить — бесполезно. Обеих жаль: защитишь одну сторону — ущемишь другую. Так и жил между двух огней. Было и тесновато, но с этим приходилось мириться. Не мы первые, не мы последние. В таких условиях в то время жили сплошь и рядом. Россия — так было, так есть, так наверное будет всегда.

Нина заочно училась в Свердловском кооперативном техникуме, работала фактуристом на той же базе РПС. Я два с половиной года проработал в ЖКО, затем ушёл в пожарную часть комендантом, там же после окончания шестимесячных курсов в г. Куйбышеве в 1966 году, работал командиром отделения. В свободное время занимался оформительской деятельностью. Учёбу в школе Крупской оставил после второго курса, не посещал и изостудию. Всё это требовало финансовых затрат и немалых, а доходная часть семейного бюджета — кот наплакал — кошка нарыдала. Концы с концами сводили — и ладно.

В 1967 году 23 января родился сын, наследник, продолжатель рода Фатеевых — Александр. Я летал, словно на крыльях, не чувствуя земли под ногами. На радостях просадил зарплату, за что от жёнушки получил хорошую проработку. Но потом она всё-таки смирилась с тем, что такое бывает нечасто. Случай, прямо скажем, исключительной важности. Да, собственно, на фоне проживающих в бараках Новостройки мужиков я выглядел, без преувеличения, трезвенником. Случалось, конечно, но редко и в рамках приличия.

С рождением сына встал вопрос расширения жилплощади, и тут нас начали футболить. Нине — требуйте по месту работы мужа, у меня же в органах МВД вообще строительством не занимаются — требуйте от предприятия, которое охраняете, а ИДК — не наш работник. Одним словом, неизвестно, сколько бы нас футболили, если бы не Анатолий Иванович Волков, Царствие ему Небесное и Вечная память! Удивительнейший был человек, обладал феноменальной памятью, высокой эрудицией, читал без единой шпаргалки лекции по любой теме, писал замечательнейшие стихи. Анатолий Иванович был очень общительным и интересным собеседником. Его уроки истории и обществоведения были часами коллективных и познавательных дискуссий. Очень жаль, что жизнь его оборвалась в самом расцвете творческих и физических сил в возрасте 47 лет. Он подсказал, что в одном из номеров газеты «Сельская жизнь» есть статья о льготах на получение жил.площади семьям, чьи родители не вернулись с войны.

Со статьёй мы ознакомились, в ней чёрным по белому давалось разъяснение, что существует Положение о льготах семьям погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. В нем сказано, что льгота распространяется на всех членов семьи, независимо от возраста и места работы, даже если у них свои семьи. По всем жизненно важ-

ным вопросам и, в первую очередь, на получение жилья вне очереди, нужно обращаться в Министерство обороны СССР.

Я так и поступил. Собрал все отписки, акты обследований и шурнул их маршалу СССР А. А. Гречко. Ответ не заставил долго ждать. Пришла депеша в областной военкомат, в райвоенкомат, и нам: «Принять соответствующие меры, согласно "Положения за номером таким-то"». Через неделю меня вызвали в районный военкомат, и велели идти в ЖКО получать ордер на квартиру.

Нам позднее передали разговор между военкомом Черыговым и начальником ИДК Гуровым, состоявшийся во время перекура на партийной конференции.

Черыгов: Федор Порфирьевич, ты думаешь обеспечить улучшенным жильём семью Фатеевых?

Гуров: Он не мой штатный работник.

Черыгов: Глава семьи охраняет твоё хозяйство, и ты обязан обеспечить его жильём. К тому же он сын без вести пропавшего, а с ним проживает ещё и мать того же без вести пропавшего!

Гуров: Его отец уходил на фронт не с нашего производства.

Черыгов: Федор Порфирьевич, ты кадровый офицер, прошедший сам это пекло, рассуждаешь, как ребёнок. Он уходил защищать Родину, свой народ, наших детей. Мы с тобой вышли из этого ада изрядно помятыми, но живыми, а он голову сложил! Разговора на эту тему больше быть не может! Приказываю обеспечить! Всё!

Вот так, походя, в кулуарах решаются жизненно важные вопрос нашего бытия. Оказывается, можно и власть употребить, если над тобой завис указующий перст.

Получили мы ордер, переехали из одного подъезда в другой — из однокомнатной в двух комнатную квартиру. Ну и Слава Богу, обстановка несколько разрядилась и то хорошо. В этом же году Нина защитила диплом, пока находилась в декретном отпуске. Баба Вера совсем одряхлела, летом ещё выходила посидеть на лавочке со старушками, «пополоскать косточки» соседям, а к осени и этого удовольствия лишилась. Ослабла, больше лежала. Иногда просила посадить к ней правнучка, и они о чём-то ворковали. С наступлением зимы она слегла окончательно, но оставалась по-прежнему непримиримой, даже как-то заявила: «Если бы жили в Алексеевке, я бы её всё равно выкурила». Мне было горько и одновременно смешно слышать эти угрозы. Сколько же было вложено в эти слова желчи! И произносит их человек, одна нога которого зависла над Вечностью!

4 февраля 1968 года Нина пригласила старушек-соседок, нагрели воды, помыли её, уложили на койку и сели пить чай, как делали это уже неоднократно. Пили чай, беседовали и не заметили, как она отбыла в Мир иной. Царствие ей небесное.

Тайна её непримиримости к нашим с отцом жёнам оставалась для меня непонятной, и только много позже мне удалось в одном из журналов прочитать статью на эту тему. Оказывается, эмоциями движет слепая материнская любовь, и на этой почве возникает страшная ревность. Происходит это в большинстве случаев там, где мать воспитывает сына без мужа, и, когда между ними появляется третий человек, возникает сначала просто неприязнь, а потом вражда. Баба Вера дважды пережила «счастье» матери-одиночки, и, надо сказать, при всей строптивости характера и садистских выходках, она любила нас безгранично и разделять эту любовь с кем-то не желала. Что ж, таковы прелести жизни нашей бренной, и их не обойти, не объехать. Иногда вспомнишь прошлое, душу защемит обида за физические и моральные травмы, ею нанесенные, а потом одумаешься… Ведь ей-то тоже несладко было. Какие испытания выпали на ее долю, не приведи Господь. Вечная ей память.

(Продолжение следует)

с. Агаповка

Хакима

Вот пришёл Человек

Приходят ангелы на помощь,
Проходит Бог, в толпе людской,
Но мы не видим их глазами,
Умом живём, а не душой.

Автор

Сколько людей в дороге, все куда-то едут, а я, как та баба из притчи, смотрю на людей и думаю, и куда они все едут, я-то хоть к сыну еду. Еду к сыну в город, две большие сумки с деревенскими продуктами, хозяйка у которой мой сын снимает комнату, поставила условие, что плату за проживание будет брать продуктами. Перестройка идёт во всю, зарплату толком ни в деревне, ни в городе не дают, и это условие, что платить можно продуктами, взаимовыгодно.

Я плохо знаю город, и сажусь не на тот трамвай, который мне нужен, а непонятно на какой. Когда до меня доходит, что я еду не туда, куда мне нужно, выхожу из трамвая на первой же остановке, расспрашиваю встречных, мне, как могут, объясняют, куда идти, где свернуть, на какой номер троллейбуса сесть, чтобы попасть по адресу. Иду, иду, сворачиваю, поворачиваю и вываливаюсь на какую-то улицу деревенского типа. Снега выше колен, дорога узкая, только одна машина может проехать. По дороге едет «Волга», уступаю дорогу и проваливаюсь в снег. «Волга» останавливается, водитель вышел из машины спрашивает:

— Куда тебе надо?

Называю адрес.

— Ладно, садись, подвезу, в ту сторону еду.

Сумки ставит в багажник, едем.

— Что, деревенская?

Я кошу взглядом на свой наряд, вроде бы и не плохо одета, даже макияж на лицо наложила, огорчённо отвечаю вопросом на вопрос:

— Что, сильно видно?

— Нет даже нисколько, две большие сумки, испуганные глаза на пол-лица, застряла в сугробе и вертит головой во все стороны, ну, чисто городская, — смеётся водитель.

Довёз куда надо, пытаюсь заплатить, водитель машет рукой:

— Ладно уж, иди, насмешила ты меня.

— Спасибо вам большое.

Надежда Александровна ждёт меня, заранее договариваемся, когда я приеду в город, и она в этот день никуда не уходит. Надежда Александровна хороший человек, мы подружились и относимся друг к другу с уважением, как к своим близким родственникам. Оставляю сумки, а сама иду в институт. Сын после окончания института остался работать преподавателем. Захожу в вестибюль, через несколько минут началась перемена, вестибюль и коридоры наполнились говором и шумом вышедших на перемену студентов.

По коридору в окружении студентов идёт мой сын, они к нему обращаются по имени отчеству, подходят солидные дядьки и тоже называют моего сына по имени-отчеству.

Я, как любая мать, будь на моём месте, рада, что вот, мой ребёнок не потерялся, не растерялся в большом городе и что к нему относятся с уважением. А сама смотрю на него и думаю: деревенский ли это мальчишка и вообще мой ли это сын.

— Мама, — увидев меня, громко произносит он, — простите, сейчас с мамой поговорю…

— Давно пришла?

— Нет, почти только что.

— У меня ещё один урок, подождёшь меня здесь?

— Подожду, иди, занимайся своими делами.

Перемена кончилась, опустел коридор. В вестибюле остались только вахтёрши и я. От нечего делать прошлась по коридору. Прочитала все вывески на дверях, все объявления. Посмотрела какие предметы учат будущие специалисты, которые завтра понесут культуру в массы.

Одна дверь была немного приоткрыта, оттуда слышна музыка и негромкий говор. Тихонечко заглядываю туда, это зрительный зал или ещё его называют актовым залом, мест на триста, может, больше. На сцене идёт репетиция, а так как у себя в деревне я работаю завклубом, мне, конечно, очень интересно, как это происходит в других местах, тем более

это институт культуры. Из всех клубных работ мне больше всего нравились репетиции. И понятно, что я буквально просачиваюсь в двери, лишь бы двери ни скрипнули, ни пискнули. Устраиваюсь на последнем ряду, у двери.

На сцене несколько человек, руководитель или как его там; режиссер стоит внизу перед сценой, что-то сердито объясняет. На авансцене остаются трое, остальные отходят назад к музыкальным инструментам, их почти не видно.

На сцене девушка в старенькой серой шерстяной кофте, которая спереди обвисла, волосы резинкой собраны в хвостик. Сутулится высокий парень со светлыми, слегка вьющимися волосами, с безвольно опущенными плечами. И девушка полненькая, есть такая приятная полнота, когда язык не поворачивается сказать: «толстая», она чуть выше среднего роста, светлая.

Режиссер сердито пытается им, что- то втолковать, потом говорит:

— Понятно? Всё, начали.

Репетиция идёт ни шатко ни валко. Девочка в серой кофте, видимо, должна петь, никак не может правильно взять ноту, то музыка запаздывает, то она невпопад начинает.

Парень идёт к светлой девушке, не пойму, что он говорит, непонятно мямлит что-то. Девушка отвечает ему, по говору слышно, что она хохлушка. Разговаривает мягко, но букву «р» произносит, как будто мелкие булыжники перекатывает, и, когда отвечает парню на его слова, у неё получается, словно она рычит.

— Стоп, стоп! Это что такое? Вы что, не выспались? Или не ели сегодня? Говорим чётко, каждое слово должно быть чётко произнесено. Понятно?

«Артисты» согласно кивают в ответ, и репетиция продолжается.

Вступает музыка, девочка в серой кофте начинает выводить песню. Парень с безвольно опущенными плечами идёт к светлой полненькой девушке, та отвечает ему.

— Стоп! Стоп! Что ты рычишь? Что ты рычишь? Да и вообще, зачем вы стараетесь работать на меня, я и так всё это знаю, вы должны работать на зал, — поворачивается, видит меня: — Видите, человек сидит, вон там, на последнем ряду, там на последнем ряду должны видеть каждое ваше движение и слышать каждое ваше слово. Понятно?

«Артисты», опустив головы, согласно кивают в ответ и репетиция опять продолжается. Серо, скучно, неинтересно, что то у них всё без всякого вдохновения. Но а мне всё интересно, интересно, что не получается, интересно реакция постановщика, и я с неугасающим интересом продолжаю наблюдать за всем происходящим.

— Где Андрей? — этот вопрос, звучит уже третий раз.

— Психологию пересдаёт.

— Он придёт?

— Сказал, что обязательно придёт.

Руководитель хлопает себя по бёдрам, садится и закуривает, «артисты» виновато продолжают стоять на сцене.

На сцену вбегает мальчишка, худенький, среднего роста, вихрастый, ничего особенного.

Машет руководителю:

— Сдал!

— Молодец!

Мальчишка гоголем прошёлся по сцене, что-то изобразил, поправил серую кофту на девочке, похлопал высокого парня по спине, слегка дёрнул за косу светлую девушку, из-за своих инструментов, вышли музыканты, все окружили мальчишку, радостный говор оживил сцену.

— Всё, всё, — в голосе руководителя появились довольные нотки, — по местам, репетиция продолжается.

Расходятся по местам. Зазвучала музыка, девочка запела. Выпрямился парень, и куда девался безвольный мальчишка с опущенными плечами, гордая посадка головы, мышцы бугрятся под футболкой. Да это же сам Аполлон пришёл на сцену — высокий, сильный, красивый. Вот он, шагнул навстречу к «хохлушке», а там не полненькая девочка, а сама светлая нежность. Девочка в старенькой серой кофте выводит песню, такое чувство, что песня, заполнив сцену, переливается в зал. Музыки не слышно, то есть она есть, но она просто сопровождает голос певуньи, стараясь звучать в унисон, подчёркивая всю красоту, всю необычность звучащего голоса. Чарующий голос заполнил зал, меня не стало, исчез зал, остался только голос, голос звал, будил давно забытые мечты, обещая исполнить даже самые невероятные фантастические желания. Аполлон объясняется светлой нежности в любви,

и буква «р» рассыпается хрустальными звенящими колокольчиками по сцене. Я замерла, сказать, что меня не стало, это ничего не сказать. Я растворилась, согласна стать пылинкой, самой малюсенькой частичкой этого чарующего голоса, только бы он не исчез, только бы не замолк, пусть никогда не кончается это очарование.

Но ничего бесконечного нет в мире, Аполлон объяснился в любви, голос смолк, номер закончился. Я молча смотрю на сцену, не хочу, чтобы это кончилось, пусть поёт, пусть не исчезает состояние блаженства, пусть Аполлон вечно объясняется светлой нежности в любви. Руководитель поворачивается в мою сторону, я чувствую его гордость: «Мол, видала». Мысленно отвечаю ему: «Да! Да! Видела, пожалуйста, ещё раз!»

Словно услышав мою мысленную просьбу, или просто ещё раз нужно пройти эту сцену, говорит:

— Так, не расслабляемся, ещё раз повторяем, закрепляем, это место, начали.

Зазвучала песня, чарующий голос, набирая силу, заполнил пространство зала, и опять я уплыла в блаженное не бытие, совсем забыла, где нахожусь. Вздрогнула, пришла в себя оттого, что кто-то схватил меня за плечо: «Мама, — шёпотом говорит мой сын, — я тебя уже третий раз зову, пойдём». Тихонько выходим из зала, уже на улице он говорит:

— Уроки давно кончились, ищу, ищу тебя, думаю? куда могла деваться? раз сказала, что подождёт, значит никуда не могла уйти. Потом вахтёрши сказали, что ты туда вошла. Думаю, понятно, где ещё может быть завклуб.

Идём с сыном по улице, он расспрашивает про домашние дела, про соседей, про своих сверстников. Я ему отвечаю, а сама я там, в зале, где под чарующий голос девочки в старенькой серой кофте Аполлон объясняется в любви светлой нежности.

На вопрос сына, хватит ли кормов до лета, то хватит ли дров, спрашиваю:

— Ты знаешь Андрея?

— Какого Андрея?

Мы недоумённо смотрим друг на друга, он мыслями в деревне, а я там, в зале где идёт репетиция.

И тут меня прорывает; я взахлёб с восторгом начинаю рассказывать, что сейчас видела, слышала, мысли опережают слова, тут тебе и рычащие булыжники, и мальчишка — вдруг превратившийся в Аполлона, и светлая нежность, а самое главное, девочка с чарующим неземным голосом. Поток слов, хочу, чтобы он разделил со мной тот восторг от увиденного услышанного мной, хочу чтобы он почувствовал то блаженство, которое я испытала там, в зале пока шла репетиция. И уже тише заканчиваю свой монолог, что всё это получилось, когда на сцене появился этот мальчишка Андрей.

И тут вдруг слышу себя: «Всё это получилось, когда на сцене появился мальчишка Андрей.» Мысленно повторяю эту фразу, потом сыну с удивлением, растягивая слова говорю:

— Это получилось, когда на сцене появился мальчишка по имени Андрей.

— А, ты вот про какого Андрея говоришь, да его весь институт знает. Это такой человек, при котором даже сломанные приборы начинают работать. Нашему институту сильно повезло, что он у нас учится.

— Ты представляешь, а он психологию не смог сдать, пересдавал.

— Да там психологичка такая, ей надо, чтобы отвечали точно, как в учебнике написано, ей без разницы, что Андрей на любой вопрос может дать три варианта правильного ответа, положено по учебнику, будь добр, отвечай как написано.

Мы шли и обсуждали, мир так устроен интересно, что по-настоящему умные и гениальные люди не очень-то заметны в толпе. Видя мою взбудораженность, он всю дорогу подтрунивал надо мной:

— Что, мать, с настоящим искусством столкнулась!

— Они гениальные, конечно, — имею в виду артистов, — но, не появись этот мальчишка, не знаю, что бы у них получилось. Вот он пришёл, прошёл по сцене, к каждому из них прикоснулся, а сам ушёл к музыкантам на задний план, его и не видно было, а как всё преобразилось, засияло, запело, засверкало.

Годы прошли, скоро внук будет преподавать в академии, а в моей душе всё звучит чарующий голос певуньи, и светлой нежности в любви клянётся вечно Аполлон.

И всё получилось, потому что вот пришёл, прикоснулся, прошёл Человек.

Уйский район

Людмила Бычкова

Поговорим глазами

Маме

Мама — это родное слово.
На свете не будет такого другого.
Часто тебя
Мы обижали,
Боли в глазах —
Не замечали,
Вся ты в заботах —
Не помогали,
Плакала ты —
Не утешали.
Не искупленная наша вина.
Боль нам за это
Такая дана.
Мама!
Прости нас.
Мы не со зла.
Мама!
Хотим,
Чтоб ты долго жила.

* * *

Смяты все простыни,
В руках сигарета.
Женщина плачет.
Мысли без ответа.
Подари тепло ей
Солнечного света.
И слезинки станут
Вновь дождями лета.
Все плохое, грустное
Радугой прольется.
А в глазах любимой
Радость улыбнется.

* * *

Тебя у меня украла осень,
Чего ей простить никак нельзя,
Как жить теперь
У листьев спросим,
А может быть, и у дождя.

* * *

Давай с тобою помолчим,
Мы все уже сказали,
Тихонько просто посидим,
Поговорим глазами.
Твой взгляд туманно и легко
Ложится мне на душу,
Я буду только с ним одним,
Молчанья не нарушу.
Глаза в глаза мы посидим,
А дальше будь что будет.
Нам хорошо с тобой и так,
Кто нас с тобой рассудит.

* * *

Наступило предзимье,
Ни зима, ни весна.
Даже осень исчезла,
Потерялась она.
Заблудилась природа
В межсезонье своем.
Только нам хорошо,
Мы с тобою вдвоем.
Подойдем мы к камину,
Тихо чай разольем.
Пусть бросается осень
В окна серым дождем.

* * *

Десять дней пролетело,
Пролетит десять лет.
Я к тебе так хотела,
Но тебя уже нет.
Я к тебе так летела,
Несмотря на запрет,
Я тебя так хотела,
Но тебя уже нет.
Я с катушек слетела,
Может все это — бред?
Быть с тобою хотела,
Но тебя уже нет.
Что мне делать с собою,
Дай мне, небо, совет.
Только ветер завоет
В стылых трубах
В ответ.

* * *

Прозрачный воздух тих и свеж,
Надела осень платье беж,
Застряло время над и меж,
Тебя я потеряла,
Где ж?

г. Нязепетровск

Александр Блинов

Пограничные рассказы

Кавалеристы

Заставы в Киргизии были кавалерийские, и нас в школе сержантского состава стали обучать верховой езде. В детстве я вместе с местными мальчишками, когда гостил на родине в селе Давлеканове, иногда водил лошадей на водопой и, был случай, даже прокатился на одной. Но на этом мой опыт верховой езды и закончился. Да и лет с тех пор прошло много. В общем, пришлось мне начинать с нуля. Привели нас в конюшню, а я боюсь в нее войти: кони стоят и слева, и справа. Я думаю: «Вот долбанет сейчас какой подковой, сразу же убьет». Смотрю, не один я потрушиваю. Все городские боятся. Только деревенским ребятам нипочем: они сызмальства к лошадям привычны. Но деваться-то некуда: надо идти. Бочком-бочком я прошел к стойлу, привалился к лошади и глажу ее, потому что отпустить боюсь. Лошадка, на мое счастье, смирной оказалась, только глазом на меня удивленно косит. Неделю мы ходили на конюшню, чистили лошадей, водили на водопой, учились их запрягать. Привыкали, словом, и наконец перестали бояться. И вот как-то раз верхом на лошади подъезжает к нам Попов.

— Ну что, кататься хотите? — спрашивает.

Мы ему хором: «Конечно, товарищ капитан». Мы же еще не знали, каково это — учиться под руководством Попова верховой езде.

Взвод разделили надвое. Одни катаются, другие наблюдают, потом меняемся. Я попал во вторую группу. Вышли в поле. Там были вырыты окопы, поверх них лежали брустверы. Мы на них уселись поудобнее, наблюдаем за товарищами. А они оседлали лошадей: ноги в стременах, в руках поводья. Гордые, довольные, улыбаются. Попов с растяжечкой так командует:

— По-о-о кру-у-у-гу учебно-о-о-й рысью марш!

И лошади пошли, они же натренированные были. Через пять минут улыбка с лиц наездников сползла. Дальше — больше: уже и слезы у некоторых наворачиваются. А капитан старается:

— Ноги из стремян вытащить!

Кто учился верховой езде, знает, как сложно новичкам не чувствовать опоры под ногами. А Попов еще и за луку запретил держаться. Ладно бы, эта «экзекуция» недолго продолжалась. Но ведь полтора часа! Деревенские выдержали испытание спокойно, а вот городским ребятам очень туго пришлось. А у одного даже понесла лошадь. Зашло ей что-то, и она выскочила из круга, галопом пустившись в сторону ущелья. Бедняга судорожно вцепился ей в гриву, но долго так не продержался — упал. Хорошо хоть, поводья не выпустил из рук. В конце концов, он кое-как утихомирил лошадь, на негнущихся ногах подвел ее к капитану. Попов приказывает:

— Садись.

— Не сяду.

— Один наряд вне очереди.

— Не сяду.

— Два наряда вне очереди.

— Не сяду…

И так они до цифры «пять» добрались.

— Все, свободен, — разозлился Попов.

Через два дня этот курсант у нас не служил. Его перевели в часть министерства обороны.

— Пограничники, которые не выполняют команды, на заставе не нужны, — сказал нам Попов. Мы раз и навсегда уяснили: слабым здесь не место.

Когда наездники наконец-то слезли с лошадей, мы увидели, что штаны у них сзади пропитаны кровью. И вот настала моя очередь. Лошадь идет рысью, а у меня внутри все кишки ходуном ходят. Ощущение: сейчас вывалятся. Короче говоря, полтора часа мне показались адом. Слез с лошади: «пятая точка» стерта до крови, ноги — враскорячку. Все же мы еще как-то шевелились: лошадей отвели в конюшню, почистили, постирали свою одежду, вымылись. А вот утром пришлось, ой как туго: еле-еле встали с коек, еле-еле вышли на построение. Покрывшиеся за ночь коркой раны при ходьбе трескались и болели. Попов спрашивает:

— Ну что, товарищи курсанты, как жизнь?

— Плохо, товарищ капитан, — отвечаем мы ему. — Сегодня ходить не можем.

Попов хохочет:

— Ладно, занимайтесь в классах.

Три дня у нас был щадящий режим: мы никуда не выезжали, все занятия проходили в пределах школы. А затем вдруг учебная тревога. Попов говорит:

— Китайцы нарушили государственную границу.

Мы взмолились:

— Товарищ капитан, может, пожалеете, у нас еще болячки не зажили?

— А они и не пройдут, если будете без движения, — возражает Попов. И в этот день у нас была пробежка. А на лошадей мы сели через неделю. Со временем раны наши задубели до непробиваемости, мы научились хорошо держаться в седле. В общем, наездников из нас Попов сделал.

На заставе Кызыл-Джар это мне очень пригодилось.

Обидная четверка

Старшина роты, тот самый, что задержал шпиона на въезде в Гульчу, был мной недоволен. И не скрывал этого. При каждом удобном случае он не упускал возможности попенять, что теоретическая часть учебы у меня хромает. Я действительно знал меньше остальных курсантов. Но на то были причины. Мне часто приходилось ездить на соревнования, комсомольские сборы, а в наряды я ходил наравне с другими, поэтому времени на зубрежку у меня не оставалось.

— И спортсмен, и комсомолец. Когда учиться будешь?— ворчал старшина.

А мне опять предстояло ехать, на этот раз на летние соревнования. Я защищал честь отряда. Лыжи, бег, плавание — для меня не проблема. А вот толкать ядро и метать копье мне никогда раньше не приходилось. Что ж, попробовал себя и в этом. Копье я метнул так себе, а вот с ядром все вышло удачно. Бросил на 12 метров: сам не ожидал.

— О! — похвалили судьи. — Идешь на разряд.

Вернулся в школу. Настроение — замечательное. Одна неприятность: хмурый вид старшины, который он мне всячески демонстрирует. Не знаю, как бы я наверстывал упущенное, не вмешайся капитан Попов. Он освободил меня от всех нарядов, и я усиленно занялся учебой. На носу были экзамены, а за ними и выпуск из школы сержантского состава.

Физическую подготовку у нас принимал мой старый наставник еще по «учебке» старший лейтенант Почейкин. И я никак не ожидал, что он возьмет да и влепит мне за упражнения четверку. К тому же, когда я их выполнял, он стоял ко мне спиной и не видел меня. Почейкина мы в глубине душе жалели. Он второй срок ходил старшим лейтенантом и очень переживал по этому поводу. Но сам был виноват: часто прикладывался к бутылке. А, может, поэтому и прикладывался. Было дело, мы иногда в шутку обращались к нему: «Товарищ, капитан, разрешите обратиться…» Наверное, это его задевало. И вот настал момент: человек припомнил свои старые обиды. Однако эта четверка портила мне все показатели. Остальные у меня были пятерки. В конце концов я решил поговорить с Почейкиным. Но тот был непреклонен:

— Хватит тебе и этого. Ты и так здесь больше по соревнованиям ездил, чем учился.

В итоге школу сержантского состава я окончил в звании «младший сержант». Если бы не четверка Почейкина, мне бы присвоили «сержанта». Ну да не беда, «сержанта» я получил позже. Зато старшина, видя мои успехи в учебе, потеплел ко мне. Я остался служить здесь на второй срок, а он демобилизовался. Не знаю, говорил ли что-нибудь старшина обо мне начальству, покидая часть. Но капитан Попов предложил мне вступить в должность старшины. Я отказался: мне нравилось быть командиром отделения.

Капитан Попов

Летом мы отметили новоселье. В городе Ош, рядом с горой Мусульманкой, школе выделили новое здание. Оно было светлым и просторным. А в казармах стояли не двухъярусные кровати, как раньше, а обычные. Красота.

Как-то раз дверь в казарму открылась, и вошел капитан Попов.

— Подъем! — закричал он нам.

Мы глаза протерли, смотрим: идет наш начальник по проходу важно-важно, руки за спиной, а на погонах поблескивают майорские звезды.

Мы:

— Товарищ капитан! Ой, товарищ майор! С присвоением, значит, очередного воинского звания!

Попов был у нас начальником требовательным. Если что не так, три шкуры с тебя спустит. Но, надо отдать должное, справедливый. За это мы его уважали. Было у него одно чудачество. Если фуражка надвинута низко на глаза, значит, Попов не в духе. И лучше ему на глаза не попадаться, потому что обязательно до чего-нибудь доскребется. А вот если сидит далеко на затылке, открывая широкий лоб и светлый ежик волос, то у Попова прекрасное настроение. Будет шутить и смеяться, балагурить, как пацан, мало чем отличаясь от нас. Эти тонкости в поведении командира мы со временем хорошо изучили и пользовались ими. В этот раз фуражка у Попова была сдвинута к затылку дальше обычного. И сколько бы он ни вращал сердито глазами и не хмурил брови, нас не обманешь: напускное. Не каждый день звания присваивают, что и говорить.

…Я только собрался встать с кровати, чтобы одеться, а она вдруг поехала в проход. Точнее, покатилась, так как к ножкам были привинчены колесики. Я не понял, что происходит. А Попов руки из-за спины выдернул, замахал ими и закричал: «Все на улицу. Землетрясение!». Мы, как ошпаренные, соскочили с коек и бросились наутек из казармы. Постояли, растерянные, какое-то время на плацу. Но все было спокойно. Отбой. Тряхнуло нас легонько, но все равно этот случай мне запомнился. Раньше ни с чем подобным я не сталкивался. В предгорьях Урала, где я родился и вырос, землетрясений не было.

г. Челябинск

Ольга Фомичева

Знать бы, откуда приходят стихи

Жизнь моя — качели

Видели качели? Вверх и вниз…
То стремимся в небо — синюю высь.
Крылья за спиною, блеск в глазах,
Сердце птицей бьётся. Вздох души: «Ах!»

То из поднебесья — камнем вниз.
Может, зря задумали вознестись?
И не держат крылья, в мыслях — Бог.
Из груди несётся тяжкое: «Ох!»

Жизнь моя — качели: вверх и вниз…
Вот опять к Олимпу устремлюсь ввысь.
Впереди победа манит. «Ах!» —
Радостное звонкое на устах.

Неземное чувство: всё могу!
Пожелаю счастья даже врагу.
Но Икара крылья так хрупки,
Ветер по живому рвёт на куски.

Снова неудача: страх, и боль,
И паденье в пропасть — такова роль.
Сердце замирает, горький всхлип:
Где бы взять соломки да подстелить?

Вот они качели: вверх и вниз…
Взлёты и падения дарит жизнь.
Гладкая дорога — лучше всех.
Всё равно карабкаюсь тропкой вверх.

Нить

Родные холмики рядами.
Здесь мама, бабушка, отец.
Стою немая перед вами.
Что говорить? Угас светец…

Казалась в детстве жизнь беспечной,
Длиной до самых до небес.
Но, повзрослев, узнала: вечной
Жизнь не бывает, миф исчез.

Мы восстаём из зёрен праха
И в прах уходим навсегда.
И времени богиня — пряха —
Отматывает нам года.

Один клубок, второй и третий…
Но если вдруг прервётся нить,
Бросает под ноги столетья
И не берётся починить.

Прошу тебя, святая пряха,
Для нити пряжи не жалей.
Пусть вьётся жизнь, не зная страха,
Продляясь нитями детей.

* * *

Милее Кавказа — любуйся, смотри! —
Уральские горы:
Качают поутру полоски зари
На синем просторе.
И пусть говорят: есть краше места,
Ты просто там не был!
Мне по сердцу древних вершин красота,
Ласкающих небо…

Осенний листопад

Танцуя танго, облетают листья:
Кружи́т несмело лето невпопад.
В ночной тиши нам будет зелень сниться,
А наяву — прощальный листопад.

Осенний день, он золотой и синий,
Прозрачен воздух, дышится легко,
Прощаясь, клин заплачет журавлиный…
Благослови его своей рукой!

Стыдливо разрумянились осины
От слов любви, что ветер нашептал,
И покраснели щёки у рябины,
Когда клён милый нежно приласкал.

А ветер-озорник в аллеях парка
Играет шлейфом золотых берёз.
Танцует лето на прощанье танго,
Роняя дождевые капли слёз…

* * *

Учителям-словесникам

Нагло из подворотен
Скалится «новый мир».
Русский язык истрёпан,
Матом протёрт до дыр.

С телеэкрана сыто
Лает цветной бомонд.
Ставнями души скрыты
За золотой замок.

С жутким рекламным воем
Жертв бесконечный крик.
Словно ведро помоев
Льётся родной язык.

Брань, непотребный хохот,
Шамканье новостей…
Пушкинской строчкой штопаю
Рваную речь детей.

* * *

За окошком снова лето гомонит.
Ветерок листвою в кронах шелестит.
Солнце знойное и жарит, и печёт.
Мы на пляж идём купаться без забот.

Вправо-влево: обнажённые тела.
На сосёнке пота капельки — смола.
Загорала с нами рядом целый день;
В водах озера свою купала тень.

Загорела как мулатка — вот дела!
Да на солнце кожу нежную сожгла.
Шелушится медно-рыжая кора.
Полечить сметаной облачной пора.

Бессмертный Ленинград

Блокады па́йка, и война,
и вой бомбёжек.
Заледенела тишина
морозом с кожи.

И малыши не гомонят,
лишь тянут руки.
И не выносит горький взгляд
голодной муки.

Насквозь все жилочки видать,
скелета кости.
Здесь стала часто гостевать
с косою гостья.

И в небо стайками летят
ребячьи души.
Сухие слёзы сронит мать:
Пусть… им там лучше…»

Бессмертный город Ленинград
завещан внукам.
На Невском пушки бьют набат
другим в науку.

…Я крошки хлеба со стола
сметаю в горстку,
Чтоб птичка — детская душа —
зимой не мёрзла.

* * *

Знать бы, откуда приходят стихи —
каждая строчка.
То они льются: свободны, легки
днём или ночью.

То застревают как в горле комок
и замирают.

Рвётся душа, словно пламень и лёд,
и выгорает.

Вызнать, откуда приходят стихи
непостижимо.
Вымолю, чтобы они не прошли
мимо.

* * *

Сонный день прилёг на крону липы,
Тучки, словно ворох одеял.
Ласковым котёнком замурлыкал,
И до зорьки утренней проспал.

Спрыгнул, потянулся, выгнул спину;
Стал сметану облаков лизать.
Коготком туманов паутину
Разорвал и выгнулся опять.

Разыгрался с солнечным клубочком,
Перепутал ниточки дождей.
Пробежал по радуге-мосточку;
Разогнал весёлых голубей.

К ночи сонный ласковый денёчек
Спать улегся в липовый гамак.
Баю-баю, спи, спокойной ночи! —
Еле слышно ветви шелестят.

Жалость

Ветры лихие берёзку раздели.
Плачет родимая: скоро метели.
В такт ей качаются сосны и ели:
— Как же тебе зимовать, в самом деле?
— Еле жива, ни румянца на теле.
Нет, не дотянешь до солнца, апреля.

А сердобольный паук нитки взял,
Тёплый платок-паутинку связал.

* * *

Помирать собрался, а рожь сей.
Русская нар. пословица

Время беременно
адовым семенем;
Судорог дикий вой.
Жди, разродится
Востока царица
Бременем зла — войной!

Корчится-ёжится,
стонет и молится,
Скоро наступит срок.

Каждый день прожитый,
кубиком сложенный,
Свой подводи итог.

Кубики Рубика,
доллары, рублики
Рады отдать сполна
Силы народные,
лишь бы в зародыше
Сгинула та война!

Время беременно
вновь бранным семенем?
Надо готовить нож?
В чёрное полюшко
белое зёрнышко —
Сеет крестьянин рожь!

Завтра и вчера

Лето: солнечные зайцы
В речке плещутся с утра.
Беззаботнейшее «завтра!»,
Вместо скучного «вчера».

С каждым днём — сильней и выше,
Прямо к солнышку тянусь.
Всё увижу, всё услышу,
Ничего я не боюсь!

Всё сумею, всё смогу я,
Всё, — что только захочу!
В лес, и в поле загляну я,
Муравья пощекочу.

Погадаю на ромашке,
Поиграю со щенком.
Есть не буду эту кашу,
Лучше плюшку с молоком.

Дней моих: «сегодня», «завтра»,
«Послезавтра» — всех не счесть.
Сяду осенью за парту —
Сосчитаю все, как есть…

…Детство кончится, — как жалко! —
Повзрослеет детвора.
Из безоблачного «завтра»
Выйдет грустное «вчера»…

Забытая луна

Надкусанной горбушкой виднеется луна.
Задумчиво старушка притихла у окна.
Глаза слезятся; слепо на улицу глядит,
Про молодость со вздохом с луною говорит:

Была кругла, румяна, как репка, хороша,
Под музыку баяна кружилась не спеша.
Теперь другие ритмы… Эх, кто их разберёт?..
Озябли ноги в пимах, и милый… не придёт…

Военная година… и вот, всю жизнь одна.
Вторая половина без первой не полна!
Перекрестясь, старушка задёрнет ткань окна.
…Постылою горбушкой забытая луна.

Обнимаю землю

Колокольчик лошади,
Запах пряной мяты.
Песни трав некошеных,
Босиком примятых.

Облака кудрявые
Прикорнули в роще.
В речке зорька алая
Рушники полощет.

Коромысло звёздное
Землю обхватило.
Льётся песня поздняя
С родниковой силой.

И пьяна от запахов,
Преклонив колени,
Я душой распахнутой
Обнимаю землю.

г. Снежинск

Рецензии. Отзывы

Виктор Ружин. «Дневниковые записи. Записные книжки. Рисунки и наброски»

Исповедь Дон Кихота

Писатель Виктор Ружин, живущий в посёлке Вахрушево, первым из копейчан-литераторов издал дневниковые записи, первым поделился своими мыслями, став автором 300-страничного труда, с 35-летней хронологией, год за годом, день за днём…

Его талантливые рисунки и наброски, опубликованные в книге «Дневниковые записи», тоже есть мысли, сотканные из психологии людей, встретившихся на жизненном пути.

Виктор Ружин издал дневниковые записи после написания талантливых прозаических книг «Распутица», «Жизнь без узора», «Тропа в никуда». Все они иллюстрированы автором, читаются с неослабевающим интересом, но напечатаны, к сожалению, малыми, в три—пять сотен, тиражами.

Виктор Ружин издал свои дневниковые записи сейчас и сегодня, поскольку «вчера» сделать это было невозможно. Не любят на Руси пророков, до недавней поры запретно было говорить правду. Ещё на памяти время, когда за крамольные мысли власть устраняла человека физически.

В предисловии к последней книге прозы «Тропа в никуда» уральский писатель Олег Павлов говорит: «В этой книге, как в предыдущих, со всех страниц кричит боль автора за родного для него Человека, растерзанного бездушной бюрократической машиной. В этом смысле Виктор Ружин напоминает современного Дон Кихота… Но — Дон Кихотам всех времён — слава!»

Что говорить, если творчество Ружина копейские школьницы рискнули рассмотреть сквозь призму «лишних людей» самого Фёдора Достоевского, он имеет «прививку» от «звёздной болезни». Его книги действительно повествуют о людях с растоптанными судьбами под железный каток немилосердной жизни. И тем они нам интересны.

Виктор Чигинцев

Глеб Горбовский

Фонарики

Когда качаются фонарики ночные
и темной улицей опасно вам ходить,
я из пивной иду,
я никого не жду,
я никого уже не в силах полюбить.

Мне дева ноги целовала, как шальная,
одна вдова со мной пропила отчий дом!
Ах, мой нахальный смех
всегда имел успех,
и моя юность пролетела кувырком!

Лежу на нарах, как король на именинах,
и пайку серого мечтаю получить.
Гляжу, как кот в окно,
теперь мне все равно!
Я раньше всех готов свой факел потушить.

Когда качаются фонарики ночные
и черный кот бежит по улице, как черт,
я из пивной иду,
я никого не жду,
я навсегда побил свой жизненный рекорд!

Вразрез

Барка жизни стала
на большой мели…
А. Блок

Вразрез волнам житейской непогоды,
вразрез теченью общему вещей, —
мы не властям, мы Господу в угоду
тянули лямку барки жизни всей!

В театре жизни знали мы не мозгом,
а знаньем сердца (покаянный труд) —
зачем пришли на шаткие подмостки,
куда уйдем, коль занавес дадут…

Во все века, исполненные желчи,
со дней Голгофы, мир людей — тюрьма.
То объявлялся Гоголь сумасшедшим,
то вся Россия — сдвинутой с ума.

Мы пели в хоре, рта не раскрывая.
Сверлили почву, сущему вразрез,
чтоб видеть свет сквозь тьму земного рая,
сквозь шар земной — благую синь небес!

Безглагольное

Россия. Вольница. Тюрьма.
Храм на бассейне. Вера в слово.
И нет могильного холма
у Гумилева.

Загадка. Горе от ума.
Тюрьма народов. Наций драма.
И нет могильного холма
у Мандельштама.

Терпенье. Длинная зима,
длинней, чем в возрожденье вера…
Но — нет могильного холма
и… у Гомера.

Век суеты короче стал,
догадка зреет в нас:
сбываются пророчества —
грядет расплаты час!

Жизнь выцвела, пока листал
ее ты, в жажде див —
не так, как Апокалипсис —
как пошлый детектив.

Не тонет уж тоска в вине.
Страх застит путь к звезде.
И светит лишь Раскаянье!
Хотя бы — на кресте.

г. С.-Петербург

Фестиваль частушек

Частушки об Урале

Людмила Владимирова

* * *

Мы частушек много знаем,
Вам споём о нашем крае.
Горный край — родной Урал,
Сам Бажов о нём писал.

* * *

Горы все, как бугорочки.
Здесь леса, в лесу цветочки,
Много ягод, есть грибки,
Полним ими кузовки.

* * *

А потом едим творенье:
Земляничное варенье,
Да из баночек грибочки —
И опята, и груздочки.

* * *

На озёрах гладь — водица,
Можем вдоволь мы напиться,
Или в плаванье ходить —
Карпов да ершей ловить.

* * *

Раньше как уральцы жили?
В лапоточках все ходили,
Девки — в ярких сарафанах,
И все веселы, румяны.

* * *

Как затопят русску печь —
Станут шанежки в ней печь,
Угли кочергой сгребают,
Щи ухватом вынимают.

* * *

Ах, красивая какая
Наша ложка расписная!
Постучали — инструмент,
И ею суп съедим в момент.

* * *

А с мороза, на печи
Спишь в тепле, ешь калачи.
Так дружок Емеля спал,
Пока щуку не поймал.

* * *

Тут в горах каменьев клад.
Есть алмазы, говорят,
Есть хрусталь и есть руда,
И рубины, и слюда.

* * *

Кто с Хозяйкой Медной дружит,
Тот в горах совсем не тужит,
Недра гор он раскрывает
И породу добывает.

* * *

Об Урале мы пропели.
Всё сказали, что хотели.
Вы ладошек не щадите,
Громко нас благодарите!

г. Снежинск

Владимир Иванов

Про дедушек и бабушек

Тимофей и Евдокия

Все лето я был в деревне. У бабушки с дедушкой. Дедушку звали Тимофей, а бабушку Евдокия. Они милые и добрые. Помню, однажды вечером дедушка пришел поддатый.

— Евдокеюшка, солнышко! Я сегодня в раю, мне хорошо, душа поет. Гармошку просит.

— Сегодня, Тимоша, в раю, а завтра с утра в аду будешь. Капустка всплывет.

— Завтра, — не унимается дедушка, — что будет, то и будет. А сегодня — в раю. Давай гармонь. Садись рядышком, песни любимые споем.

Растянул меха. Гармошка сначала заговорила ладами, а потом запела. Про рябину кудрявую, у которой белые цветы, а затем про другую — тонкую, которая склонила голову до самого тына. Спели про Ванюшу. Как он отвернулся и заплакал, раз Наташа не любит его.

А Наташа в ответ со слезами:

— Ваня, Ваня поверь, я твоя, — чисто выводила мелодию бабушка.

Потом зазвучала «Барыня», и бабушка подбоченясь прошлась по кругу. И я с ней попрыгал. А дедушка притоптывал ногой и весело наигрывал.

Наконец он, порадовав нас и душу, угомонился. Мы с бабулей уложили его за занавеску на деревянную кровать.

А утром…

— Евдокеюшка! Спаси, помоги! Дай огурчик солененький или рассол. В аду я. Тяжко. Зарекался же, что в рот хмельного не возьму. А вчера угостился медовухой. Да перебрал. Прости, солнышко! Подай побыстрее огурчик.

Не мытьем, так катаньем

Еще зимой дедушка посулил внуку велосипед. Наступила весна. Внук талдычит, не отстает. Купи да купи: «Ты же обещал»! По солнечному тротуару, с зеленой травкой по обочинам в широкополой соломенной шляпе с продуктовой авоськой потихоньку идет сутуловатый дед, слегка прихрамывая. Следом за ним, свесив русую голову, словно обиженный, семенит внук.

— Дедушка! У тебя бабки остались?

— Зачем тебе?

— Гоночку куплю, или велик игрушечный. Трехколесник.

Дед останавливается. Поворачивается назад. Из тощего кошелька, в сложенную из ладошек пригоршню, высыпает мелочь. Разворачивается и идет дальше. Через мгновение слышит, как монеты звенят по бетонке.

— Ты зачем это сделал? Мама с папой горбатятся за денежки. Я тоже за них медаль «сутулого» заработал, а ты — на ветер.

— Я же, дедушка, через левое плечо, не глядя, — оправдывается внук. — Кто-то найдет и обрадуется. «Делай добро, и оно вернется», — говорит мама. Вот я и бросил. Теперь радость ко мне вернется, ото всех кто найдет.

— Конечно, вернется, — соглашается дед. — На будущую осень, годов через восемь. Или быстрей. После дождичка в четверг. Держи карман шире. Ты что — обиделся, что велик не купил? У меня денежек не хватило. Подорожали к лету. Сейчас сходим домой. Возьмем из гробовых и купим настоящий, подростковый. Я же не Обещалкин.

— Ура, ура! — закричал обрадованный внук и, задрав голову, побежал вприпрыжку впереди деда.

пос. Новогорный

Виктор Ружин

Сталинизм без маски

Советская сталинская система — это было закамуфлированное рабство.

Система порабощения души, порабощения воли обрамлялась принудительным рабским трудом. Во имя светлого будущего гибли в чёрном настоящем. Страх сковывал волю, ложь отравляла и уродовала сознание. В умах господствовала искажённая реальность как результат извращённой действительности.

Сталинская система создавала послушных роботов, исполнителей его маниакальных причуд и построение по его подобию вымышленного жизнеустройства, от которой мы всё ещё освободится не можем. Мраком фальши затягивалось всё, от малого до великого. Чистота чувств и души осмеивалась и изгонялась хамством и невежеством. Отчуждалось как ненужное и лишнее. Историческая и настоящая правда закапывалась и подменялась грубой подтасовкой, обслуживая лживую власть. Создавался слепок придуманной жизни, нужный системе. По образу и подобию комиков-шутов подгонялось всё. А что не вписывалось в балаган лицемерия и циничности — уничтожалось. Миллионы людей губились ради фарса — коммунизма. Шло мнимое строительство промышленности на устаревших заимствованных у западного капитала технологиях. А продукция с построенных заводов спросом в мире не пользовалась из-за примитивности. Головокружительно вихрилась торопливая возня, чтобы выпятится, показать миру превосходство режима. Всё делалось для показухи, где желаемое выдавалось за очевидное и было выше здравого смысла, маскировалось под правду, под истину. Прихоть высшего лица было законом для подчинённых, и обязательно исполнялась тут же, немедленно без осмысления, беспрекословно, лишь бы угодить. Лакейство приветствовалось и награждалось в виде барской подачки. Чтобы рабы были довольны и восхищались властителем.

Что такое Сталин? Бутафория? Невзрачный незаметный, обиженный судьбой человек решил обставить себя большой важностью? Придать вид нужности и необходимости его человечеству? Что он главный вершитель их судеб? Возможно. А тут тем более подвернулись сложившиеся обстоятельства и как не воспользоваться смутой и шаткостью. И воспользовался. А время, оно благосклонно и всё равно занесёт этого ненужного на пьедестал. Но для крепости себя и власти, надо построить жёсткую пирамиду чинов, а на пике её будет сидеть он — великий. И пирамида построена, а он увенчан венком славы и взгроможден на пьедестал.

Кто он, Сталин-Джугашвили? Хозяин-душегуб, отец народов, любимиц детей или разбойник, деспот-палач? И тот, и другой, и никакой целостности. Разброс и размытость. Прятанье и скрывание своего прошлого за причёсанный образ величия. Истины нет. Для одних он — великий и гений. Умница и мудрый генералиссимус, а для других маленький, невзрачный, тщедушный и трусливый, больной параноик и уродец с усохшей рукой и со сросшимися пальцами на ноге — дьявол. То красавиц, пожиратель женских сердец, то рябой с изрытым оспинами лицом. Так где же он, настоящий товарищ Сталин? А нет его. Он придуманный. А товарищ Джугашвили совсем другой и в сторонке за всем этим наблюдает и посмеивается. Он выгораживается Россией, её талантами, правда, многих уничтожал, но кое-кого миловал, чтобы затенить своё людоедство. Ему выгодно поиграть в сердобольство, выглядеть другом незаурядной способности, обожателем умов и показать свою близость к большому творчеству, что он их тонкий знаток и ценитель. У него вся сила страсти брошена на перекрашивание себя. Ему претит серая краска посредственности, хочется ему яркой краски гениального генералиссимуса. И он вырядился в него. Но такой генералиссимус, не имеющий военного образования, не обладающий теорией военного искусства, без опыта ведения военных операций. Но зато у этого самозваного генералиссимуса есть опыт разбоя и убийств безоружных людей. Да, его можно понять. Ему хочется быть земным богом. Но, только, слишком большой шлейф тёмных дел за ним тянется. А с таким хвостом, хвостом дьявола в боги не пройти. Но он умел краситься, обладал талантом хамелеона и артистически становился в позу скромника, очаровывая простодушную массу. Это чудовище хорошо улавливало, чем можно взять простофилю. И брал. Брал заманкой коммунизма.

Он хитрец и использует цинично шараханье и разброд людских мнений в свою пользу. В пользу всласть владеть людьми и мифами. Чем больше неясности, тем лучше.

Для Джугашвили расхлябанность и неустойчивость жизни спасение, это его кредо. В этой зыби он чувствует себя уверенно. В зыби страны, в зыби мира он плавает как рыба в воде. Зыбь его среда обитания. Паразитируя на строительстве коммунизма, он утверждается политическим лидером, ножом проходит наверх через это рыхлое скопище мнений и понятий и, укрепившись, торжествует во власти. А он наверняка же знал, что в головах девяносто процентной крестьянской России сидит Бог и царь и напрочь отсутствует сознание в понятии и убеждение в идею коммунизма. Но он всё-таки умышленно идёт на тяжкое преступление. А если не знал, то тем паче, это невежественная авантюра — более тяжкое преступление. В результате, которой построена бутафорная партия и с помпой вершится бутафорное строительство коммунизма.

Расхлябанность и неразбериха в обществе его возвеличивает, это его ступеньки, по которым он взбирается и осматривается, набирая силу. Чем больше горя в людской толпе, тем больше в цене он. Главное, обещай народу светлое будущее коммунизма, и ты всегда будешь наверху, и при славе, и нужным людским муравьям. А вдруг повезёт, то попутно и всем миром овладеть можно будет, и по верховодишь вдоволь. Заткнёшь и переплюнешь всех соперников. Здесь и Гитлер ему пригодился, и он немедля вначале прихватил его в дружки, с которым Европу делили. Но показалось мало и, схватившись в ссоре, стали кромсать мир, не в силах укротить аппетиты. В состязании, кто кого перехитрит, в делёжке за власть, владеть миром, соперники увлечённо упивались бойней. И в этой бульдожьей схватке топили в крови многие народы.

Часто можно слышать: «Сталин войну выиграл». А давайте-ка внимательно посмотрим. Германия потеряла в войне девять миллионов человек, СССР около тридцати миллионов человек. В три раза больше. После окончания горячей войны СССР получила холодную войну и блок НАТО державший в тисках Варшавский договор, чтобы сдох. Что и случилось. Германия после войны быстро восстановилась и живёт не чета нам. Мы можем об этом только мечтать и завидовать. Побеждённые живут намного лучше победителей. Звучат голоса: «Сталин разбил фашизм». Народ разбил фашизм. Сталин только народом прикрывался, не щадя бросал его в пекло, оберегая свою особу и покой. Так как ему ничего не оставалось делать, как спасаться. О народе он не думал, думал о себе. Народ для него материал, и бросал он его, что хворост в огонь. А после придумал «гениальных десять Сталинских ударов». Можно и вспомнить, как вначале он с своим дружком, фашистом Гитлером, дружбу водил, сотрудничал с ним и поддерживал, обмениваясь опытом. Он Гитлера ещё в двадцатых годах приметил и всячески способствовал приходу к власти в Германии.

Верх — это его цель. Низом он брезгует. Низ, эта чернь, для него опасна, она его сожрёт. Да, возвращаться ему в чернь, откуда явился — равно гибели. Раз заскочил наверх власти, то там его и спасение, там и быть ему суждено до кончины. И лучше качаться в гамаке наверху, там вошь его не достанет и не заест, и лавры, и слава тебе обеспечены. А людишки — это мелкая тварь, пускай зубоскалит и злословит, задыхаясь злопыхательством.

Ему, конечно, не мешает, когда простаки носятся с его величием. Но ему всё равно нужно быть подальше и повыше от этой рваческой публики. Чёрт их знает, что они завтра удумают. Лучше для безопасности оградиться от людского червя, отделиться частоколом охраны, спрятавшись во власти, ведь потоптал он их достаточно много.

Бродяга-скиталец — шарлатан Джугашвили — прочистил себе дорогу почивать на лаврах на верху и ни с кем не хочет с нею делиться. В этой удобной келейке лежать, отдыхая и наслаждаться верховной властью, властью повелителя ему одному уютней. Этот разбойник мечту свою осуществил. Не зря он зубами и когтями пробивался к цели, пробивался обмануть наивно-дурашливое человечество, покорить их и положить к своим ногам. Пускай лижут его и от счастья млеют, пьянея в преданности.

«Этим шельмам не вкусить вкуса прелести пребывания в миру и не объять объятого. Пропущу-ка я их через дым крови испить муки ада, чтоб в страхе трепетали и, опустошённые костьми ложились. Подданством сожму, глядишь, в покорности совьются и вольничать не будут».

Грозный отец народов, чтобы страна не разбаловалась, постоянно подкидывал ей вредителей и шпионов. (Они, конечно, были, но не в таких масштабах и количествах.) А ему нужно было врагов много, дабы держать народ в напряжении и отвлечь от настоящего вредителя, которым являлся сам товарищ Сталин. Он осуществил мечту ястребов запада ослабить Россию.

У Джугашвили есть повод мстить человечеству, покрыть их злостью, за ущемление и нелюбовь к нему. Он жил чёрным монахом в заточении. В заточении от мира, от судьбы, от жизни и поглядывал на всё совой в ночи. Его гложет, что он не смог реализоваться творческой личностью, не выразился, не высказался и не слышат его окружающие бездари. Над ним висел рок, в который он загнал себя сам. Он отомстит и вычистит карой недосягаемого коммунизма и натугой в поясе согнёт. Он знает, что в жизни этой — утроба властью обломает, голосом трубным оглушит, дерьмом все отдушины забьёт и на лопатки смысл положит, она самая всесильная и всемогущая.

«Добрый отец нардов» ведёт грозную войну с народом, гнёт его в свою дуду. Ему не нужен народ упрямый и упорный, он мешает его стратегическим планам, путает карты, вставляет подножки. Ему нужен народ податливый, чтоб плясал под его дуду. И на кон авантюры коммунизма были брошены человеческие жизни, и эта игра в одураченья коммунизмом шла семьдесят лет. Только в конце двадцатого века краплёная кровью карта стала бита. В этой игре в дурочка проиграли все. Проиграл народ, проиграл сталинизм. В этой игре ада сгорели миллионы жизней, миллионы судеб, миллионы душ. В этой адской игре горела Россия. Она была отброшена на сотни лет в развитии. Орда сталинистов глумилась над Россией. Выкорчёвывалось честь и достоинство человека. Топталась историческая память и подсовывался суррогат коммунизма, суррогат счастья. В этом дыму пьянел разум, туманилась ясность. В пелене дыма торжествовала смерть. Этой кашей брожения пользовались жулики и ловкачи. Они наживались на горе, паразитируя на разброде ума, наживая себе политический капитал, капитал чёрной магии.

Цель и смысл жизни подменялся бредовой целью строительством «светлого будущего», целью непонимания, какого будущего. Размывалось четкость и ясность, что строим, куда идём. В итоге пришли к разбитому корыту. Кормушка в дребезги разлетелась, обнажив пустое место. И всё и вся остались ни с чем, один на один с разочарованием и растерянностью, без веры. без взгляда. Вера заменилась ни чем, взгляд ушёл ни во что.

Остался только вопрос. Смысл и осмысление выжгло опустошение. А что явится на смену, ясность сознания и возрождение или исчезновение России?

Да, Джугашвили великий. Великий интриган, великий лжец, великий плут, великий подлец, великий палач, великий преступник.

А Сталин — это маска, за которой прятался Джугашвили.

г. Копейск

Александр Квятковский

Поэтический словарь

ВЕРЛИ́БР (франц. vers libre — свободный стих) — термин западной поэтики, под которым с начала 20 в. в русской поэтике разумеется ряд своеобразных формаций стиха, отличающихся от равносложного силлабического и равносложного силлаботонического стиха. Первоначально верлибром, или свободным стихом, в России назывались переведенные на русский язык стихи французских поэтов-символистов и главным образом стихи бельгийца Эмиля Верхарна — метрические, но неравностопные, как, например, рифмованный трехдольный верлибр с подвижной анакрузой:

Улица быстрым потоком шагов,
Плеч, и рук, и голов
Катится, в яростном шуме,
К мигу безумий,
Но вместе —
К свершеньям, к надеждам и к мести!..
(«Восстание», пер. В. Брюсова)

Однако в практике русских поэтов такие стихи появлялись задолго до символистов, например разностопный трехдольник вне тактометрического периода с подвижной анакрузой, без рифм, у А. Фета:

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я…
Чаще всего мне приятно скользить по заливу, —
Так, — забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, —
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы…

Все формы верлибра распадаются на две категории: метрический верлибр и дисметрический верлибр. У русских поэтов обозначилась явная тенденция к трехдольному метрическому верлибру. Такие верлибры писали А. Фет, А. К. Толстой, К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок, М. Волошин, И. Бунин, М. Кузмин, А. Белый и др. Интересно, что М. Лермонтов первым написал стихи в форме трехдольного верлибра, вне периода: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, к небу меня приучали, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе…». Этот отрывок легко обратить в стихотворные строки:

Синие горы Кавказа,
приветствую вас!
вы взлелеяли детство мое;
вы носили меня на своих одичалых хребтах,
облаками меня одевали,
к небу меня приучали,
и я с той поры все мечтаю об вас да о небе…

В такой же форме трехдольного бесперiодного верлибра написан роман А. Белого «Маски», который, по признанию автора, является поэмой в стихах и напечатан прозой лишь в целях экономии бумаги. Вот начало второй главы романа А. Белого:

Ах, как пышнели салоны московские, где бледно-желтые, но губоцветные дамы являлись взбелененными, как никогда, обвисая волнением кружев, в наколках сверкающих, или цветясь горицветными шляпами; и как шампанское пенилась речь «либеральных» военных сквозь залп постановочный из батареи Таирова: яркой Петрушкой; в партерах сидели военные эти, ведомые в бой Зоей Стрюти, артисткою (Ольгою Юльевной Живолгой).

Гораздо шире по количеству произведений область разнообразного дисметрического верлибра. Поэма «Слово о полку Игореве» — это классический пример русской полиметрии и свободного стиха. Некоторые произведения ранней виршевой поэзии, приближающиеся к форме равностопия силлабистов, многие русские былины и лирические стихопесни построены как свободные стихи, как верлибр. В русской поэзии сложились два основных вида дисметрического верлибра: интонационно-фразовый стих и ударник. И тот, и другой могут быть с рифмами и без рифм. Примеры фразовика без рифм:

Ходит спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота не крашены.
А и помолился б Спесь во церкви божией,
Да пол не метен!
Идет Спесь, видит — на небе радуга;
Повернулся Спесь во другую сторону;
Не пригоже-де мне нагибатися!
(А. К. Толстой)

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?
(А. Блок)

Фразовик с перекрестными рифмами:

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
Чуть войдешь в здание:
Отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания…
(В. Маяковский)

Фразовик народный, рифмы смежные (раёшный стих):

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Шел, сам не зная куда.

(А. Пушкин)

Примеры верлибра акцентного строя (ударники).

Трехударник без рифм:

Жил стари́к со свое́ю стару́хой
У са́мого си́него мо́ря;
Они жи́ли в ве́тхой земля́нке
Ровно три́дцать ле́т и три го́да…

(А. Пушкин)

Четырехударник без рифм:

Вече́рний су́мрак над те́плым мо́рем,
Огни́ маяко́в на потемне́вшем не́бе,
За́пах вербе́ны при конце́ пи́ра,
Све́жее у́тро после до́лгих бде́ний,
Прогу́лка в алле́ях весе́ннего са́да,
Кри́ки и сме́х купа́ющихся же́нщин…

(М. Кузмин)

Примеры рифмованных равноударников можно найти во многих стихотворениях В. Маяковского, а также в поэме «Владимир Ильич Ленин», написанной полиметрией с чередованием ямбических и хореических размеров, паузных трехдольников и равноударников. Вот отрывок из этой поэмы, строго выдержанный верлибр — четырехударник с перекрестными рифмами:

…И когда
осталось
на баррикады выйти,
день
наметив
в ряду недель,
Ленин
сам
явился в Питер:
— Товарищи,
довольно тянуть канитель! —
Гнет капитала,
голод-уродина,
войн бандитизм,
интервенция во́рья,
будет! —
покажутся
не более родинок
на теле бабушки,
древней истории.

Нина Волкова

Будто я навсегда не с вами

* * *

Здесь знакомейшая из стихий,
Словно запах любимых духов.
Я впервые читаю стихи
Нечитающему стихов.

От беды или вновь на беду
Эта странность со мной стряслась:
Я сегодня опять иду
Отражаться во тьме твоих глаз.

А когда, как большая грусть,
Расставанье настигнет нас,
Я в зрачках твоих растворюсь
Редкой памятью в добрый час.

У тебя много добрых дел —
Завтра будешь спасать других,
Но сегодня, в последний день,
Отражайся в глазах моих.

* * *

Пристанищем моей души
Вы были столько лет.
И фрак на Вас так ладно сшит
И вовремя надет.

И юмор был блестящ и свеж,
Когда в хмельном бору
Наш первый вечер стоил свеч
У сосен на пиру.

Где серебром тончайшим ткал
Мне сети паучок,
И Вы, великолепный Карп,
Попались на крючок

Иллюзий наших. Имя рек
Иллюзиям: любить.
Но вот уж на исходе век,
Осталось дверь закрыть.

* * *

Заблудилась я в этом мытарстве
Телефонов, трамваев, стихов,
И забыла, что в сказочном царстве
Проживает моя любовь.

Далеко-далеко в тридевятом,
Где земли этот самый край.
Где еще не открыли атом.
Но когда-то открыли рай.

Где цветные обертки хранятся
Между рамами в тонкой пыли,
Где должно еще что-то остаться
От тех небылей или былин.

Посидеть бы, как впредь у камина,
Время — ниточки из клубков,
Не считая ужасно наивной
Эту давнюю милость — любовь.

Но все водят меня тротуары
В заколдованном сне иль в бреду,
И когда-то на домик твой старый
Я случайно опять набреду.

Через леса дремучего страхи
И напутствия Бабы-Яги,
Чтобы тоненько спицами звякать
И читать тебе эти стихи.

* * *

Заглянуть бы в ваше Болдино
Хоть глазочком, не в обузу.
Крылышко погладить — боже мой! —
Вашей музы.

Побродить по листьям, шепчущим
Ваше имя, строчки Ваши.
Выстроить по малым щелочкам
День вчерашний.

Дождик запятыми, точками.
Осень Вас не удержала.
И салонное отточено
Сплетен жало.

* * *

Как покачивание в электричке —
Это тихое листьев шуршание.
Растворяясь в осеннем сиянии,
Я услышала: Вы меня кличете.

Вас я знаю по малому хрусту.
Вы ходили за мной по-лисьи.
И в бреду апельсиновых листьев
Мы не встретились с вами просто.

Не горюйте, Вам только кажется,
Будто я навсегда не с вами.
Это я рядом нежным туманом,
Каждым вздохом и строчкой каждою.

* * *

Благодарю!
Ещё благословлю!
И пожелаю, как и раньше, счастья!
Чтоб ты и дальше не знавал напасти
Такой, как эта: я тебя люблю.

Благодарю
За сны и за цветы,
Обещанные среди зимней стужи.
Пускай ничем себя не обнаружу
Я в дивном городе твоей мечты.

Благодарю.
Прошу лишь, уходя:
Ты обо мне не помни слишком худо,
Не обвиняй за эту веру в чудо,
За то, что я люблю тебя, хотя

Не сделать мне больнее, чем теперь
Я мщу себе, выскальзывая в дверь.

* * *

День клонился к вечеру,
Солнце потихонечку
Колобком оранжевым
Скатывалось в лес.

Реактивный двигатель
Самолёта быстрого
Протянул верёвочку
Через небеса.

Чтобы тучку, мокрую
От слепого дождика,
Просушить до вечера,
Прицелив лучом.

Только ветер-баловень
Разорвал верёвочку,
Вместе с влажной тучкою
В небе разметал.

Ну а я в саду была,
Мне хотелось где-нибудь
Рифмы для стиха найти,
Только день ушёл.

Опустились сумерки,
Рифмы не увидеть в них.
Я решила: обойдусь,
Ведь на свете есть
Пёстрые малиновки,
Розовые запахи,
Командиры красные,
Белые стихи.

Вам

Мне нравится Вам нравиться,
Домой Вас провожать.
И этим Вашу нравственность
В своих руках держать.
Казаться то простушкою,
То девочкой больной,
То женщиной-игрушкою,
Чтоб утешаться мной.
Вдруг дерзостью представиться,
Презреньем Вас обдать,
И, перестав Вам нравиться,
Понравиться опять.
Вы опытнее, знатнее,
Но мне-то всё равно,
Ведь той, кого не знаете,
Вы поняты давно.
Я знаю, Вам не нравится,
Когда я зло шучу,
Иль о жене-красавице
От Вас узнать хочу.
Я знаю, Вам не нравится,
Когда на всех гляжу,
Пренебрегая нравами,
Вас под руку держу.
Я знаю, Вам не нравится,
Когда я не одна,
Когда не с Вами радуюсь,
А с Вами — холодна.
И всё-таки Вам нравится,
Что в этакой зиме
Мне нравится Вам нравиться
И нравитесь Вы мне.

* * *

До чего ж я хороша в бабье лето!
И напоена я им, и согрета.
Паутинка на мне солнечных нитей.
Обернитесь на меня, посмотрите!

Я вам радость принесу бабьим летом!
На мне блузка — кружевных листьев лепет…
Навеличивать я стану Вас, Витязь.
Посмотрите на меня, обернитесь.

* * *

А может, всё-таки придёт
К черёмухе пора невесты?
Проснись, забыв про гололёд,
Весна, с моей душою вместе!

Прими всю радость бытия
И улыбнись простому свету.
Сегодня поднимаю я
Бокал стихов за запах лета.

Пускай не ново на земле
Весны упрямое восстанье,
Но хочется проснуться мне
От первых листьев прорастанья.

Как надо сердцу моему
Промытых от печали окон!
А одиноко потому,
Что и тебе там одиноко.

* * *

Мой знакомый трамвай наизусть
Ходит в городе по кольцу.
Я как птица больная, боюсь
Улететь далеко — не кольцуй!

Занята: все бегу, спешу,
Ритму города подчинена,
Забываю, зажатая в шум,
Как за домом дымится луна!

Но ночами, стихи или сны, —
Я босая, бегу по росе.
И, бросаясь на гребень волны,
Не боюсь своих ребер рассечь.

Глажу тонкие пальцы ветвей
И, чернику целуя в глаза,
На колени встаю перед ней,
Не умея и слова сказать.

И на берег блаженно упав,
Вдруг я вижу, от счастья пьяна,
Как вальяжно идет среди трав
Хлебом пахнущая луна.

* * *

Как много протекло туда ночей,
Где март мучительно зима рожала.
Меня считал ты Золушкой. Ничьей
И я тебе ни в чем не возражала.

Ты приходил: Золотокудрая,
А право, у тебя здесь как-то мило!
И мне стихи читал, покуда я
Ожоги на душе твоей лечила.

Потом опять мне мир тоску ваял.
Ждала я принца ждущей ученицей.
О, как хотелось Золушке на бал!
Но не во что ей было нарядиться.

И как-то всё внезапно началось:
Метель подснежниками нашвыряла,
И ты мне их на бале преподнёс,
Когда стихи со сцены я читала.

Евгений, милый, сказка не нова,
Но я конец по-своему сыграю:
Сбегу, пока не кончен карнавал,
И туфелек, увы, не потеряю!

Пробуждение

Твоё проклятье надо мной вороном,
Царь бед моих, слуга своих бед.
А сердце бабье слабое, вот оно,
Руками протекает к тебе.

Опять на полуслове сон кончился.
Продли его хоть на один взгляд!
Но я не сплю.
И правда ль мне хочется,
Чтоб всё опять вернулось назад?

Когда любви твоей недостойна я,
Зачем слова? Уйди и оставь
Расколотой в отместку историю
На сны мои да на твою явь.

* * *

С новым нашим юбилеем!
Помните ль сие число?
Словно памяти елеем
Лес туманом обнесло.

Где, в небесной этой пене,
Моя тропка в Ваши сны?
Мне ли Ваш подснежник первый
Терпкой рюмочкой весны?

Много ль новых юбилеев?
Кто теперь причастен к ним?
Чудится, у кромки леса,
За одной сосной стоим.

Последняя ночь

Еще один высокий синий вечер.
Последний луч как смолкнувший хорал.
И нам, у сосен на дремучем вече,
Вручают право жизни до утра.

Из месяца — серебряного рога —
Стекают капли бывших полных лун,
И девственная синяя дорога
Упала в ноги каждому стволу.

Спешу и не умею насладиться
Гостеприимством мира, где твой дом
Торопится ступенями спуститься,
Лишь только мы к подъезду подойдем.

А в комнате твоей от лампы лунно,
Роняю звонко шпильки в тишине,
И сводит наши тени поцелуем
На отпечатанном в снегу окне.

И кажется: не кончится все это,
Но лица звезд, печальны и чисты,
Бледнеют от предчувствия рассвета,
И часто-часто тикают часы.

Надежда

Последняя сирень под утро отцвела,
Немыслимой надеждой потревожа.
И хочется мне верить, что похоже
Всё это на причуду ремесла

Простого счастья. И в обычном дне
Стихало вдруг ликующее пламя
Надежды, — меж привычными делами,
Хотя она жила уже во мне.

Еще пройдут по мне отточенным клинком
Все страхи. Злые, что не доглядели,
Возьмут в кольцо февральские метели…
Но нынче так всё просто и легко.

Здравствуй!

Наша разлука кончилась. Здравствуй!
Слышишь, по крышам смеётся солнце.
Видишь, как я по-весеннему счастлива.
Ветер вприпрыжку за листьями гонится.

Гипнозом улыбки твоей как булавкой
(Бедная бабочка!) К двери приколота!
Не скрыться — везде твоих глаз облава.
Не вскрикнуть — твоим поперхнулась
голосом.

Сердце дрожит — на цепочке подвеска.
Вот-вот оборвётся — к ногам твоим рухнут,
Рухнут 100 звёзд моего сердца.
Здравствуй! Скорей протяни мне руку!

Если подсказано мне целым миром
Слово — растущая в горле миндалина,
Я задохнусь, но не выдохну «Милый!» —
Слишком святое и слишком банальное!

Руки твои как две белые птицы
На плечи мои тяжело садятся.
Глаза твои — дай сосчитаю ресницы!
Губы твои — задыхаюсь… Здравствуй!

* * *

С. Ш.

Когда дымилась, как воронка,
Луна в предчувствии грозы,
Полураздетую девчонку
Ты на ветру изобразил.

Скрипело дерево под ветром,
Корявое, с сучками.
И было холодно, наверно,
Ей с голыми руками.

Мир стонуще синел и стыл.
И ветер жёг и жалил.
Зачем её придумал ты
И так одну оставил?

Спасти хотела я всерьёз
Заломленные руки,
Волну растрёпанных волос
В отчаянье разлуки.

Потом внезапно поняла,
Что тут прекрасна смелость.
Она б иначе не смогла.
Ей одного хотелось:

Пить свежий ветер допьяна,
Провозглашённый в пене.
И это вовсе не она,
А просто вдохновенье.

Эскиз бунтующей души
Иль памяти вчерашней.
И всё-таки тебе, скажи,
Не жалко и не страшно?

г. Челябинск

Евгений Федяков

Внушительный

В первой половине августа 1955 года я сдал экзамены на все пятерки и получил свидетельство, что окончил школу мотористов флота 26-го электромеханического учебного отряда ТОФ по специальности электрика флота и выпущен ПО ПЕРВОМУ разряду. Не скрою, боялся, что из-за конфликта с замполитом отряда, меня загонят на Чукотку, но всё обошлось. Получил направление на эскадренный миноносец «Внушительный» в бригаде учебных кораблей. В бригаде тогда состояло: два эсминца: «Внушительный» и «Выносливый», сторожевой корабль «Буревестник», два тральщика американского производства и штабной корабль «Енисей» — товарно-транспортное судно (японский трофей). На него попал Коля Карпов. Бригада была учебной базой для высшего военного-морского училища им. Макарова, практикой для курсантов, и отслуживших матросов (баталеров, торпедистов, минеров), призванных для переподготовки. В августе таких на корабле было человек двадцать (звали их «партизанами»). Я нашел в этой группе земляка-челябинца. Он демобилизовался в 1950 году. Корабельный экипаж — 300 человек, а практикантов с курсантами, наверное, сто. В кубриках тесно. Но электриков, трюмных машинистов это не касалось, БЧ-5 для переподготовки не призывали.

Эсминец стоял на открытом рейде Владивостока. Катер подвалил к левому борту. Я поднялся по трапу на палубу, и старшина второй статьи, поздоровавшись, повел меня в кубрик, самый последний на корме (шестой). Он представился — командир отделения сильного тока Резванов, над ним командир всей команды, включая слаботочников и мотористов, старшина первой статьи Гридин и лейтенант Поповкин. Спускаясь по вертикальному трапу в кубрик, Резванов предупредил — по трапу только передом, а иначе трюмачи (люк на их стороне) подставят мокрую швабру и замарают штаны. На корабле матросы носят белую робу из грубой ткани, похожей на брезент. Утром, на построении «подьём флага», офицеры проверяют чистоту формы. Поэтому матросы электромеханической части (БЧ-5) — машинисты, кочегары, мотористы, электрики, по роду профессии, почти каждый вечер занимаются стиркой. Забегу вперед, расскажу процесс стирки. В матроской душевой, маленькой и узкой, на полу мореман, стоя на коленках, щеткой отстирает робу, у него на спине мылит тельняшку другой. Потом меняются.

Резванов рассказал, что в кубрике по правому борту живут трюмные машинисты и химик, по левому наша команда. По продольной оси кубрика стояли генераторы и электродвигатели рулей, над ними кожух — переход на половину электриков. Всё производило впечатление, как будь-то находился в кузове экскаватора. У задней переборки и у борта сделаны рундуки, на них спальные места (мечта моряка), выше второй ярус на ночь коек откидывались, но обычно днем пристегивались к переборке. Вечером под шутки и помощь всего кубрика, я собирал, так называемый, «параван». Трехъярусная койка из стальных трубок, талрепов и брезента крепиться между подволоком и палубой. Пробковый матрац, он же спасательный жилет, подушка и простыни — вся постель. Я спал внизу на третьем ярусе, в десяти сантиметрах от палубы. В кубрике жарко, душно. Снял тельняшку и, по примеру других, лёг в трусах. Утром выполз из моей ниши, и ребята захохотали. По всему телу от матраца встал мозаичным. Пробка жесткая.

Перед обедом, кроме того, кто на вахте, собрались «электрики», задавали мне вопросы, рассказывали сами. Подошел обед, с подволока сняли и установили стол. Дневальный принёс большую кастрюлю с борщом, а я со сноровкой помощника машиниста экскаватора выскочил по вертикальному трапу на палубу, на свежий воздух. Корабль покачивало, меня подташнивало, но терпеть было можно. Запах пищи усилил мою тошноту, и весь обед я был на юте. К вечеру снялись с якоря и встали у стенки 33 причала. Голодовка помогла, и вечером я ел и чай пил. Морская болезнь больше меня не мучила до конца службы в любую зыбь и любой шторм. Питание на корабле организовано четко: утром завтрак — чай, белый хлеб, сахар и сливочное масло, обед — борщ, макароны, компот, ужин — суп, второе, чай без сахара, в девять часов — чай с сахаром. Хлеб не ограничен. Солёная рыба тоже. На спардеке стояли бочки с кетой и селедкой. Это сверх нормы доставал капитан-лейтенант интендантской службы армянин у рыбаков траулыциков в обмен на пустую тару. Он неоднократно обращался к команде с требованием: «Очистить бочку до дна, а тогда распечатывать новую. Некоторые «мореманы» леняться нагибаться». На походе команду кормят через

четыре часа при смене вахты. Командир корабля «снимает пробу». Раз на моей памяти задержался обед на два часа — котел с «первым» опрокинули за борт. Командиру не понравился. Офицеры питались из одного котла с командой в кают-компании под главенством старпома капитан-лейтенанта Абрамова. По старой флотской традиции командир корабля капитан третьего ранга Осмаков трапезничал в своей каюте. Офицеры сбрасывались и держали буфет, в котором не было алкоголя. Вода, печенье, конфеты. Гарсоны и буфетчик из боцманской команды, чаще всего «западники».

Началась моя корабельная жизнь. Меня поставили по боевому расписанию во 2-е машинное отделения у ГРЩ (главный распределительный щит) и в заведывании турбогенератор постоянного тока 150 кВт. Должен не допускать искрения щеток, во время чистить коллектор салфеткой с авиационным бензином, на щите переключать нагрузку. На надстройке по правому борту старшина комендоров открыл металлический шкаф, в котором в несколько ярусов выстроились автоматы Калашникова в смазке. Мне записали номер моего автомата в боевую книжку, которую носят в нагрудном кармане робы, и я больше не видел своего личного оружия. В первом машинном отделении находились дублирующий ГРЩ и такой-же, как во втором машинным отделением, турбогенератор. Главная задача паровыми турбинами вращать винты и двигать корабль. Для производства пара были четыре котельных отделения. В целях живучести расположение в порядке: два котла, потом первое машинное отделение, потом снова два котла и второе машинное отделение. Мощность на ходу 54 тысячи л. с. Крейсерская скорость «Внушительного» — 36 узлов. Были резервные два дизель-генератора по 50 кВт.

Корабль был на постоянном токе, электротехника американская. Строили его на заводе № 199 в Комсомольском-на-Амуре во время войны и получали материалы по ленд-лизу. С практикантами ходили по Охотскому и Японскому морю, посещали Сахалин, Петропавловск на Камчатке, бухты Ольга, Владимир, Посьет. Зимой отстаивали в Советской гавани. На спардеке вывешили карту с прокладкой маршрута. Так любой матрос знал, где находиться корабль. Когда шли в Корсаков на Сахалине днём заметили на спокойном море ныряющий предмет, похожий на торпеду. Встали в дрейф, спустили шлюпку с торпедистами. Они прибуксировали запасной бак для горючего американского самолета «Фантом». Они часто летали над нашими водами и часто в газетах сообщали: «После встречи с истребителями самолет ушел в сторону моря». Бак от удара о воду получил сквозную пробоину. Два слоя дюраля, между ними поролон, новинка для нас. А поролон хорошо чистит суконные матросские штаны при глажении. И через три дня от бака осталось гнутые листы дюраля.

В октябре, освободившись от курсантов, мы вошли в док на заводе Владивостока. Когда устанавливали корабль на кильблоки, Гридин поставил меня на шпиль, и я контроллером натягивал швартовы. Правда, он был рядом. Док был громадный — кроме нас, поставили подводную лодку и тральщик. Впоследствии я ходил для знакомства с лодкой и радовался, что служил на эсминце. Ниже ватерлинии корпус корабля оброс ракушкой слоем пятнадцать миллиметров и всем матросам экипажа дали по шпации (промежуток между шпангоутами — 50 см). Задание такое — очистить корабельный корпус от ракушки скребком, металлической щеткой, протереть скипидаром и потом боцманской команде покрасить. Работа не трудная, но пыльная.

По субботам, после большой приборки, и в воскресение я ходил во Владивосток в увольнение. Смотрел кино, особенно тогда гнали французское с Жераром Филиппом, зашел в музей Арсеньева, гулял в матросском парке. В ноябре в субботу после обеда, с приятелем кочегаром (машинистом котельной) Егоровым пошли в увольнительную, выпили пол-литра водки на двоих и расстались. Я не был пьян, по крайней мере, в ту пору, чтобы напиться, надо употребить не меньше бутылки. Иду по Светланинской, самой красивой улице Владивостока, погода хорошая, настроение бодрое. Навстречу идёт в моряцкой форме — черной шинели, но с белыми погонами, майор. За ним флотский патруль. У нас, «истинных моряков», негласное правило — козырять, только начиная с флотского капитана третьего ранга, а пехоте совсем не козырять. Я по глупости не козырнул майору и старательно приветствовал патруль. Следом получил оклик:

— Матрос, подойдите ко мне! Вы, почему не отдаете честь старшему по званию? Я видел, что вы козырнул патрулю. Вы повязке козырнули, а мне майору не отдали честь. Мичман, проверь документы у матроса.

Старший патруля проверил мою увольнительную и унюхал запах плохой водки:

— А он пьян, товарищ майор!

— Ну, тогда арестуйте.

И меня «повели». За углом в переулке стояла бортовая машина и в кузове сидели четверо матросов и старшин, нарушителей дисциплины. Мне разъяснили, что я нарвался на начальника комендатуры и в результате этого рейда выводы самые неопределенные. Ещё попался один матрос, и поехали в комендатуру. К вечеру наша армия выросла до трех десятков нарушителей. Сначала во дворе поставили нетрезвого старшину первой статьи, и мы ходили по кругу, старательно отдавая ему честь, а потом дали лопаты и метлы. Пришлось убирать привокзальную площадь. Часов в восемь отдали документы и выпустили на свободу. В увольнительной стоял штамп «Задержан комендатурой в пьяном виде». На корабль еще рано — пошел в кино. Дежурил по кораблю командир БЧ-2 старший лейтенант (забыл имя). Он на юте у сходен, принимал рапорты вернувшихся из увольнения. Я доложил ему, что был задержан комендатурой и отдал ему бумагу со штампом. Старший лейтенант положил в стопку увольнительных и отпустил меня. В старшинском кубрике я разбудил Гридина (время было полночь), рассказал ему о своих похождениях и странное поведение командира БЧ-2. Старшина оделся и поднялся на палубу. Через двадцать минут он спустился в наш кубрик.

— Можешь спать спокойно, Женя! БЧ-2 не станет раздувать эту историю, а во время отчета мы будем уже в Совгавани.

Этот эпизод прошёл без всяких для меня последствий, кроме ощущения солидарности и братства. На зиму наша бригада освободила место у стенки во Владивостоке и пошла в Советскую Гавань. Декабрьское море штормило, а тут ещё «Выносливый» допустил аварию. Трюмные машинисты ошибочно пустили забортную воду на питание и засолили котлы. «Выносливый» на четырнадцать часов потерял ход. Пришлось его брать за «ноздрю» и буксировать. Опозорились.

В большой бухте Советская Гавань наша стоянка была в северной части у поселка Ильича. Пришвартовались к пирсу лагом и вмерзли на целую зиму. В поселке были магазины, не торгующие алкоголем, матросский клуб и парк. Население военное: кроме моряков, размещались подразделения авиаторов и танкистов. Перед Новым годом пришли морозы. В какой-то части замерз в увольнение солдат. Увольнительные у нас начали давать парные — одну на двоих. 31 декабря нам с Егоровым выписали такую бумагу и пошли в поселок. В клубе в фойе стояла нарядная елка и вокруг неё танцевали офицеры с женами, несколько пар «матрос с матросом танцует матрос». Девчат и женщин явно не хватало. Мы постояли у стенки, выяснили, что водку не достать. Раньше, кому надо было ему, ездили на автобусе на Сортировку и Ванино, где торговали водкой, а на праздник усилили посты и не проехать, не пройти (увольнительные на эти районы не распространяется). Решили мы с Егоровым вернуться на корабль к ребятам и посмотреть кино, отметить Новый Год какао. Шли по улице поселка мимо маленьких, собранных из разного материала, низких домиков. И из такого дома услышали песню:

— Шуми, Амур, шуми, родимый батюшка…

Песню пели несколько голосов. Егоров предложил зайти и выпросить, продать водки. «За спрос не бьют» — добавил он. Мы постучали, песня замолкла и дверь открылась. Молодой мужик с окладистой бородой выслушал нас и пригласил в дом, раздел и объявил одному, такому же молодцу и двум женщинам:

— Просят продать водку. Я не продам, а за стол усажу, пусть ребята с нами встретят Новый год.

Мы познакомились. Хозяина звали Алексеем. Фамилию я никогда не знал и не старался узнать. Часть населения Приморья не любят рассказывать свою биографию, в которой обязательно встретится лагерь, тюрьма. В 1953 году амнистировали уголовников, некоторым не дали паспорта, поселили в поселках на море. По рассказам старослужащих во вторую половину 1953 года в Совгавань пригнали эшелон с женщинами. Где их набрали — неизвестно. Говорят, освобождали Москву от проституток. Они жили в теплушках на Сортировке. Ещё картина — корабли утром уходят в море, а на берегу, на песочке ветер ворочает газеты.

Мы с Егоровым встретили Новый год с хозяевами и их соседями выпивкой и пельменями. Прощаясь с новыми знакомыми, я просил Алексея купить нам водки к следующему увольнению и оставил ему деньги. В будущем наш союз окреп и развивался. Уже весной я привел к Алексею Васю Грахова, который служил на эсминце типа «7», базе подводных лодок, а тот привел коркинца, дизелиста с лодки Николая Байяшева. У Алексея был огород, и летом иногда закусывали зелёным луком и огурчиками с грядки. В Советской Гава-

ни вообще-то была вечная мерзлота. Кто побывал на гауптвахте в Сортировке, замерзал летом.

В январе 1956 года, отбарабанив пять лет, демобилизовавшись, ушли под музыку наши электрики Воробьев и Мазница. Такая традиция — только отслужившие ступили на сходни, радиометристы включали громкоговорящую связь с пластинкой «Прощание славянки». На стоянке всегда знаешь, с какого корабля матрос идёт домой. Сокращенный срок с офицерским званием перестали практиковать. Выходит, мне служить ещё три с половиной года. А жизнь матросская идёт по волнам — подымится на гребень и спадет в бездну. С начала моего появления на корабле старшина первой статьи Гридин не говорил, а менял боевые посты, которые я обслуживал. К новому году я неплохо знал электросхему корабля. Поговаривали, что он готовит себе замену. Во Владивостоке у него была подруга, на которой он хотел жениться. Она работала научным сотрудником в Дальневосточном отделении Академии наук. Участвовала в экспедиции на гидрографическом судне «Витязь», и Гридин надеялся, устроится электриком на этот завидный, белоснежный, изящный, не меньше эсминца, корабль. По его словам, «Витязь» каждый год ходит в экспедиции в Тихом океане. Я загорелся и когда демобилизуюсь, то приду наниматься к нему. Но до гражданской жизни ещё далеко. Со старшиной второй статьи Резвановым отношения складывались неровно. Он кончил два курса художественного училища, неплохо рисовал и с ним интересно можно поговорить, но обидчивый и вспыльчивый. Так из-за мелочи по ремонту какой-то ерунды, я резко возразил ему. Возник спор, дошли до мата. Резванов подытожил эту ругань внеочередным нарядом в котлы. Зимой работал только вспомогательный котёл для обогрева корабля. Основные котлы остановлены и были причиной неприятных нарядов для матросов БЧ-5. Надо залезть в котёл и лёжа чистить от сажи дымогарные трубки. После работы в котле стирка робы, помывка занимала больше часа. Я ответил Резванову: «Есть!». Вечером, после чаю, наши пошли в 5 кубрик на кинокартину, а я отправился во 2-й котел. Чистя металлической щеткой трубки, я злился, думал о мести Резванову, в мечтах заносился стать старшиной команды. В полночь после душа я опустился в кубрик. Дневальный Воднев вылез на палубу покурить. Я накинул бушлат и поднялся на верх. Усевшись на высокий комингс люка, мы закурили. Воднев посочувствовал мне, говорил, что Резванов хороший парень, но горячий. Не надо загонять бы меня в котел, и сказал, что я буду старшиной команды. Все так говорят! Мне лестно, но беспокойно. В конце января командир электриков лейтенант Поповкин мимоходом сказал, что Федяков поедет на Русский остров учиться на командира отделения. В это время мне присвоили звание старший матрос и направили в другую сторону на старшинские курсы в Хабаровск. Ехали через Комсомольск-на-Амуре, в Пивани по рельсам, проложенным по льду через Амур. Моста тогда не было.

Электромеханический учебный отряд располагался на окраине Хабаровска в поселке Красная Речка на берегу Уссури. Учебные классы и лаборатории были хорошие, кубрики просторные, койки в два яруса. Мне досталась на верхнем этаже. В увольнение можем ходить, кроме понедельника, в субботний день после ужина, в воскресение с 12 часов. Возвращаться полночью (00 часов). До Хабаровска автобусом, в городе автобусом. Посмотрел город, тоже денег требует, а у меня нет. Дом офицеров в поселке представляет клуб знакомств, каждый вечер танцы. Девчата из города едут на Красную Речку с надеждой познакомиться с офицером или рядовым, но с будущим мужем. Вокруг школы было несколько военных частей. Рядом со школой стоял гвардейский понтонный полк, заградив берег Уссури понтонами.

Случайно встретил Колю Вострых из нашей группы в техникуме. Он в подплаве и учился тоже на старшину. Он переписывался с некоторыми ребятами и рассказал, что почти весь выпуск наш служит. Договорились встречаться. И встречались, и выпивали, пока не разъехались.

В конце феврале получили карабины. Снова строевая, караулы, смотры. У меня заболел желудок. Подержали в отрядном лазарете три дня, определили язву. Послали в краевой госпиталь, для чего выделили грузовую машину с шофером. В госпитале сделали рентген, напоили висмутом, две подполковницы мяли меня и вынесли диагноз — гастрит. И боли в желудке больше не возникали лет пять.

В это время проходил XX съезд КПСС. Атмосфера в обществе, как выразился Эренбург — оттепель, ожидания лучшего. Партийная организация отряда провела в самой большей аудитории читку секретного доклада Хрущева о культе личности. Причём на слушании допущены члены КПСС и комсомольцы. В роте три человека были не состоявших

в комсомоле, и они подслушивали из коридора. Не буду говорить, что в моей среде много обсуждали Сталина и его помощников. Люди моего поколения привыкли «держать язык за зубами» и помалкивали.

В конце апреля мы сдали экзамены, я получил свидетельство о том, что я окончил 49-й электромеханический учебный отряд ТОФ по специальности командира отделения электриков флота и выпущен ПО ПЕРВОМУ разряду.

В праздники человек десять решили искупаться в Уссури для будущего хвастовства и я с ними. Прыгали с понтона. Вода ледяная. Но купался.

Тем же маршрутом, через Комсомольск-на-Амуре, после праздников я прибыл в Советскую Гавань. Залив освободился ото льда, но корабль по-прежнему стоял у пирса. Встретили меня в кубрике хорошо, ощущение было -вернулся домой. А старпом, встретив меня, пожаловался:

— Видишь, я небритый. Эти электронщики не могут наладить лампу в каюте. Посмотри!

Я зашел к нему и проверил лампу над умывальной раковиной. У нас редко применяли патроны и лампы сван-миньон, а у них иногда не совпадали контакты. Подогнул штырек и лампа загорела. Зато за столом кают-кампании старпом с похвалой отзывался о моем мастерстве (я узнал от буфетчика). Как мало надо, чтобы прославиться!

В море вышли в конце мая. Начались вахты «четыре через четыре», штормы и просто работа. На стоянке у поселка Ильича ходили в увольнение в матросский парк и в клуб. В парке с Яшей Лукьяновым мы познакомились с двумя подругами. У Яши дружба не сладилась, а мы с Маргаритой долго гуляли по парку, потом по дощатым тротуарам поселка. У неё красивое имя. Родители поклонники Дюма и назвали её Маргаритой. Она замужем, муж — офицер, танкист. Есть ребенок, ему год с небольшим. Водится с мальчиком её мать. Маргарита кончила Куйбышевский пединститут, химик. Невысокая роста, миниатюрная, красивая, умная. Отец умер. Она работает в школе, преподает химию. Недовольна такой дырой. Муж в командировке, приедет через неделю. Расстались мы у барака, где они занимали комнату. Условились, послезавтра встретится в парке у танцплощадки.

Ранним вечером я дежурил у танцплощадки. Уже танцы начались, играли вальсы и фокстроты, надвигались сумерки, а Маргариты не было. Потом мне показалось, что проглядел, прозевал, когда она прошла к танцующим. В этот вечер народу было много. Я купил билет один из последних, как сказала кассирша, и поднялся на площадку. Но Маргариты в этой толпе не увидел. Взял у контролера контрамарку, спустился вниз и столкнулся с ней. Она огорченная стояла у кассы — билетов нет. Я, с укорами за опоздание, передал ей контрамарку и хватил за штаны пробегающего матроса:

— Контрамарка есть? Отдай! Ко мне баба пришла.

Он отдал. Паренёк в кожаной куртке, присутсвовший при этом, обратился ко мне:

— Ещё контрамарки нет?

— Нет.

Маргарита и я поднялись на площадку и влились в толпу танцующих. Во время танца она сказала:

— Это Вася, мой муж.

— Ну, ты даешь! Как быть?

— Он прошел, танцует. Давай убежим! — предложила она.

С началом следующего танца, дойдя до прохода, мы быстро ушли. Инициатива принадлежала только ей, и я покорно подчинялся. Во дворе, где она жила, стояли низкие сараюшки, лари под уголь, дрова. Мы выбрали место почище и уселись на бревна. Два окна комнаты в бараке светились, мать Маргариты укладывала ребенка спать. Я спросил:

— А мать знает, что ты гуляешь?

— Мама — не свекровка, конечно, знает.

Мы миловались, когда по доскам тротуара послушались шаги. Двое остановились у подъезда, лампочка которого и свет от окон позволяли наблюдателям видеть происходящее. Маргарита шепотом комментировала сцену действия:

— Вася! Соседа позвал, лейтенанта. Спрашивает маму. Вышел. Смотрят сюда.

Ночь была безлунной, темной. Но я ходил по форме 2 (темные суконные брюки, белая рубаха и белый чехол на бескозырке) и сосед что-то говорил о белом пятне в дровах, но в лари не пошли. Не обнаружив нас, они вошли в помещение. У меня кончалось время увольнительной, и мы расстались. Я видел, как она вошла в комнату, разговаривала с матерью и

с мужем. Такая жизнь мне была внове. Если корабль стоял у пирса в поселке Ильича, то мы встречались в матросском парке, у Алексея, с которым я её познакомил.

На службе чаще мы поднимались ранним утром по боевой тревоге. Потом раздавалась команда «Корабль к бою и походу изготовить!» и начался программа «Проворачивание». Я находился на посту ГРЩ в машинном отделении и нёс все «тяготы» с машинистами. Для того что бы зазоры турбин заполнились, при нормальной подготовке надо не менее двух часов нагрева. Вентиляторы отключаются, а пар в 300 градусов на турбины подается. Температура в машинном доходит до 60, стоишь в одних штанах и те мокрые от поту, если коснешься металла, то ожог. Лёгкие не принимают горячий воздух. Тяжело. Но когда включают вентиляторы мощностью 15 кВт, свежий морской воздушный поток сразу приводит состояние в норму. Первый раз увидел касаток, сопровождали нас, обогнали и скрылись.

Перебазируемся на лето во Владивосток. На подходе к нему встретили мину. Специалисты БЧ-3 определили: рогатая мина русско-японской войны, ликвидировать опасно. Решили расстрелять. Автоматическая пушка калибра 37 мм на двадцатом выстреле потопила мину. Все надеялись, что взорвется. Но видно прогнила.

Пришвартовались на 33-м причале. Команда стосковалась по настоящему городу и в увольнение образовалась очередь. Во Владивостоке в киоске я купил, только что выпущенный однотомник Есенина, нам знакомый только по имени, новый журнал «Иностранная литература» с романом Ремарка. Книжка Есенина произвела в кубрике фурор. Все хотели читать его, а на удивленнее некоторые знали его песни. Многие стихи переписывали.

Лейтенант Поповкин выпросил у меня книжку и читал в кают-компании. А я гордился.

В 1956 году для флота был несчастный период. В Севастополе загадочно взорвался линкор «Новороссийск». Во Владивостоке на причале затонуло военно-транспортное судно «Обь». И это после трехгодичного ремонта в заводе, когда остались только мелкие недоделки. Виновата команда, которая участвовала в ремонте и моря не видела больше трёх лет. Вечером, в субботу, глядели в большом кубрике кино, а кто-то из трюмных машинистов впустил забортную воду в цистерну или в кафедрам. Рамка экрана перекосилась, под киноаппарат совали книги, что бы поправить экран. Корабль накренился, на что никто не обратил внимания. Только, когда хлынула вода через иллюминаторы, не задраенные, как положено на ночь, поднялась паника. С криком «Полундра» моряки похватали кисы и по сходням бежали на причал. «Обь» легла на борт, удержанная швартовами. Весь ремонт корабля пропал.

ТОФ пополнился двумя крейсерами. Два года они шли с Балтики через Северный океан, с зимовкой на Диксоне, во Владивосток. «Пожарский» и «Сенявин» крейсера послевоенной постройки, они весомо усилили Тихоокеанский флот. До этого на ТОФ были итальянские трофейные крейсера «Калинин» и «Каганович». Последний в 1957 году за грехи Кагоновича переименовали в «Петропавловск». Летом «Пожарский» с двумя эсминцами «Вдумчивый» и «Вразумительный» сходил с «визитом дружбы» в Китай. Моряки устали. Тогда министром обороны был Жуков, по слухам он к морякам относился с неприязнью. Выплаты денежного содержания сократил, в неделю матросы пять раз ходили в увольнение, а сделали три. В августе крейсер «Пожарский» стоял на открытом рейде напротив Владивостока, команда, после ужина, готовилась посмотреть кино, развернула орудийную башню на баке, что бы повесить экран, как обычно. Вдруг старпом (командир корабля отсутствовал) запретил показ фильма, распорядился киноаппаратуру убрать, башню повернуть. И тут вспыхнул мятеж. Толпа матросов и старшин с матюгами и криками «Даешь фильму!» на баке организовали стихийный русский митинг. Никакие приказы более не действовали. Катером прибыл контр-адмирал Калужский, заместитель командующего флота по политчасти. Сыграли «Боевую тревогу». Матросы заняли свои боевые посты, но ничего не делали: котельные машинисты не разжигали котлов, не давали ходу кораблю, работал только вспомогательный котел. Командиры уговаривали команду поднять пары, пришвартоваться к причалу и во всем разобраться. Никто не пострадает и наказанье никому не грозит. Сигнальщики своим семафором обеспечили информацию всему рейду и городу. У нас на полубаке обсуждали: будут расстреливать крейсер и кто? На другой день команда крейсера согласилась поставить корабль к причалу Владивостока. Как только бросили трап на стенку, пехота захватила крейсер и началась вакханалия арестов, разжалований, наказаний. Переведенные в стройбаты и штрафные роты, моряки переодевались в солдатскую форму на пристани. До настоящего времени нет документов, этот мятеж засекречен. Офицерский корпус крейсера пострадал не менее матросов: многих заставили досрочно уйти в граждан-

скую жизнь, служивым очередное звание задерживали, понижали в должности. Как водится — опять обманули.

Возвращаясь из рейда во Владивосток, на траверзе острова Аскольда мы попали в шквал. Он был такой силы, что на полубаке погнул стойки лееров. А главное, снёс контроллер якорного шпиля, срезал четыре болта и порвал 24-жильный свинцовый кабель. К счастью, контроллер запутался в леерах ограждения полубака. Швартоваться без автоматики, пользоваться вымбовками (вручную крутить барабан шпиля), смеху подобно. Поэтому на ходовом мостике командир корабля ядовито спросил у БЧ-5, когда шпиль заработает, Владивосток на горизонте. С прошлого года, по причине потери хода на «Выносливом», флагманский механик бригады Фролов, капитан второго ранга возглавлял нашу БЧ-5. Понижен в должности. Командир же корабля Осмаков — капитан третьего ранга. Фролов ответил, что, по словам старшего матроса Федякова, часа два-три. Чтобы подсоединить 24 жилы к станции шпиля надо «прозвонить» сорок восемь. Я разодрал свинцовую оболочку и начал зачищать концы. Жилы покрыты голубой резиной и маркированы цифрами — через дюйм отпечатаны числа. Работа сократилась вдвое. Я поблагодарил Америку за то, что поставили такую проводку. У нас маркируют цветами, а иногда совсем никак — попробуй, различи. Мы за тридцать минут подключили станцию шпиля, и я доложил в пост энергетики и живучести БЧ-5 Фролову. Закрепить основание было некогда. Матрос сел верхом на стойку контроллера, лежащем на палубе, а другой переключал ступени. Мы благополучно отшвартовались, а утром на подъёме флага командир корабля вынес мне поощрение — пять суток дополнительного отпуска.

Так я услышал из уст командира корабля, что могу рассчитывать на отпуск в этом году. Какое значение эта надежда имеет для моряка? Всё! Побывать дома, увидеться с мамой, просто постоянно нарушать режим, уставные требования. Мечта! А тут прошел слушок — на флоте служить четыре года. Мне осталось два года!

В сентябре снова пришли в Совгавань, только в настоящую, на завод, от поселка Ильича по бухте двадцать миль. Я договорился с нашим доктором, старшим лейтенантом медицинской службы, что направит меня в госпиталь, находившимся в поселке Ильича, на исследование желудка (брать сок). В среду сок не берут, меня отправят обратно и в четверг придется глотать кишку. Ради встречи с Маргаритой я готов на большую жертву. В начале сентября рано утром на катере-трамвайчике приплыл в поселок Ильича. Сходил в госпиталь, отметил направление. Дошел до школы, узнал расписание, вызвал Маргариту с урока. В коридоре условились о встрече. Я подождал её в продуктовом магазине напротив школы, взял «Боржоми» и конфет. Она подменилась с другой учительницей и освободилась до конца дня, но мой последний катер отчаливал в шесть часов вечера. Маргарита предложила ехать на берег речки Десна, на котором была на пикнике, главное, недалеко от поселка. Поймали солдатика водителя на МАЗе, возившего щебенку на дорогу, забились к нему в кабину и оказались в чудесной бухте. Высокие кусты загораживали небольшую полянку от ветра, погода — настоящее «бабье лето», тепло. Вода в речке холодная. Загорали на солнышке. Я обещал завтра приехать снова, она после обеда освободиться, и мы посетим полюбившуюся нам полянку. Время летит быстро, и солдатик-водитель давит клаксон, дает сигнал, как мы условились — в четыре часа собираться. Водитель получил от меня на пол-литра и довёз до поселка. С Маргаритой я расстался, и ни она, ни я не знали, что навсегда. Все-таки она смелая.

На корабле лейтенант Поповкин сказал, что если я сделаю дефектную ведомость по ремонту электрооборудования, то сразу иду в отпуск. «Внушительный» всю зиму ремонтируется в заводе, и командование решило в начале октября восемь человек послать в отпуск, в том числе из БЧ-5 два. Воднев и я. Перечень недостатков в оборудовании нашего хозяйства я знал, возможности завода тоже, побывав раза два с неремонтными в корабельных условиях электродвигателями. В отпуск хотелось, потому свои обязательства перед Маргаритой нарушил. Написал письмо, в котором повинился, что месяца два не увидимся и передал Егорову. Когда будет в поселке Ильича, отдаст Маргарите (он ее знал).

Отпускники ходили гоголем и одновременно дрожали — что-то случиться: отменят отпуска, объявят флотское годовое ученье и т. п. На марсовых площадках в котельных отделениях отпускники укладывали чемоданы, курили и бездельничали, как матросы по пятому году. Эта категория перед демобилизацией не работала, не участвовала в приборках и авралах, просто отбывала последний год службы. А чемоданы отъезжающих требовали большего внимания. Как только хозяин прозевал, так нагрузился лишним весом. Когда

идёшь по сходням в отпуск или совсем, любой груз кажется пушинкой, а друзья тайком стараются подложить в багаж запасную часть весомее. В кубрике мне подыскали старый чемодан. Я сложил в него вещи и унес в аккумуляторную, ключи от которой были у меня. Не хотел ребят соблазнять.

Последние десять дней были мучительными. На 20 октября начало флотских учений и отпуска запрещены. Мы получили проездные документы и 19-го ранним вечером мы под музыку прошли по трапу и погрузились на катер. Грузовой машиной подъехали к вокзалу на Сортировке и, прячась от пехотных патрулей, которым что угодно могло взойти в голову, отрядили двух отпускников в кассу за билетами. До Хабаровска только места в мягкие вагоны. Конечно, мы согласились. Когда поезд тронулся, мы вздохнули и поверили, что едем в отпуск. В Хабаровске пересадка на поезд Владивосток — Харьков. Мы походили по магазинам, я купил себе новый чемодан. Перекладывая вещи из старого в новый, я обнаружил, аккуратно завернутый в газеты, талреп весом килограммов на шесть. Все мои старания избежать такой шутки — впустую. На харьковский поезд мы сели восемь матросов из экипажа «Внушительного». Заняли два отсека в полупустом плацкартном вагоне и разработали режим путешествия через всю страну. Первый мореман сходит под Читой, а последний едет до Станислава на западной границе. У кого-то нашелся чемоданчик, в который входило восемь пол-литровых бутылок. Вечером выбирали «гонца», собирали деньги на водку и закуску. Утром в станционных буфетах, магазинчиках брали восемь бутылок на весь день. Пили. Играли в карты, чаще всего в «Кинг». Доехавший до своей станции (для меня Челябинск) отдает остаток денег остальным.

Под Читой расстались с комендором (забыл его фамилию). Он деревенский, дал телеграмму о приезде. Там уже выпал снег, целый конный санный поезд приехал встречать пьяного матроса, который был в таком состоянии, что никого не узнавал, а провожающие из вагона, тоже пьяные, его не отдавали. «А может вы чужие?» — говорили мы. Когда он сказал: «М-а-м-а!» заплаканной женщине, отпустили.

В Новосибирске наш поезд стоял долго, чуть ли не сорок минут. С двумя приятелями мы разминали на перроне ноги и встретили капитана первого ранга, который возвращался из отпуска во Владивосток. Мы, как всегда под хмельком, окружили его, обрадовались ему. Он расспросил нас, понял, что в мире делается нам неведомо. Рассказал о событиях в Польше и Венгрии и дал совет: «Военкомат может завернуть обратно на корабль при ухудшении положения. Поэтому советую до 10 ноября туда не ходить, не регистрироваться».

Вторым сходил я. Ранним вечером в Кургане я переоделся в новые брюки и суконку, почистил ботинки и сложил чемодан. Ребята организовали отвальную. Мы обменялись адресами и договорились, по возможности, обратную дорогу совершить вместе. Я нервничал перед встречей с Челябинском, перепил на отвальной и отключился. Пришел в сознание под струей воды из крана на голову. Меня поддерживал над раковиной Федя Крамаренко, муж Клавы сестры Дуси. Значит, я в Челябинске, на КБС, в комнате Клавы. Хмель у меня быстро уходил, и Федя рассказывал, как я появился. Часов в 11 вечера пришел таксист и пожаловался, что на стоянке у железнодорожного вокзала моряки посадили совершенно пьяного моряка, дали адрес, заплатили и предупредили, что если таксист не довезет этого друга, то на обратной дороге они с ним разберутся, для чего переписали документы этого водителя. Федя с помощью таксиста затащил меня в комнату на пятом этаже. Так я прибыл в Челябинск. Проверил карманы — три рубля. Ребята поехали дальше.

У Феди радиола с мощным приемником. Мы пили чай и слушали «враждебные голоса». В Будапеште наши танки. Федя говорил, что будет война. Он опытный — воевал, был в плену. Я не расстраивался и меня одно заботило — как добраться до Чудиновой.

Я утром занял 25 рублей у Феди и поехал в областной почтамт. Телефон с Чудиновой дали в 12 часов. Три часа ожидать скучно, на прогулке флотской формой похвастаться я решил. На перекрестке Кирова — Труда зашел в одноэтажный деревянный дом к Федёшовым. На звонок вышла мать Тамары, узнала меня и заплакала.

— Тамара умерла.

— Как умерла? — я был ошеломлен. На крыльце выслушал её. Тамара в начале года вышла замуж, там, в Кузбассе. Весной с мужем приезжали. Хороший парень, работает мастером на шахте. Тамара понесла и летом умерла от внематочной беременности.

Как я мог, высказал сочувствие матери и, несмотря на настойчивое приглашение зайти поговорить о Тамаре, отказался, сославшись на заказанный телефон. Дорогой в почтамт я думал о жизни, которая в молодые годы прерывается от простой причины, резко оборвала

судьбу Тамары. Если бы я отвечал на её письма, она, наверное, не вышла бы замуж и ждала меня. Чувствовал себя виноватым. Но день приготовил ещё сюрприз, о котором боялся даже мечтать.

На почтамте в переговорной оператор дозвонился до Чудиновой и вызвали Михаила. После взаимных приветствий Михаил спросил:

— Ты насовсем приедешь?

Я не понял и переспросил. Он ответил и у меня сердце толком не выскочило.

— Военкомат послал документы о твоей демобилизации. Служба закончилась.

Что такое я испытывал, не описать. Забыл зачем звонил, но Михаил сказал, чтобы я ехал в Копейск и обратился к его приятелю, владеющему «Москвичом» и он меня привезет в Чудиново. Дал адрес и имя. Я передал приветы всему многочисленному семейству и маме. Скоро встретимся. У Михаила семья большая: мама, Дуся, дети — Алексей, Виктор, Володя, Надя, Саша и я. Работал один Михаил. Как он выкручивался? Мельница спасала. Моя досрочная демобилизация объяснима: Хрущев сокращал армию и расширил диапазон льгот. Мать пенсионерка, нетрудоспособная. Дуся съездила в Октябрь, ходила по кабинетам и выходила меня.

Дождавшись Федора и Клавы с работы, я забрал чемодан и отправился на копейском трамвае, который делал кольцо у КБС. Добравшись до конечной остановки, зашел в помещение вокзала. Тогда ходил поезд Коркино — Копейск. В вокзале много народу, на улице темно, мокрый снег, грязно. Я спросил бывалых людей — где улица 1-го Мая. Мне толково объяснили, что в поселке Афонина, далеко — километров два-три. Какой-то доброжелатель посоветовал ночью в поселок не ходить, разбойничают. Но ждать до утра мне не подходит, я стремился домой. Часов у меня не было, от вокзала я ушел часов восемь вечером. На железнодорожных путях подобрал арматурный прут длиной восемьдесят сантиметров, вооружился. Грязно, ботинки промокли, брюки новые, суконные до колена мокрые и грязные. Фонарей нет, в темноте я нашел улицу 1-го Мая и по номеру дом. На стук в дверь, вышел мужик и в ответе на моего приветствие отрицал всё: Орлова не знает, Чудинову не знает, автомобиля у него нет. А адрес его. Кто-то напутал — Михаил или я. Вышел на середину пустынной улице и не знаю, что делать. По дороге улицы с разговорами шли два парня. Я окликнул их и рассказал свои беды. Позже узнал, что они братья-погодки, отслужили в армии. Жили с родителями на этой же улице и пригласили меня переночевать. Один взял мой чемодан, засмеялись на арматурину и я бросил её. Познакомились — старший Иван, младший Николай. Родители, несмотря на поздний вечер, не спали. Собрали на стол, выпили за мою демобилизацию браги. Я переоделся и повесил грязные от глины штаны в сенках. За столом, когда обсуждали мою эпопею, отец, совсем нестарый, высказал, что может быть, я ошибся — улица не 1-го Мая, а Первомайская, почти в центре Копейска. Завтра ребята пойдут на работу и проводят меня до этой улицы. Утром я нашел мои брюки очищенными от грязи. Хозяйка встала раньше и занялась моими штанами. Я извинился за беспокойство и после завтрака мы с парнями пошли в город. На улице Первомайской нашли приятеля Михаила и я простился с Иваном и Николаем. Мне везёт на хороших людей.

Дорога от Копейска до Чудиновой была плохая. Грунтовая, от дождя, снега расползлась. Часто буксовали. Сто километров проехали за восемь часов. Меня ждали, радости было много. Мама плакала.

Михаил жил лучше, чем раньше. А все окружающие жили лучше. На другой день повел в магазин сельпо, купил наручные часы «Победа» и подарил мне. Надвигалось празднование Великой Октябрьской революцией. Михаил купил два ведра бочкового пива, заправил сахаром, дрожжами и пригласил на праздник всю верхушку Чудиновой. За мое здоровье пили заведующий мельницы, председатель сельсовета, участковый милиционер и батюшка нашей церкви. Выпив два стакана браги, я ушел в клуб на танцы. Утром мама угощала нас блинами с двух сковородок и ворчала. Ради праздника мы с Михаилом опохмелились и я спросил брата, почему она недовольна. Он ответил:

— Спроси её.

— Мама, чем недовольна?

— Греховодники вы и батюшка согрешил! Как я пойду к нему в храм?

Михаил со смехом рассказал, что бражка оказалась крепкой, все напились, а священник подхватил рясу и в присядку пустился в пляску под баян.

— А баян откуда?

— Ты когда ушел, песни запели и Войтенко сходил домой за баяном. Вот мама и осердилась за то, что напоили батюшку.

Так меня встретили в Чудиновой. По совету каперанга в военкомат я появился числа 11-го ноября. Там мне сказали, что документы на демобилизацию отправлены, но я, военнослужащий, пока в отпуске до 14-го декабря. Написал письма Поповкину и Гридину, передал привет ребятам из кубрика. Выше я описал, когда в шестидесятых годах встретился с моряком телемастером. Он служил в училище имени Макарова. Я задал первый вопрос:

— «Внушительный» знаешь?

— Знаю. Но он изрезан.

Так я о судьбе своего корабля узнал. Но в последние годы в Интернете появились сайты, рассказывавшие о рейде «Внушительного» в составе некой Антрактической экспедиции в конце сороковых годов, столкновении с американцами. Я в это не верю, в 1955—56 годах никто из экипажа об этом не говорил. И палубных ракет на корабле никогда не было.

г. Челябинск

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ФЕДЯКОВА

На 79-м году жизни скончался автор нашего альманаха,
великий книгочей и книголюб, моряк и горный инженер,
мой личный многолетний друг и двойной земляк по с. Чудиново и г. Коркино.
Евгений Иванович, кроме всего прочего, был достойным мужем,
добрым отцом и любящим дедом. Светлая ему память.

Николай ГОДИНА

Маргарита Кельвер

«Мы с тобой одной крови — ты и я»

Журналисты — народ и любознательный коммуникабельный, и охочий до новых знакомств с людьми и, конечно же, с коллегами. Поэтому с большим желанием идут они навстречу всему, что расширяло бы «ареал» знания своей профессии, всего и всех, что окружает нас.

Где-то с шестидесятых годов сектор печати Челябинского областного комитета партии ввел своего рода «учебный центр» — субботний университет для журналистов. Здесь по субботам собирались представители прессы со всей области. Встречались с интересными людьми, руководителями разных постов и рангов. Делились опытом, складывали в копилку своей работы что-то от собратьев-газетчиков, предлагали свое.

Этому же способствовали и «летучки» городских и районных газет по зонам. В нашу горнозаводскую зону входили газеты Каслей, Кыштыма, Нязепетровска, Карабаша и Верхнего Уфалея. За год газетчики зоны успевали побывать в редакциях газет каждого города.

Встречи эти были познавательны, и, конечно же, мы ближе узнавали друг друга. Порой эти знакомства растягивались на долгие годы, мы как бы продолжали «дружить домами».

Наш общий шеф

С Михаилом Петровичем Аношкиным мы впервые встретились, когда он был редактором «Кыштымского рабочего». Потом он возглавил сектор печати Челябинского обкома КПСС. За эти годы наши пути часто пересекались и на летучках, и на субботних университетах, и во время его «объездов» всех редакций газет. Как-то так получалось, что в Уфалей он приезжал чаще летом и дважды угадывал на мой день рождения.

Михаил Петрович — кыштымец, любил свой город, а как участник Великой Отечественной войны много писал об этих годах. На моей книжной полке стоят его «Кыштымские были», «Кыштымцы», «Рубежи», а в один из очередных своих приездов в Уфалей он, подарив свою очередную книгу «Прорыв. Боевое задание», пророчески пошутил: «Читай. И тоже пиши, теперь твоя очередь». Как в воду глядел — вышла и моя книга о родном мне Уфалее.

Беспокойный он был человек

Однажды приехав в Уфалей по заданию редакции, корреспондент «Челябинского рабочего» Юрий Логачев открыл (как он поделился с нашим редактором Георгием Васильевичем Антроповым) огромные кладовые — интересных людей, производства, природу «почти сродни швейцарской».

И каждый раз, заполнив блокнот судьбами, информацией, рассказами, подбивал нас на вылазки за город, по окрестностям. На Черемшанку, в Силач.

— В один из приездов в Уфалей, — рассказывал он потом еще одному нашему другу и бывшему сотруднику «Уфалейки» Андрею Кузьмичу Корнилову, — уговорил нас Леня Данилов вечером под самое Рождество на лыжную прогулку за город, на Лысую горку. Вечер был лунным торжественным красивым. А потом были пельмени!

Юрий Пахомович Логачев, впоследствии собкор газнты «Труд», в один из следующих приездов в Уфалей провел у нас в ДК металлургов встречу своих коллег по «Труду» с уфалейцами, читателями «Труда» !

Поездка в «Юность»

С Валерием Капустиным мы были знакомы по его материалам в областной газете «Комсомолец», потом он перешел в областное радио. Вот тогда-то, как говорил Валерий, его пригласил в Уфалей все тот же вездесущий Леня Данилов, с которым их свела молодежка — газета «Комсомолец».

Задание ему было — побывать в лагерях труда и отдыха для подростков. Меня тоже прельщала эта тема, и мы договорились — посетим трудовой лагерь «Юность» на Уфимке втроем — Валерий, я и Женя Замятин (он тогда в редакции «Уфалейки» исполнял обязанности фотокорреспондента, а с годами вырос до редактора газеты и члена Союза писателей, выпустил пять своих поэтических сборников).

Директором лагеря был Юрий Александрович Петрович — красивый, строгий и обаятельный человек. О нем, когда он уехал из Уфалея, долго вспоминали как о настоящем комсомольском вожаке — секретаре горкома комсомола.

До Нижнего Уфалея наша троица добралась автобусом. А оттуда до Уфимки — пешедралом. И нисколько не пожалели — так красива и полна приключении была лесная дорога. Мои попутчики устраивали разные приколы: то спрячутся за дерево, а потом выскакивают из-за него, воя «по-волчьи», а то поймали ужа и с криком «Гадюка!» гнались за мной, то еще чего вытворяли. Дошли быстро.

И окунулись в жизнь ребячьей республики. Материал пошел «косяком» — он был рядом под рукой. В «Уфалейском рабочем» была опубликована целая полоса с клише с Уфимки о буднях подростков в этом лагере, а в областном радио — очень интересная передача.

Валера потом еще не раз приезжал в Уфалей, готовил передачи. А потом с его «подачи» и рекомендации к нам в редакцию пришел Виктор Маркович Рискин, надолго осевший в нашем коллективе. Потом он был собкором «Челябинского рабочего».

А Россия лучше всех

Вася Марков (почему-то все знакомые звали его именно так) — корреспондент «Челябинского рабочего» до своего отъезда из СССР часто бывал в Уфалее. И по заданию редакции побывал на «Никеле», «Уралэлементе», на металлургическом заводе и других предприятиях города. Облазил их, как он говорил, снизу доверху. Материалы получались богатыми.

А потом Вася с женой уехали на ее родину, в Болгарию. Только связь с уральцами не прервалась. Коллегам он писал в Челябинск, что работает в журнале и что ужасно скучает по России, по Уралу. Очень хотел бы повидаться. Поэтому его знакомые и друзья, если случалась оказия, старались встретиться с коллегой.

Выпал случай свидеться с Васей Марковым и нашей сотруднице — Римме Богданович. Отдыхая в «Златых Пясцах», она разыскала Васю в Варне. Чему он был несказанно рад. Радовались и мы, получив весточку из далекой Болгарии от друга и коллеги. Как оказалось, последнюю — Вася умер и похоронен в Болгарии, так и не повидав больше Россию.

Верный друг

С Андреем Кузьмичем Корниловым я и Константин Кельвер были знакомы с 1951 года, когда он преподавал у нас в библиотечном техникуме литературу. А потом я вместе с ним работала в «Уфалейском рабочем», пока он не уехал сначала в Магнитку, потом в Челябинск. Встретились спустя двадцать лет. И снова «разъехались» — мы с Константином перебрались в Киргизию.

Но дружба не прервалась. Дважды Андрей Кузьмич приезжал к нам в Талас, был и на похоронах друга, Константина.

Мне довелось быть свидетелем, как Андрей «делает» материалы» для Челябинского областного радио.

В 1983 году мы вместе с ним на нашей редакционной машине поехали на Тахту. Андрей Кузьмич встретился с героем своей будущей передачи и дотошно, со знанием дела говорил на интересующую его тему, доискиваясь до причин и корней событий, как бы вгрызался в факты. Потом у него был разговор с другими, причастными к теме, людьми. А я ушла по своему заданию — на встречу с участником Великой Отечественной войны — Александром Николаевичем Ивановым. Мой очерк в «Уфалейке» был посвящен одному из Ивановых, на ком держится вся Россия.

Записка из зала

Несколько лет назад нам, членам Уфалейского городского совета ветеранов, довелось принять участие в областной ветеранской конференции. Представителей было много, всех не углядишь, как ни верти головой. И вдруг мне передают записку: «Рита, рада видеть тебя!» с указанием места, где находится «посланник». Оглядываюсь: господи, да это Тамара Степановна Постникова, наш бывший грозный цензор хороший человек. Она тоже не раз бывала у нас, в Уфалее в редакции.

В антракте мы встретились и с ней, и со вторым цензором Людмилой Вениаминовной Сахаровой. Мы коллеги по работе в советах ветеранов, только они в областном масштабе. Как же было интересно встретиться с друзьями и «единоверцами», вспомнит вместе пережитое.

Таких вот неожиданно дорогих встреч у нас бывает в жизни много. Особенно с людьми «одной крови», профессии. И все они живут в памяти, в сердце.

г. В. Уфалей

Татьяна Воеводина

В чём нам каяться?

Президент Германии Йоахим Гаук призывал тут нас покаяться за советское прошлое, как когда-то покаялись немцы за ужасы нацистского режима.

Что ж, каяться нам надо. Но не за советское прошлое, а за постсоветское настоящее.

Мы бросили свою землю. Она зарастает бурьяном. На недавнем сельскохозяйственном форуме раздали красивые такие, щедро изданные брошюрки. А там самая новая актуальная статистика. Такая, к примеру: в 1990 г. на один гектар посевной площади вносили 88 кг минеральных удобрений, а сегодня — 38. Мы заездили нашу почву, как тощую деревенскую клячу. А много полей и вовсе побросали. Снова ввести эту землю в оборот — нереально, это немыслимые затраты, на них никто не пойдёт.

Покаемся, православные, за грех перед своей землёй-кормилицей! А также магометан, иудеев и научных атеистов приглашаю покаяться — они тоже не в стороне стояли. И католики, ежели случатся поблизости, пускай опустят очи долу и произнесут своё «mea culpa». Твоя, твоя culpa, мужик, не сомневайся!

Идём дальше по пути покаяния. Мы пустили в распыл свои леса. Поразительное дело: лесники были со времён Петра I — хранили казённое богатство. Даже во время войны были, а сегодня куда-то делись. У нас подмосковный лес стоит без всякого пригляда и ухода. И горят, горят леса. А что тут удивительного? Человеческая мысль имеет свойство материализоваться. Мы сказали о нашей земле: «А гори оно всё синим пламенем!» — вот она и горит. А что не сгорит — короед доест.

Мы побросали свои селения — теперь уж не деревни, а и до городов дело дошло. Там нет работы, нет жизни, народ стекается в большие города. Правительство даже план сочинило — сселять народ в двадцать больших городских агломераций, но потом это как-то забылось. Но процесс идёт — земля оголяется. Не нужна она нам — земля наша? Как-то не очень. А ведь Бог, давая народу такую большую территорию, не иначе что-то имел в виду. Какую-то он на нас налагал обязанность. А мы её провалили. Мы, сегодняшние. Кровавый большевистский режим как раз землю осваивал, застраивал и в меру сил украшал. Не бросал, по крайней мере. А побросали мы — просвещённые, креативные и умеющие по-английски. Бросили землю зарастать бурьяном, а оставшихся аборигенов — впадать в дикость. Вот за это бы покаяться…

Советская власть, за действия которой нам предлагают непрерывно испытывать чувство неизбывной вины, принудительно заставляла народ трудиться и цивилизоваться. А сегодня никто никого работать не заставляет, поскольку это нарушило бы неотъемлемые права суверенной личности. То правительство тащило людей вверх — часто по-дурацки, действуя с изяществом слона в посудной лавке, но тащило. В результате было выстроено то, чем мы сегодня живём и что по сю пору недоприватизировали.

Мы утратили квалификацию индустриального народа. Мы, сегодняшние, разучились делать то, что умели отцы и деды. Скоро дедовы чертежи прочитать не сможем. А кто читать-то будет — юристы с культурологами?

Работник космической отрасли недавно бегал среди пенсионеров в поисках квалифицированного фрезеровщика для некой нетривиальной работы. Их просто нет. И среди инженеров такая же история. У нас в посёлке перебивается случайными заработками такой Колька — почти спившийся гражданин братской Украины. Колька — квалифицированный рабочий, но за свои 40 лет он ни разу не имел стабильной длительной работы: заводы когда-то промышленного Запорожья закрывались, кем-то покупались и тоже закрывались. Мать его живёт в России в няньках, ну и он при ней. Этот почти павший на дно Колька — выразительный символ постсоветской судьбы нашего народа (или наших народов, скажем политкорректно). Весь наш народ — это Колька — опустившийся, разучившийся, утративший ориентиры, бредущий невесть куда.

Помолимся за Кольку и покаемся за то, что довели его до такого убожества.

Отдельного покаяния заслужила наша народолюбивая интеллигенция, печальница горя народного. Сословие работников умственного труда имеет вполне определённую задачу: добывать истинные знания о природе вещей и организовывать народный труд. Иных задач у образованного сословия нет. В этом назначение интеллигенции. А у нас интеллигенция, созданная государством, причём дважды — при Петре I и при Сталине — отказалась от этой работы и начала подзуживать народ на свержение этого самого государства. Интеллигенция не выполнила своего долга «понимателя», вот мы и пробавляемся обносками западной мысли. Наша российская цивилизация не описана и не осмыслена. Интеллигенции некогда было: она либо плакала, либо готовилась к отъезду, либо каялась за что-нибудь в прошлом. Это ведь так удобно: каяться за то, что произошло в годы твоего бессмысленного детства, и при этом не делать того, что можно и нужно делать сейчас.

В глубине души русский человек ощущает как грех действия в защиту своих прав и интересов. Это совершенно неверно и пагубно: во многих случаях греховна именно слабость, а не сила. В моей родной Коломне церкви и монастырь находятся в кремле, в крепости — святость и сила там слиты воедино. Неприятие силы, отказ от силы, неучастие в собственной жизни и сдача её — это ложно и греховно. Вот в этом надо нам каяться.

Но ощущение греховности силы у русского человека, к сожалению, есть. И этим пользуются враги России, внушая ей комплекс вины за всякое решительное действие и отстаивание своих интересов. И тут же на подтанцовке — наша народолюбивая интеллигенция. Негодование по поводу ввода войск в Чехословакию — это просто опознавательный знак всякого порядочного русского человека. Просто пароль какой-то: «За вашу и нашу свободу». А что, собственно, произошло летом 1968 года? Мы отстояли свои интересы. Тогда отстояли. А через двадцать лет — сдали. И получили натовские ракеты под боком. Этого хотела свободолюбивая публика? Не этого? Тогда чего? Вот в этом хорошо бы разобраться и покаяться.

А покаявшись, надо приступить к серьёзной работе. Вступить, так сказать, на путь исправления. Потому как вера без дел мертва, и покаяние тоже ничего не стоит.

(Литературная газета. 2013. № 36. С. 2)

Петр Минеев

Нагайбаки*
(Крешеннер)

Учителя в годы Великой Отечественной войны

Несмотря на тяжелое военное экономическое положение, школа продолжала учить детей. В декабре 1943 года постановлением СНК СССР вводилось всеобщее обучение детей с 7-летнего возраста. На базе нашей школы была открыта вечерняя школа для сельской молодежи. В 1943 году было принято правительственное постановление о повышении заработной платы учителям. Педагогический и ученический коллектив школы принял «Правила для учеников», утвержденные СНК СССР. В 1944 году для выполнения эффективной учебной работы школы была принята пятибальная система для оценки успеваемости учащихся. Учащиеся, оканчивающие начальную, неполную и среднюю школу должны были сдавать выпускные экзамены. Учащихся-отличников, оканчивающих среднюю школу, стали награждать золотыми и серебряными медалями.

Директорами Фершампенуазской средней школы в годы Великой Отечественной войны были:

- Герасимов Александр Иванович — до 1943 года;
- Нигматуллина Мамра Хакимовна — с 1943 по 1947 год.

Завучами в годы войны работали:

- Хамитова М. П.;
- Мустаева Мария Павловна.

Учителями в годы Великой Отечественной войны работали:

- Васильев Николай Дмитриевич (русский язык, литература);
- Васильева Анна Яковлевна (начальные классы);
- Ивичева Анастасия Николаевна (история);
- Досманов Иван Емельянович (военное дело);
- Масленникова Вера Ивановна (география);
- Артемьев Григорий Иванович;
- Казанцева Екатерина Андреевна;
- Шестаков Иван Иванович (военное дело);
- Дидюхина (иностранный язык);
- Кушкильдинова З. Б (биология);
- Жоголева (Волегова) Вера Ивановна (начальные классы).

АРАПОВ МАКСИМ КОНСТАНТИНОВИЧ

1916 года рождения, выпускник Троицкого педагогического техникума. Работал учителем естествознания. Ушел на фронт, погиб.

БАШКИРСКИЙ ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ

Работал преподавателем и директором Фершампенуазской средней школы. В 1941 ушел на фронт. Войну закончил командиром стрелкового батальона, капитан, награжден многими орденами и медалями. Умер 1982 году.

ИШИМОВ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ

1918 года рождения преподавал физкультуру в ФСШ. Воевал, был тяжело ранен, вернулся домой. Болел, умер.

ЛАИШЕВЦЕВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Валентина Васильевна родилась в с. Иваньково Ивановской области в 1922 году. После раскулачивания родителей она оказалась на Южном Урале. После окончания семилетней школы в 1938 году поступила в Магнитогорское педагогическое училище, которое успешно закончила.

С 1941 по 1946 годы по направлению Нагайбакского районного отдела народного образования работала учителем начальных классов и учителем русского языка в татарских классах Парижской школы.

* В этой статье использованы материалы собранные Валентиной Петровной Араповой, любезно предоставленные автору.

В годы Великой Отечественной Войны Валентине Васильевне приходилось работать не только в школе, но и в колхозе: летом в поле, осенью и весной на току. Вместе с другими учителями она заготавливала дрова для школы и сотрудников, с учениками школы Валентина Васильевна собирала теплые вещи, отравляла посылки на фронт, выпускала «Боевые листки». Валентина Васильевна награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной Войны». С 1946 года по 1949 год Валентина Васильевна работала заведующей методическим кабинетом в РайОНО. 29 июля 1949 года приказом РайОНО переведена учителем начальных классов в Фершампенуазскую среднюю школу. Около 10 лет Валентина Васильевна была завучем начальных классов с 1955 г.

В 1977 году ушла на пенсию, но и сегодня Валентина Васильевна не расстается со школой. «Муж её в годы войны был военным врачом. Вернулся в Фершампенуаз и до пенсии проработал в Фершампенуазской районной центральной больнице. Имеет правительственные награды, ведёт активную общественную деятельность, выступая с воспоминаниями перед жителями района и школьниками. Дочь Тамара окончила Троицкий ветеринарный институт, проживает в с. Фершампенуаз».

МАНЗИН ГЕОРГИЙ ПРОХОРОВИЧ

1918 года рождения, учитель Фершампенуазской средней школы. Воевал комиссаром батальона, погиб.

МАМЕТЬЕВ СЕМЁН ИВАНОВИЧ

1914 года рождения, преподавал татарский язык и физкультуру, был женат, жена — Зоя Ахметовна также работала учителем в школе. Семен Иванович в 1941 году ушел на фронт и погиб.

СЕРГЕЕВ КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧ

Родился 1 июня в 1916 году в с.Париж. После окончания Троицкого педагогического техникума работал учителем. Был директором школы сначала в Париже, затем в Фершампенуазе.

В 1939 году был призван в армию. Когда началась война, ушел на фронт. Воевал в артиллерии.

Имеет медаль за победу над Германией. После войны работал инспектором и заведующим РайОНО.

Умер по болезни в 1959 году 18 августа.

УТЕШЕВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА

Свою трудовую деятельность Татьяна Павловна начала в Фершампенуазской средней школе в должности пионервожатой (1932—1943 гг.) Затем работала учителем начальных классов, лаборантом в химическом кабинете. Трудовой стаж Татьяны Павловны 40 лет.

Татьяна Павловна, все учителя, пионеры, комсомольцы нашей школы в годы Великой Отечественной войны, во время зимних и летних каникул посылали на фронт солдатам варежки, носки. Осенью работали в поле и на току. Заработанные деньги отдавали в фонд обороны нашей Родины.

18 апреля 1946 года Татьяна Павловна была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

В тяжелые послевоенные годы Татьяна Павловна также работала в школе, тем и помогала стране восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство. «Муж её Утешев Борис Филиппович уроженец Касселя принимал участие в войне с Японией на Халхин-Голе. Принимал участие в военных действиях с финнами. Погиб. Сыновья: Утешев Иван Борисович работал начальником Фершампенуазского авиоаэропорта, пенсионер, Геннадий Борисович работал на Севере, умер».

БАРЫШНИКОВА НИНА СЕМЁНОВНА.

Родилась 17 февраля 1920 года. Окончила 7 классов в 1937 году и начала работать пионервожатой в своей родной школе. Дружина носила имя Павлика Морозова. Детей в школе тогда училось очень много, более тысячи человек. Песня дружины «Маленький барабанщик», а девиз «Все для фронта — все для Победы». Ребятам приходилось днем учиться, а вечером работать в колхозе.

Пионеры собирали и посылали на фронт посылки. Помогали семьям рабочих и ушедших на фронт земляков. В школе проводились пионерские сборы. Несмотря на тяжелые военные годы, дружина продолжала активно работать, учиться. Разучивали много песен, проводили пионерские костры.

«Военное время закалило и укрепило веру в свои силы, отданные борьбе за Победу. Ребята того времени выросли и стали достойными людьми», — считает Нина Семеновна.

РОМАНОВ КУЗЬМА СТЕПАНОВИЧ

Родился 1 ноября 1917 года (27 октября по старому стилю) в селе Париж. «Учился в школе, потом поступил в Троицкий педагогический техникум.

Работал учителем в Фершампенуазской средней школе до призыва в ряды советской армии. И вот война, и меня и Ишимова Георгия Ивановича (учителя Фершампенуазской средней школы) отправили в запасной полк для обучения новобранцев артиллерийскому делу. В октябре 1942 года мы сели на поезд, который ехал на запад, на фронт.

По пути на фронт нас встретили немецкие самолеты. Они начали бомбить поезд, разбили паровоз. Состав остановился, и нас стали расстреливать с этих самолетов как куропаток. Я получил ранение в ногу. Пролежал в госпитале с ноября 1942 года по апрель 1943 года.

Наш полк участвовал в освобождении г. Киев и г. Коростель. В г. Коростель были сильные бои, где мы потеряли полностью первый дивизион. Перед городом Прага нам объявили радостную весть — Победа! Мы ликовали.

Нас обеспечили новыми минометами за одну ночь и мы двинулись до г.Карловы Вары. После взятия города мы поехали домой в Фершампенуаз.

Я женился на чистокровной нагайбачке и у нас с ней родилось три девочки и один мальчик».

Вот так он и прожил свою жизнь. 4 декабря 2000 года он, к сожалению, скончался.

ВАСИЛЬЕВ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ (1916—1999 гг.)

Родился в 1916 году в с. Париж. Окончив школу крестьянской молодежи, поступил в Троицкий педагогический техникум, который окончил в 1936 году. Работал учителем в Фершампенуазской средней школе.

В 1938 году Ивана Яковлевича призвали на службу в ряды Вооруженных сил СССР. Служил на Дальнем Востоке. В 1941 году ушел на фронт, воевал в звании лейтенанта. Дважды был тяжело ранен. В 1945 году 6 месяцев пролежал в госпитале. День Победы встретил дома. За боевые заслуги награждён орденом Отечественной войны 2 степени, многими медалями.

После возвращения с фронта работал учителем истории. В Фершампенуазской средней школе, был избран секретарем РК КПСС. Работал заведующим районным отделом народного образования. Награждён орденом Трудового красного знамени. Три сестры Ивана Яковлевича — Анастасия, Анна, Пелагея — также закончили Троицкий педагогический техникум и до пенсии работали учителями в Парижской средней школе. Жена Ивана Яковлевича, Фатима Аюповна, долгое время работала учителем Фершампенуазской средней школы. Они воспитали троих детей. Дочь Эльвира также стала учителем.

Иван Яковлевич один из первых учителей, получивших высшее историческое образование. Его примеру последовали другие учителя.

ЕГОРОВ ВАСИЛИЙ ЗАХАРОВИЧ

Родился в с. Париж в 1918 году. В 1934 году он закончил Фершампенуазскую среднюю школу, а в 1936 году Троицкий татарский педагогический техникум, после окончания которого, работал учителем математики до начала Великой Отечественной войны. На фронт Василия Захаровича сразу не отправили, так как его отец в 1937 году был репрессирован. С января 1942 года Василий Захарович работал токарем на военном заводе, а с июня 1942 года в составе 41 дивизии участвовал в боях, под Сталинградом. Был ранен. В декабре 1942 года зачислен минометчиком в 101 полк 53 гвардейской дивизии. В составе этой дивизии участвовал в освобождении городов Чертково, Миллерово, Старобельска и других. Во время штурма г. Старобельска был тяжело ранен, 4 месяца лечился в госпитале,

В мае 1943 года зачислен в состав 8 отдельного стрелкового батальона при управлении «Смерш» третьего украинского фронта.

День Победы Василий Захарович встретил под Веной в Австрии. Демобилизован в ноябре 1945 года. После возращения домой, работал учителем в Фершампенуазекой средней школе, директором в Парижской, Куликовской, Кассельской школах. Педагогический стаж Василия Захаровича — 43 года.

Его сыновья Александр и Владимир так же стали учителями. Дочь Галина выбрала профессию медицинской сестры.

Василий Захарович награжден орденом Славы 3-й степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и другими наградами.

В газете «Всходы» напечатана статья П. Минеева о Василии Захаровиче «Наш учитель математики».

В далёком детстве, в сороковые—пятидесятые годы прошлого столетия, и я был школяром Фершампенуазской сельской десятилетки. Учителей с высшим педагогическим образованием в школах было мало. После победного завершения Великой Отечественной многие бойцы вернулись в родные края с лёгкими и тяжёлыми ранениями. Как всегда, учительская работа ложилась на хрупкие женские плечи. Конечно же, в первую очередь воспитанием детей должны заниматься мужчины.

Наконец, в ряды учителей стали вливаться воины-учителя. Это были мужественные, но очень скромные люди. Молчали они о своих военных подвигах, а они были, как выяснилось десятилетия спустя. Не хотели, видимо, ворошить прошлое, кровавое, смертоносное. Оно не для школьной жизни. Не носили они орденов и медалей, заслуженных в военные огневые годы из-за скромности, разве только в День Победы, на парадное шествие.

Среди фронтовиков был и наш учитель математики, Василий Захарович Егоров, кавалер орденов Славы. Но об этом мне стало известно из его воспоминаний в выступлениях перед школьной аудиторией, когда я стал уже учителем, окончив Магнитогорский пединститут по специальности математика и физика.

Преподавать геометрию начинали с шестого класса. Фундаментом этой науки, как, впрочем и любой другой, являются основные неопределяемые понятия, аксиомы… Билась над этим с нами совсем молоденькая белокурая учительница. Учебников не было. Мы никак не могли усвоить азы этой науки. Наконец, она дрогнула, оставила нас, несмышленых, и…

Неожиданно появился перед классом сухопарый, подвижный, невысокого роста мужчина — Василий Захарович. Вошёл он в классную комнату своей стремительной походкой и сел за учительский стол. Мы «затихарились»: мужчина-математик. Любопытно же!

И начал он «прощупыать наши скромные познания по геометрии. Запас этих знаний в самом начале учебного года был маловат… Но мы не опускали стыдливо свои глазёнки, не прятались за спинами товарищей. Мы были «храбры», любопытны и любознательны. Это он оценил сразу:

— Вы мне нравитесь, — произнёс Василий Захарович, — я буду заниматься с вами.

Мы молча ликовали, глазёнки наши светились, таким образом мы проявили живой интерес друг к другу. Позже узнав ближе нашего воспитателя и учителя, часто приставали к нему с расспросами: «Как там, на войне, Василий Захарович?», но он молчал, «как партизан» в окружении шестиклассников:

— На войне плохо, там убивают людей.

Не хотели фронтовики посвящать нас в это не детское военное лихолетье.

Имел Василий Захарович неполное высшее образование — окончил учительский институт, однако превосходно владел методикой преподавания. В педагогических институтах такой методики не получить… Почему, задавал я себе неоднократно этот вопрос.

Часто, бывало, на самый конец урока он оставлял 2—3 минутки на доказательство новой теоремы. Просто и наглядно это ему удавалось. Не было в те годы и в помине Шаталовских курсов повышения квалификации учителей. Таким образом он излагал свою любовь и преданность математике.

Таковым является учитель математики — фронтовик Василий Захарович. Говорю так, потому что убеждён: бывших учителей не бывает… Таким мне видится его образ, начиная с далёких послевоенных времён. Таким он есть и будет в памяти его учеников. Может быть, не всех учителей мы так любили, но уважали определённо всех.

Мы и сейчас преклоняемся перед его жизненной позицией, перед его военными и гражданскими подвигами. От имени всех поколений выпускников школ района говорю: «Огромное спасибо Вам за то, что Вы были и есть с нами!»

БАЙТЕНОВ МУХАМЕДЖАН БАИКЕНОВИЧ

— кавалер ордена Александра Невского.

Байтенов Мухамеджан Баикенович родился 3 мая 1918 года в деревне Реутово Чесменского района Челябинской области, казах. По специальности учитель начальных классов, окончил Троицкий педагогический техникум. В 1939 году был призван на действительную военную службу в ряды Вооруженных Сил. В 1939 году участвовал в боях на Халхин-Голе, в 1940 году в войне с Финляндией и с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года — участник Великой Отечественной войны. Участвовал в битвах за Смоленск, Москву в составе 152 пограничной дивизии, 57 танковой дивизии, второй воздушно-десантной дивизии. В составе

57 ТД участвовал в историческом военном параде войск на Красной площади 7 ноября 1941. Мухамеджан Баикенович в составе 2 гвардейской воздушно-десантной дивизии до конца 1942 года воевал на Ленинградском фронте в районе Старой Руссы, Новгорода. Получив тяжелое ранение, лечится в военном госпитале гор. Челябинска. После выздоровления Байтенов направляется в 15 лыжную бригаду на должность командира взвода разведчиков.

Участвуя в битве на Курской дуге, 6 отдельная разведывательная рота 2 гв. ВДВ во главе со своим командиром гвардии капитаном М. Б. Байтеновым совершает рейд в тыл врага, выполняет смелые боевые действия. За смелое руководство боевыми действиями личного состава роты и личное мужество командир 6 ОРР гв. капитан Байтенов награжден орденом Александра Невского № 4608. После завершения Орловско-Курской битвы 6 отдельная разведывательная рота в составе 2 гв. ВДВ участвовала в боевых действиях по освобождению Украины, Белоруссии, Молдавии, Венгрии, Чехословакии. В ходе боев гвардии капитан Байтенов М. Б. был дважды тяжело ранен: в 1942 году под Старой Руссой, 5 мая 1945 года под городом Прагой. После второго ранения до 1946 года находился на излечении в военном госпитале г. Кракова.

В 1946 году вернулся на родину и до 1991 года трудился на различных административно-хозяйственных должностях. За боевые и трудовые подвиги Мухамеджан Баикенович награжден: орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями за оборону Москвы, Ленинграда, за освобождение Киева, за победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и многими другими медалями.

Кроме того, в связи с 40-летием Победы Мухамеджан Баикенович награжден вторым орденом Отечественной войны 1 степени.

Жена Байтенова Агайша Урантаевна 1919 года рождения, дети: дочь Марьям — 1947 года, сыновья: Жанкрхан — 1950 года рождения, Темирхан — 1952 года рождения.

После болезни 27 сентября 1991 года умер в поселке Нагайбак и похоронен на мусульманском кладбище села Копал Нагайбакского района.

СЕРГЕЕВ КОНСТАНТИН КУЗМИЧ

Родился в с. Париж. После окончания Троицкого педагогического техникума работал учителем. Был директором сначала в Париже, затем в Фершампенуазе.

В 1939 году был призван в армию. Ушел на фронт. Воевал в артиллерии. Имеет медаль за победу над Германией. После войны работал инспектором и заведующим РайОНО. Умер от болезни в 1959 году.

БАТРАЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1918 году в с. Париж.

В 1934 году закончил Фершампенуазскую неполную среднюю школу, а в 1936 году вместе с Егоровым Василием Захаровичем поступили в Троицкий педагогический техникум. До войны был не годен к строевой службе.

Во время войны прошел обучение и был призван в ряды Красной армии в 1945 году, Воевал, в составе 1-го и 3-го Белорусских фронтов в качестве начальника радиостанции средней мощности. Участвовал в освобождении Смоленска, Витебска, Минска, Вильнюса и взятии Франкфурта-на-Одере, Берлина.

Награжден орденом «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». Демобилизован из армии в конце 1945 года. С января 1946 года работал директором ГОВЗ, с 1949 года завучем Фершампенуазской средней школы. С 1954 года по 1971 год директором Парижской средней школы, с 1971 по 1978 г. учителем химии.

В 1978 году Иван Николаевич ушел на пенсию.

ГЕРАСИМОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

1918 (или 1914) года рождения, после окончания исторического факультета Оренбургского педагогического института преподавал в Фершампенуазской средней школе математику и физику. В годы Великой Отечественной войны был директором школы до 1942 года. Работник политотдела воинской части, майор. Погиб в июне 1945 года на территории Германии.

«Дорогие мои родители.

От меня Вам всем сердечный привет. Пока живу и служу хорошо. Мой хозяин сообщил мне, что меня представили к награде. Я очень доволен, что мой труд умеют оценивать. Я еще лучше буду стараться в борьбе с врагами Родины.

Не пожалею ничего! Будьте уверены, что ваш сын оправдает доверие партии и правительства.

Здоровье хорошее. Питание достаточное. Одели по зимней форме. Из дома письма получаю. Рад, что Миша, Прасковья, Афонька — все написали письма. Пусть пишут так всегда. Как получу ваши письма, мне становится легче. Вам всем за письмо большое спасибо.

Пусть мама и Вы зря не беспокоятся. Живы будем, победим и счастливо заживем.

Привет всем родным.

Ваш сын Александр»

Письмо отцу
Герасимову Ивану Афанасьевичу,
5 ноября 1942 года.

(*Продолжение следует*)

с. Фершампенуаз

Александр Сухин

Два метода объяснения истории

Дорогие товарищи! Господа!

До марксизма, несмотря на то, что была попытка систематизировать все взгляды на историю, но сколько-нибудь упорядоченной системы так и не получилось. Хотя некоторые верно были схвачены реальные отношения и связи.

Более ста лет назад возникла теория марксизма, дополненная ленинизмом.

Марксизм-ленинизм — целостное, стройное и самостоятельное учение, составными частями которого являются: диалектический и исторический материализм, марксистская политическая экономия и социализм.

Но, несмотря на это, общество до сих пор не достигло высшей теоретической точки, всеобщего понимания, высокой производительности труда, достигающей научной потребности, благоприятных доброжелательных взаимоотношений между людьми и прочного мира на земле, мирного времени, мира без оружия и войн. Всё ещё продолжается борьба, идут локальные войны и даже были две мировые войны. В настоящее время человечество стоит на грани термоядерного истребления и экологического исчезновения. Где забота о человеке и мире?

В наш ядерный век никто не имеет права молчать. Чтобы спасти жизнь и человечество, надо говорить правду и только правду.

Да, марксизм представляет целостное учение. Возникла первая систематизация взглядов, которая уже частично объясняет развитие истории человечества. Марксизм в общей сумме представляет богатство знаний об обществе. В то же время марксизм еще не поставил на повестку дня необходимость полностью знать обществоведческую теорию. Всю ставку делают на утопический коммунизм, а это есть, как и весь марксизм, только незначительная часть обществоведческой теории. А отсюда, будем говорить прямо, что не только теория марксизма, но и вся теория об обществе в целом, не достигла еще полной своей дефиниции. В силу этого в обществе еще содержатся значительные утопические явления и эмпиризм. Причины?

Философия в своем развитии находится еще на довольно низком уровне. Она призвана строго научно объяснить историю, является основным источником научного мировоззрения и методом подхода ко всем явлениям природы и человеческого общества. А философия все изучает идеализм и материализм, когда идеализм тоже есть материализм. Какой уж тут метод. Следовательно, она слаба, то она не в состоянии всё правильно и научно объяснить. Политэкономия, исходя из всех последних научных данных, объясняет историю развития человечества в простом ряду наличия общественно-экономических формаций. На схеме выглядит так:

а	а	а	а	а

где: а — общественно-экономические формации, которые знает каждый студент.

Это есть первый метод объяснения истории развития человечества. Вот что и достиг марксизм и ленинизм.

Так всё до сих пор и отмечается во всем многочисленных трудах и докладах вместе взятых.

Это положение не отвечает всем реальным отношениям и связям. Не отвечает еще всем законам развития природы, человеческого общества и мышления. Это еще неполная наука, можно сказать, псевдонаука. В связи с этим, люди еще не знают полностью свои собственные производственные отношения, а что знают никак эти идеалы не могут полностью претворить в жизнь.

Например, в СССР существовала «Программа КПСС», принятая еще в 1960 г., которая призвана была к 1980 году в основном построить коммунистическое общество. Прошли годы и не получилось. Наоборот, когда программа должна была выполнить свою основную роль, в обществе наметился спад, что теперь признано официально. 11 июня 1985 года в своем докладе «Коренной вопрос экономической политики партии» М. С. Горбачев отметил: «Однако нельзя не видеть, что с начала 70-х годов стали ощущаться определенные трудности в экономическом развитии страны». Причины?

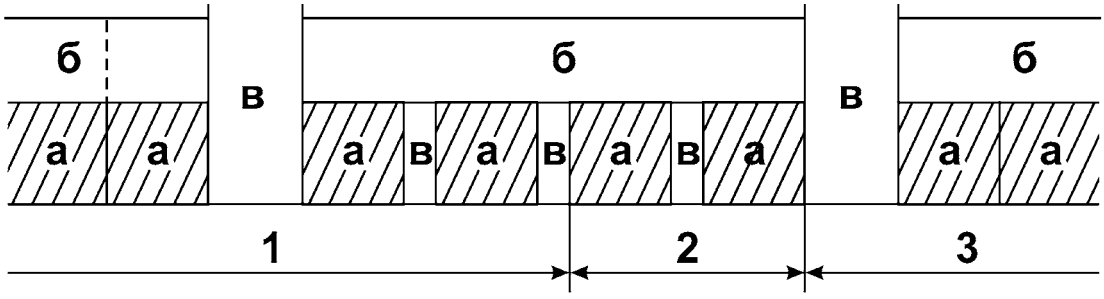
Просто еще обществоведческая теория находится в утопическом состоянии. Она опирается прямо на эмпиризм, а не Науку созидать. Это и есть утопизм.

Что нужно для общества и всего человечества?

Нужна полная обществоведческая наука, а не псевдонаука. Нужно знать не просто марксизм, а всю обществоведческую науку в целом. Марксизм достиг больших высот в научности и в истинности в знаниях. Но несмотря на это, это только часть обществоведческой теории, марксизм представляет лишь некоторый момент целостной системы, а нужно знать всю её систему и полностью схему. Нужно знать всю схему или систему любого явления, ракеты или любого комплекса, но не часть, хотя бы нужного и исправного. Нужно знать всю схему или систему развития человечества в целом.

Диалектический и исторический материализмы — это хорошо, но это только часть нужных и необходимых законов. Но нужно знать все законы развития природы, человеческого общества и мышления. Конкретно: нужно еще знать законы философского материализма, они первичны. Затем нужно знать законы социологии, с позиции первенства размещения трудящихся масс. А их много. Вот все вместе и дает новый и правильный метод подхода ко всем явлениям природы и человеческого общества.

Законы философского материализма обеспечивают развитие обществоведческих форм по признакам вида и рода. Эти признаки обеспечивают понятия не просто наличие простого ряда общественно-экономических формаций, но и наличие социальных систем в истории развития человечества. На схеме выглядит так:



где:

А — общественно-экономические формации,

Б — социальные системы развития человечества;

В — переходные периоды;

1 — производственные отношения общества прошедшего времени;

2 — производственные отношения общества настоящего времени;

3 — производственные отношения общества будущего времени человечества.

Вот это и есть общая схема или система развития всего человечества в целом. Охваченная теоретиками всех стран.

Общественно-экономические формации имеют свои признаки обществоведческих форм и только на вид.

Социальные системы развития человечества имеют свои признаки обществоведческих форм и только на род.

Все общественно-экономические формации входят в ту или другую социальные системы развития человечества.

Некоторые признаки социальных систем на род.

Коллективная жизнь людей. Индивидуализм. Общественная собственность. Необщественная собственность. Наука созидать. Эмпиризм.

Кроме того, все эти признаки обществоведческих форм на род имеют свойства противопоставления. Одни негативные — другие позитивные.

Признаков общественно-экономических формаций на вид очень много.

Все они подробно и хорошо описаны в учебнике «Политическая экономия». Я еще подробнее описал в своих книгах и статьях. Но некоторые:

Свободные личности. Рабовладельцы — рабы. Феодалы — крестьяне. Капиталисты — рабочие. Начальники — подчиненные. Народовластие.

Таким образом, первый метод исходит из наличия простого ряда пяти общественно-экономических формаций. Это еще утопия. Народ её не знает.

Второй метод исходит из наличия трех социальных систем в истории развития человечества, но с учетом присутствия общественно-экономических формаций. Это уже наука. Но ее знают отдельные теоретики.

Это уже отвечает Науке созидать и Объективному материализму.

Так возникает вторая система взглядов. Так будут изучать историю в будущем.

В теории накопилось столько: обществоведческих форм, категорий, понятий и терминов. Можно сказать больше тысячи. Разобраться в них многим трудно. Всё надо изучать в вузе.

Но в жизни и на практике есть другой вопрос. С самого начала зарождения человечества, проходя все общественно-экономические формации и наши дни, идёт постепенное совершенствование формирования низовых производственно-хозяйственных единиц общества. Где люди живут, трудятся и создают свои материальные блага. А теоретики всё их разбрасывают.

Вот, исходя из всех последних данных, к чему они пришли.

1. Должно быть базовое производство. Это крупная промышленность и транспорт с цехами, карьерами, портами, станциями распределяется по Универсальным предприятиям. В качестве Общественной собственности.

2. Должно быть коллективное поместье. Из расчета 2 гектара на человека. В пределах на 2—3 тысячи человек. Которое округляется в пределах 60 кв. км земли. 50% которого находится под дремучим лесом. 50% которого — под хозяйственными нуждами, животноводством, услугами и для создания продовольственной программы. Плюс, имеется специализация и кооперация с соседями. Всё в качестве коллективной собственности.

3. Должен быть прочный, просторный дворец-термос. Который обеспечивает им коллективную жизнь, коллективный труд и коллективную собственность. Без чего невозможно обеспечить выполнение всех задач и нужд, удобства и уюта, зажиточность и долголетие на все 100% необходимых для жизни людей.

Вместе с этим, который обеспечивает им физическую сохранность от всех стихийных и социальных бедствий.

Это есть совершенно качественно новый, правильный социально-экономический образ жизни людей будущего.

На деле в жизни общество должно отказаться от узкоспециализированных предприятий и учреждений без земли и признать Универсальные предприятия с коллективными поместьями и со дворцами-термосами. С нормой земли на одного человека два гектара.

Здесь будет осуществляться от одного к другому очень сложный переходный период. Где возникает Законодательная власть большинства народа, а затем и коллективы одинаковых достоинств. Это будет уже твердое Народовластие.

Вот, согласно Науки созидать, ему и будет принадлежать правильное решение по всем социально-экономическим вопросам.

Но надо сказать, согласно полной Науки созидать, что теперь обществоведческая наука создана более полнее и вышла наконец из Утопии в жизнь. Это значит, что любая возможность, теперь в области общественных отношений, легко претворяется в действительность. И не через 100 лет и тем более тысячи, а согласно точного расчета и плана строго по времени.

Например, на местах Универсальные предприятия с коллективными поместьями создаются за 10—12 лет.

Это есть вдох реального облегчения начала Народовластия и полной зажиточной безопасной жизни.

Теперь и народ будет образованным и будет точно знать, что надо делать. И монархи тоже будут знать, что надо делать. Они всё создают свои доктрины, послания, которые не отвечают жизни народа.

Например, в России цари придумали легитимизм. Наследственной и абсолютной власти царей. Это полное безумие. Не отвечало Народовластию и Науке созидать. Что и привело к краху царизма в России.

Первый метод объяснения истории, он же является и первым этапом развития человечества, он еще темный. Здесь есть денежное обращение.

Второй метод объяснения истории, он же является и Вторым этапом развития человечества, он уже светлый. Здесь есть уже Наука созидать.

Так, наконец, человечество выйдет на Мирный, широчайший прогресс, неограниченного своего развития.

Надо полагать, что только в условиях наличия Универсальных предприятий с коллективными поместьями и со дворцами-термосами происходит материализация всех задач и всех проблем человечества.

Это значит, что в условиях наличия Универсальных предприятий с коллективными поместьями общество обеспечивает себе Научную организацию труда и Народовластие, в результате чего возникает Научный Способ производства материальных благ. Он уже обеспечивает высшую производительность общественного труда, достигающей научной потребности. Что обеспечивает развитие и внедрение научно-технического прогресса в невиданных масштабах, а он уже дает толчок ускорения социально-экономического развития общества и всего человечества. Что, в конце концов, разрешает все 100% проблем человечества, а следовательно, и все высшие идеалы приятной полноценной жизни людей, в том числе объективный мир, мир без оружия, когда война будет невозможна.

Такому порядку причин и следствий надо следовать, тогда и будет достигнут быстрый успех и доброжелательность, а не наоборот.

Первый метод объяснения истории с наличием одних общественно-экономических формаций является менее удачным.

Второй метод объяснения истории с наличием социальных систем развития человечества, является более удачным.

Если первый метод не дает ещё возможности определить главные пути изменения общественной жизни, то второй метод полностью, правильно и научно всё объясняет.

Если первый метод не нашел ещё полного и ясного объяснения существующих социальных систем, что и создает извращенное представление о ходе развития истории и собственных производственных отношений общества, то второй метод полностью систематизирует обществоведческую теорию и устанавливает ясность во всем.

Первый метод заводит историю и теорию в тупик. Даже выдающиеся руководители и крупнейшие учёные задают всё еще вопросы: что такое человек и каково его место в жизни? Способен ли он познать и преобразовать мир, и если да, то каким образом? Второй метод выводит историю и обществоведческую теорию на широкий простор перспективы и неограниченной деятельности без вопросов.

Пока теория изучается по трём социальным системам развития человечества. Согласно всех законов развития природы, человеческого общества и мышления, только третья социальная система человечества будущего времени представляет Научный Способ производства материальных благ, а он объективный мир, когда война будет невозможной. Он представляет собой передовой образ мышления. Через Универсальные предприятия с коллективными поместьями, доброжелательность и приятную полноценную жизнь людей.

Если будет принята теория Научного Способа производства материальных благ, то не просто младшее поколение людей, а еще и старшее поколение людей успеет пожить при коммунизме.

Если будет доказана теория Научного Способа производства материальных благ и он практически будет претворен из возможности в действительность, то и жизнь будет и человечество на земле миллионы лет будет.

Таким образом, автор предлагает обществу теорию Научного Способа производства материальных благ, который и представляет в четких границах ясную и светлую перспективу для советского общества и всего человечества. Ещё не поздно жизнь и человечество на земле спасти. Только в условиях Научного Способа производства материальных благ вой-

на будет невозможной. Поэтому борьба за Научный Способ производства материальных благ — это есть реальная борьба за мир.

Первый метод объяснения истории порождает безответственный подход к судьбам людей и человечества. Второй метод объяснения истории обеспечивает ответственный подход к судьбам людей и человечества. Только так общество не допустит ядерной катастрофы.

Только так мир победит войну.

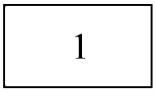
Автор предлагает всем серьезно приступить изучать теорию Научного Способа производства материальных благ и если данная теория перейдет в личное убеждение, то и приступить активно бороться за претворение Научного Способа производства материальных благ в жизнь.

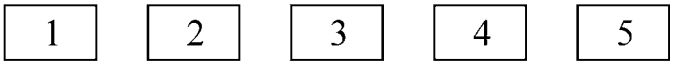
Первый метод объяснения истории абракадабру, которая возникает в обществе, не устраняет, а создает.

Второй метод объяснения истории абракадабру не создает, а устраняет. При всём позитивном, у людей возникает приятное самочувствие, доброжелательность. Что и обеспечит Мирный, Новый мир, без оружия и войн.

Кратко повторяем.

Первый метод изучения истории

1. 

2. 

3.

1. Всю историю изучает не общественная наука, а теория «марксизма-ленинизма».

2. Всю историю изучают в простом ряду наличия 5 общественно-экономических формаций:

первобытнообщинного строя,
рабовладельческого строя,
феодального строя,
капиталистического строя,
бюрократического строя.

3. В основном, всю историю изучают по 3 обществоведческим предметам:

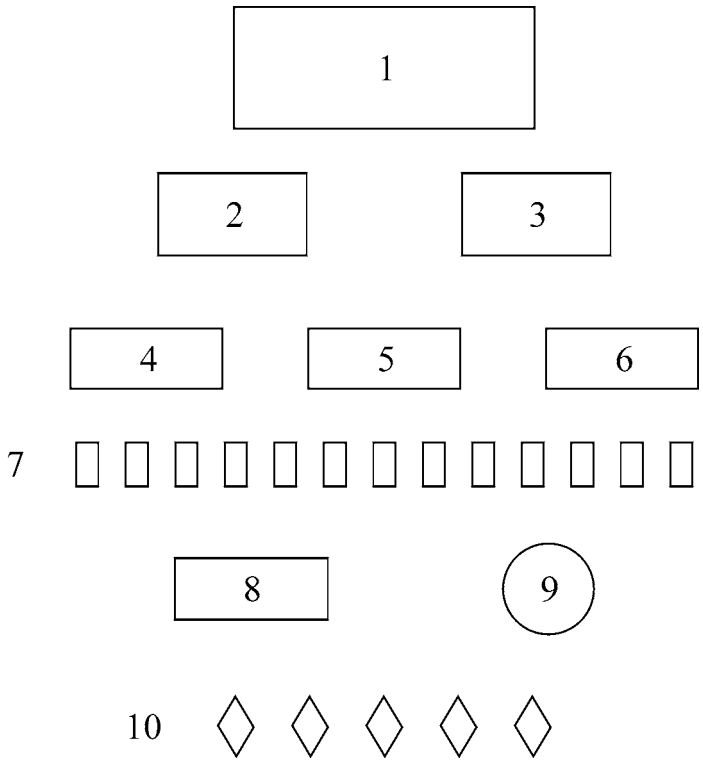
философии,
политической экономии,
социализма.

Притом «социализм» для них не обществоведческий предмет, а общественно-экономическая формация.

Первый метод объяснения истории заводит обществоведческую науку в тупик, нет простора для мысли, здесь не видно социологического прогресса, нет экономической перспективы.

В силу этого существует не морально-политическое единство среди людей, а раскол в обществе.

Второй метод изучения истории



1. Самая большая категория — «ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКАЯ НАУКА» (Наука созидать).
2. Ненаучный способ производства материальных благ.
3. Научный способ производства материальных благ.

Всё делится на три Социальные системы развития человечества:

4. Была. Конкретная социальная система античного времени.
5. Есть. Абстрактно-эмпирическая, субъективная социальная система нашего времени.
6. Будет. Конкретно-научная, объективная социальная система будущего времени.

Кроме того, вся история развития человечества делится на 13 самостоятельных, за каждым разом качественно новых, исторических полос или этапов.

7. Общественно-экономические формации и переходные периоды между ними.
8. Изучаем недостатки узкоспециализированных предприятий и учреждений.
9. Изучаем преимущества Универсальных предприятий с коллективными поместьями.
10. Полную «обществоведческую науку» изучаем при помощи 5 обществоведческих предметов: философии, социологии, политической экономии, социализма и истории.

Только второй метод объяснения истории обеспечивает людям ясность социологического прогресса, перспективу экономического развития, научный аспект, морально-политическое единство для всех, теоретические и правовые основы будущего общества и всего человечества.

г. Челябинск

Владимир Черноземиев и иже с ним

Корабли вышли из берегов,

или извлечения из архивов идейного отца репунсизма

* * *

Как Исус создал Адама,
Взвыл Адам: «Мне скучно!»
Для Адама создал даму
Бог собственноручно.

Вот тогда Адама в гневе
Сделал он калекой —
Из ребра он сделал Еву,
Тоже человека.

И Адаму стало плохо,
В первый раз напился,
Пригласил ее на танец,
А потом женился.

Стала Ева королевой.
Повела хозяйство
И Адаму повелела
За охоту взяться.

Он ей шкуры нес на плавки,
Не была б нагая,
И просил у бога, плача,
Ребра предлагая,

Но она, накрасив губки,
Говорила хмуро:
«Разрешу, когда на шубку
Принесешь мне шкуру».

Уходил Адам на тигров,
Возражать не смея,
Оставлял жену с квартитрой
На соседа Змея.

Так Адаму стало туго,
Стал, как ветер, легкий,
И купил он у Нептуна
По Днепру путевку.

И пока Адам семейный
Набирался силы.
Ева яблоко, у Змея
Взявши, надкусила.

И когда муж, полный силы,
К дому возвратился,
Ева мальчика носила —
И Адам напился.

Он измял себя, как тесто:
Чудо, не иначе,
Если ребра все на месте,
То откуда мальчик?

Дни туристские несутся,
Я домой поеду,
Не надейся на Исуса,
Берегись соседа.

г. Челябинск

Электронная версия альманаха размещена по адресу
www.zenon74.ru/projects

Графоман № 4(16)/2013
Литературный альманах
Редактор *Н. И. Година*
Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 25.11.13 г. Гарнитура «Палатино Линотайп».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/16. Объем 14,95 усл. печ. л.

Заказ № 176.
Тираж 175 экз.
Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Издательско-полиграфическое предприятие
“Фотохудожник”»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.